

LEFT ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО BEHIND®

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ
ПОБЕДА

65 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ

ПОБЕДА

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КНИГОВЕХ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 Да придет Царствие: Роман / Пер. с англ.
А. Веркина. — М.: Книжный Клуб Книгоvek,
2013. — 432 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0656-2

Роман «Да придет Царствие» — это завершение грандиозной саги «Left Behind». Ужасные испытания времени Скорби остались позади. На земле установилось Царствие Христово, и верующие по всему миру наслаждаются присутствием своего Бога. И все же зло проникает в сердца людей вместе с неверием. И когда тысячелетнее благоденствие подходит к концу, новое поколение неверующих снова начинает войну за право обладания Землей.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #16: Да придет Царствие, Russian
Copyright © 2007 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2013 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.

Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0656-2

© Книжный Клуб Книгоvek, 2013

*Посвящается Иисусу Христу,
который избавил нас от наших грехов
и обещал вернуться Царем царей
и Владыкой владык*

Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;
да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя
и на земле, как на небе;
хлеб наш насущный дай нам на сей день;
и прости нам долги наши, как и мы прощаем
должникам нашим;
и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.
Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Евангелие от Матфея 6:9б-13

ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА

ГЛАВА 20

1 И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

2 Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет,

3 и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время.

4 И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет.

5 Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение.

6 Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.

7 Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской.

8 И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный.

9 И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их;

10 а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков.

11 И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места.

12 И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими.

13 Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим.

Да приидет Царствие

14 И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая.

15 И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное.

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ ДОКТОРА ТИМА ЛАХЭЯ

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ЦАРСТВОЕ берет свое название из 20-й главы книги Откровение.

Тысячелетие — так определяется срок царствования Христа, следующий за Восхищением и временем Скорбей и предшествующий сотворению Им нового неба и земли. Во время этого тысячелетнего царствования Христос будет физически править на Земле.

В 20-й главе Откровения приводится не слишком много подробностей, касающихся тысячелетнего царствования Христа, за исключением окончательного порядка событий последних дней, конца истории, которую мы знаем, и протяженности царствования. Однако там есть достаточно деталей, чтобы мы могли предполагать, как могут разворачиваться будущие события. Многие цитаты из Ветхого и Нового Завета рассказывают

нам о будущем Израиля во время царствования Христа.

Я чувствую необходимость пояснить, почему Тысячелетнее Царствие — не есть царство небесное. Хотя в каком-то смысле его можно назвать предвкушением небес, но грех продолжает существовать. Те, кто вступает в этот период после пребывания на небесах, те, конечно же, уже святые, и те, кто пережил время Скорби, тоже. Так что первые дни Царствия будут идиллическими. Христос займет престол, а все жители Земли будут верующими.

Но появившиеся в это время новорожденные, очевидно, будут грешниками, нуждающимися в прощении и спасении. Я уверен, что пророчества из Писания говорят, что все, кто не уверует в Христа, достигнув возраста ста лет, будут прокляты. И хотя некоторые могут не соглашаться, все мы, кто воспринимает Библию буквально, сходимся в том, что такие люди умрут в свой сотый день рождения, таким образом раскрыв себя как неверных.

Также для вас может оказаться полезным посмотреть на Тысячелетнее Царствие как на еще одну попытку Бога достучаться до заблудших. Он начал с создания совершенной окружающей среды — сада Эдем.

Но грех проник туда.

Затем настало время веры, когда герои Ветхого Завета действовали, доверяясь Богу. Иудейская книга Нового Завета содержит целый зал славы, где деяния каждого святого предваряются фразой «во имя веры».

Но грех вмешался и здесь.

Затем настал век милосердия, во время которого Иисус умер за наши грехи, и нам осталось всего лишь уверовать в Него и Его страдания на кресте во имя нашего спасения.

И все равно мужчины и женщины отвергали Бога.

Затем придет Восхищение и время Великой Скорби, и несмотря на очевидные свидетельства того, что Бог есть Царь, люди все равно будут отворачиваться от Него и идти собственными путями.

Наконец, настанет Тысячелетнее Царствие Иисуса Христа, когда Он воссядет на престол земной. Свет его озарит весь земной шар. Его суд станет высшим судом. Невероятно предположить, что кто-то сможет отрицать это, и все же пророчества Писания предельно ясны. Когда в конце тысячелетнего срока Сатана снова вырвется на свободу, несмотря на то что на Земле будет верующих больше, чем когда-либо жило на свете, все равно найдутся те, кто будет жить только ради себя, и они составят армию восставших против Бога.

В конце концов, только на небесах будут жить одни лишь праведники.

Следует сразу сказать, что мы рассматриваем этот период с точки зрения противников антисемитизма. Мы действительно считаем, что вся Библия содержит послание Любви Господней и открывает Его замысел касательно Его избранного народа. Если для Израиля нет места в будущем Царствии Господнем, мы больше не можем верить Библии.

Я изучал пророчества Слова Божия всю свою сознательную жизнь — более шестидесяти лет, — и до сих пор меня заново приводит в восторг все, что я там нахожу. Теперь посмотрим, как Джерри рассказывает о том, как все это может осуществиться. Но даже и в таком случае — приди, Господь наш Иисус!

НА ЗАРЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ЦАРСТВА

Главные действующие лица

Абдулла (Смит/Смитти) Абганех, бывший пилот истребителя из королевских ВВС Иордании, Амман. Во время Восхищения потерял жену и двоих детей. Бывший второй пилот «Феникса-216», главный пилот отряда Скорби, направленный в Петру. Свидетель Второго Пришествия. Ныне живет в долине Иосафат, Израиль.

Ясмин Абганех, супруга Абдуллы, мать дочери *Бахиры* и сына *Заки*, которые были вознесены вместе с ней. Вернулись на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия. Тела их преображены.

Брюс Барнс, бывший второй пастор и первый член отряда Скорби. Погиб как му-

ченик. Вернулся на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия в преображенном теле.

Цион Бен-Иегуда, бывший ученый-раввин, израильский государственный деятель. После того как открыто рассказал по телевидению о своей вере в Христа как Мессию, его жена и двое детей-подростков были убиты. Бывший духовный лидер и наставник отряда Скорби. Его интернет-аудитория составляла ежедневно более миллиарда человек. Наставник уцелевших евреев в Петре. Убит при защите Старого города в Иерусалиме. Вернулся на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия в преображенном теле.

Сандрийон Жоспэн, работница Центра Детей Скорби (ЦДС) в долине Иосафат.

Игнас и Лотар Жоспэн, кузены Сандрийон, последователи «Иного Света», Париж.

Касим Мариг, друг Заки Абданеха, служащий ЦДС.

Монтгомери Клиберн (Мак) МакКаллам, бывший пилот верховного потентата Мирового Сообщества и Антихриста Николае Карпати. Главный пилот отряда Скорби, направленный в Петру. Свидетель Второго Пришествия. Живет в районе долины Иосафат.

Екатерина Ристо, гречанка, верующая, сотрудница ЦДС.

Доктор Хаим Розенцвейг, нобелевский лауреат, израильский ботаник и государственный деятель, бывший «Личность года» по версии журнала «Глобал уикли». Убийца Карпати, лидер более чем миллиона еврейских беженцев Петры. Свидетель Второго Пришествия. Живет в районе долины Иосафат.

Ирэн Стил, жена Рэйфорда, мать Хлои и Рэйми. Вознесена. Вернулась на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия в преображенном теле.

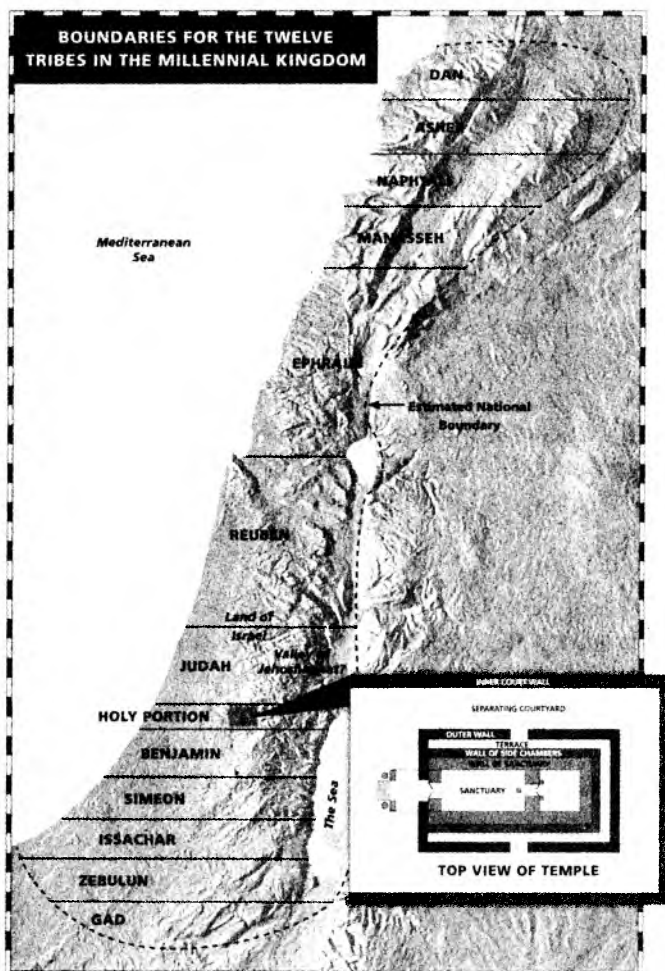
Рэйфорг Стил, бывший капитан «Боинга-747». Потерял жену Ирэн и сына Рэйми во время Восхищения. Потерял вторую жену, Аманду, во время авиакатастрофы. Бывший личный пилот Карпати, один из первых членов отряда Скорби. Свидетель Второго Пришествия. Живет в районе долины Иосафат.

Кэмерон (Бизон) Уильямс, бывший старший репортер журнала «Глобал уикли», бывший издатель «Глобал коммьюнити уикли» при Карпати. Один из первых членов отряда Скорби. Жена его, Хлоя, погибла на гильотине. Убит при защите Старого города в Иерусалиме. Вернулся на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия в преображенном теле.

Хлоя Стил Уильямс, дочь Рэйфорда и Ирэн, жена Кэмерона, мать Кенни Брюса. Один из первых членов отряда Скорби. Была казнена в тюрьме штата Иллинойс. Вернулась на Землю с небесным воинством во время Второго Пришествия в преображенном теле.

Кенни Брюс Уильямс, сын Кэмерона и Хлои, свидетель Второго Пришествия в Петре.

Густаф (Зик / Зет) Цукермандель-младший, бывший член отряда Скорби, фермер и работник, Тирана, Албания.

ПРОЛОГ

Из финала «Явления во Славе»

Рэйфорд старался держаться рядом с Хаимом. Люди покинули дом Розенцвейга без завтрака, не обменявшись ни словом, как будто они каким-то образом знали, куда они должны идти. Рэйфорд решил — что бы ни случилось, ему надо быть поближе к Хаиму, чтобы задавать вопросы. Остальные, видимо, думали так же, поскольку держались вместе, несмотря на толпы.

— Когда узрите Мой престол, станьте с теми, кто справа от Меня, слева от вас.

Слова Иисуса были не просто вложены в сердце Рэйфорда. Он по-настоящему услышал их. Без вопросов он двинулся влево, волны народа раздались в обе стороны, и внезапно вид перед Рэйфордом открылся во всей ясности. Прямо под небесным воинством, святыми и ангелами, по центру стояло возвышение, на котором на престоле воссе-

дал Иисус. За Ним стояли три ангела милосердия. По обе стороны от Него — архангелы Михаил и Гавриил.

Рэйфорд инстинктивно понял, что в этой долине собрались все, кто остался в живых на Земле.

— Около полумиллиарда или более того были вознесены семь лет назад, — пояснил Хаим. — Половина оставшегося населения была истреблена во время Судов Печати и Трубы в последующие три с половиной года. Еще больше погибли во время суда Чаш, когда миллионы верных погибли мученической смертью. То, что ты видишь, — где-то одна четверть тех, кто остался после Восхищения. И большинство из них умрет сегодня.

И действительно, Рэйфорд осознал, что тех, кто стоял справа от Иисуса, было куда меньше, чем тех, кто стоял слева.

Большая часть утра ушла на то, чтобы толпы нашли свое место и успокоились. Рэйфорду показалось, что те, кто стоял слева от Иисуса, были в лучшем случае озадачены, в худшем — перепуганы.

Гавриил вышел к краю возвышения и воздел руки, призывая к молчанию.

— Поклонитесь же Царю царей и Владыке владык! — воскликнул он, и миллионы по обе стороны от трона пали на колени.

На разных языках и наречиях они возгласили:

— Иисус Христос есть Бог!

Те, кто был слева от Иисуса, начали вставать, в то время как те, кто был вокруг Рэйфорда, остались на коленях.

— Тут явно две разные группы, Хаим, а?

— Вообще-то три, — ответил старик. — Вон там — козлица, последователи Антихриста, которые каким-то образом дожили до нынешнего дня. Ты стоишь среди агнцев по эту сторону, но я представляю третью группу. Я часть «братии» Иисуса, избранного Богом народа, дружественного агнцам. Мы — евреи, которые вступят в Тысячелетнее Царствие как верные, благодаря таким, как ты.

Гавриил дал знак всем встать. Когда все встали и притихли, он сказал громким голосом:

— Иоанн Богослов писал: «Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на Земле за кровь нашу?

И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

Люди Земли, внимайте мне! Настало время отомстить за кровь мучеников живущим на Земле! Ибо Сын Человеческий явился во славе Своего Отца со Своими ангелами, и ныне каждому воздастся по делам его! Как

написано: «Ибо вот, в те дни и в то самое время, когда Я возвращу плен Иуды и Иерусалима¹, — говорил Господь, — Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафат, и там произведу над ними суд за народ Мой и за наследие Мое, Израиля, который они рассеяли между народами, и землю Мою разделили. И о народе Моем они бросали жребий, и отдавали отрока за блудницу, и продавали отроковицу за вино, и пили».

Группа слева от Иисуса немедленно упала на колени снова и начала вопить и стенать:

— Иисус Христос есть Господь! Иисус Христос есть Господь!

Иисус встал и подошел к краю возвышения.

С гневом и печалью в голосе Он сказал:

— Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня².

Снова миллионы голосов завопили умоляюще:

— Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Иисус ответил:

— Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не

¹ Иоил. 3:1.

² Мф. 25:41.

сделали Мне. Идите же в муку вечную, а праведники пойдут в жизнь вечную.

— Нет! Нет! Нет!

Но, невзирая на их многочисленность и какофонию их воплей, голос Иисуса был слышен поверх всего этого хаоса.

— Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его¹.

— Мы чтим Тебя! Чтим! Ты Господь!

— Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь.

И дал Мне Отец власть производить и суд, потому что Я есть Сын Человеческий. Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца.

— Иисус есть Господь! — вопили обреченные. — Иисус есть Господь!

Гавриил выступил вперед, когда Иисус вернулся на трон.

— Молчание! — приказал Гавриил. — Пришло ваше время!

Рэйфорд в ужасе смотрел, хотя и понимал, что так должно быть, как козлища слева от Иисуса били себя в грудь и, вопя, падали на землю пустыни, скрежеща зубами и вы-

¹ Ин. 5:21—23.

дирая волосы. Иисус просто чуть приподнял руку, и в земле разверзлась зияющая пропасть, раздавшись так далеко и широко, что поглотила всех. Они падали туда, завывая и вереща, но вскоре их вопли затихли, все умолкло, и земля снова сомкнулась.

Все на возвышении встали по местам, и Иисус возгласил со Своего трона:

— Как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится¹.

Снова вперед выступил Гавриил²:

— Сын Божий, Иисус Христос, Владыка наш родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых.

Через Него мы получили благодать. Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет.

Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного

¹ Ис. 14:24.

² Рим. 1:3—5.

Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся — то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен вовеки, аминь.

— Аминь! — воскликнуло все собрание.

— Те, кто брошен во тьму внешнюю и ожидает великого суда Белого Престола через тысячу лет, воистину прощения иметь не будут. Господь послал Духа Святого как в день Пятидесятницы и двух проповедников с небес, которые несли Весть Его три с половиной года, а также сто сорок четыре тысячи свидетелей от двенадцати колен Израилевых. Бесконечные предупреждения и милосердие было простерто на тех, кто возлюбил себя, а не Бога.

Рэйфорд понял, что остались одни лишь верные, почитатели Христа, и сам он среди тех, кому предстоит населять Тысячелетнее Царствие.

Гавриил знаком велел всем сесть. Когда все разместились, он широко улыбнулся и громко произнес:

— Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет¹.

Бог Богов, Господь возглаголал и призывает землю, от восхода солнца до запада.

¹ Откр. 20:6.

С Сиона, который есть верх красоты, является Бог, грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю судить народ Свой¹.

При этих словах Иисус встал, и Гавриил отошел и встал за престолом вместе с остальными ангелами. И сказал Иисус:

— Соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве. Придите же!

Отовсюду, из земли, из облаков, слетелись души тех, кто умер в вере, кого Хаим и Цион часто называли «верующие мертвые» и среди которых теперь, как знал Рэйфорд, находился и сам Цион вместе со многими близкими и любимыми Рэйфорда.

Иисус начал с чествования святых Ветхого Завета, о которых Рэйфорд только слышал или читал. В отличие от Его общения со святыми Скорби — когда он сверхъестественным образом поговорил с каждым из них за единое мгновение, — на сей раз Иисус явил Свою силу и терпение. Эта церемония должна была продлиться много дней, решил в конце концов Рэйфорд, но он не ощущал ни голода, ни жажды, тело его не затекло от долгого сидения на песке. Ему была дорога каждая минута, поскольку он знал, что, когда Иисус закончит со святыми Ветхого Завета, он перейдет к мученикам Скорби. Ожидание момента, когда его родные и близкие бу-

¹ Псалом 49.

дут названы, было подобно ожиданию имени Хлои, когда она заканчивала среднюю школу, но последующее воссоединение будет стоить этого ожидания.

Он смотрел на часы, осознавая, как много времени уйдет на главных святых Ветхого Завета. О многих он и не слышал никогда — или был недостаточно образован, или деяния некоторых не были записаны. Но Бог все знал. Он знал их сердца, знал их жертвенность, знал их веру. Одного за другим Иисус чувствовал их, поднимая их, простертых у Его ног, и обнимая. И каждому Он говорил:

— Ты славно потрудился, слуга добрый и верный.

Когда они подходили к Нему один за другим, Иисус говорил:

— Без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть и ищущим Его воздает¹.

Вот Ной, смиренно склонившись, получил свою награду.

Иисус сказал:

— Верую ты, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговей приготовил ковчег для спасения дома своего; ею осудил он (весь) мир и сделался наследником праведности по вере.

Через час все зашумели, когда настал черед Авраама. Иисус сказал:

— Верую ты повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в на-

¹ Здесь и дальше: Евр. 11

следие, и пошел, не зная, куда идешь. Верою обитал ты на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо ты ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог.

Сразу за ним шла Сара, и ей сказал Иисус:

— Верою и ты, будучи неплодна, получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший. И потому от одного, и притом омертвелою, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.

Затем Иисус обратился к зрителям:

— Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.

Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единокровного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование.

Потом к трону приблизился Иаков, и Иисус сказал ему:

— Верою ты, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился наверх жезла своего.

За ним подошел Иосиф. Ему Иисус сказал:

— Верою ты, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.

Евреи начали вставать. Вскоре все они уже были на ногах. Сам Моисей преклонил колени у ног Иисуса вместе с какими-то мужчиной и женщиной, и Господь обнял их и сказал:

— Славно вы потрудились, добрые и верные слуги. Верою вы по рождении три месяца скрывали своего сына, ибо видели, что дитя прекрасно, и не уstraшилиcь царского повеления.

А ты, Моисей, верою, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Господне почитая большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо взирал на воздаяние. Верою оставил ты Египет, не убоявшись гнева царского, ибо ты, как бы видя Невидимого, был тверд. Верою совершил ты Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их. Верою провел ты детей Моих через Чермное море, как по суше, на что покусившись, Египтяне потонули.

Какая-то женщина преклонила колени перед Иисусом.

— Верою ты, Раав, с миром приняв согла-
датаев Моих и проводив их другим путем, не
погибла с неверными.

Когда всем героям Ветхого Завета, вклю-
чая Гедеона и Барака, Самсона и Иеффая,
Давида и Самуила, и пророков были возданы
почести, Иисус встал и сказал:

— Сии верою побеждали царства, твори-
ли правду, получали обетования, загражда-
ли уста львов, угашали силу огня, избегали
острия меча, укреплялись от немощи, были
крепки на войне, прогоняли полки чужих.

Жены получали умерших своих воскрес-
шими; иные же замучены были, не приняв
освобождения, дабы получить лучшее вос-
кресение.

Другие испытали поругания и побои, а
также узы и темницу, были побиваемы кам-
нями, перепиливаемы, подвергаемы пыт-
ке, умирали от меча, скитались в милотях
и козых кожах, терпя недостатки, скорби,
озлобления — те, которых весь мир не был
достойн, скитались по пустыням и горам, по
пещерам и ущельям Земли.

И все сии свидетельствованы в вере.

— Возможно, я немного опоздал с во-
просом, Хаим, — сказал Рэйфорд, — но ка-
кие теперь будут у меня отношения с Ирэн?
И с Аmandой. Я знаю, что о чем-то подобном
спрашивали Иисуса фарисеи, когда пыта-
лись поймать Его на слове, но мне правда
надо знать.

— Я могу тебе сказать только то, что ответил Иисус: «В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах¹. Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах². А сподобившиеся достигнуть того века, — то есть этого самого периода, — и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят»³. Яснее сказать не могу.

— Значит, только те, кто дожил до Тысячелетнего Царствия, будут жениться и рождать детей?

— Похоже, да.

Рэйфорд также ждал встречи со своими любимыми героями из Ветхого Завета.

— Но ведь мы сможем общаться с этими парнями, верно?

— Совершенно верно, — ответил Хаим. — В Евангелии от Матфея, глава 8, стих 11, Иисус говорит: «Многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном».

Но сейчас святых Ветхого Завета никто не тревожил. Они тоже стали зрителями, поскольку бесчисленное количество людей выстроилось в очередь перед троном, ожидая своей награды.

— Это те, кто умер, свидетельствуя об Иисусе, среди которых очень много погибших в годы Скорби, и им будет оказана честь.

¹ Мф. 22:30.

² Мк. 12:25.

³ Лк. 20:35.

Но те, кто погиб мученической смертью, получают свой особый венец.

Снова выступил вперед Гавриил и возгласил:

— Иоанн Богослов писал: «И увидел я души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет»¹.

Оценка Хаима оказалась точной. Каким-то образом Господь устроил так, что только те, кто знал каждого святого времен Скорби, стали свидетелями того, как тот получал свою награду. Так что Рэйфорду не пришлось переживать церемонию награждения миллиона или двух незнакомых ему людей, чтобы увидеть друга или близкого человека, потому что, как только празднество началось, перед престолом возник Брюс Барнс.

— Брюс! — крикнул Рэйфорд, не в силах сдержаться, вскочил и захлопал в ладоши. Все вокруг него тоже разразились аплодисментами, но выкрикивали они другие имена:

— Тетя Мардж!

— Папа!

— Бабуля!

После того как Рэйфорд стал свидетелем награждения и почестей, оказанных многим его старым друзьям, знакомым и близким, он, наконец, увидел Хлою, а прямо следом за ней — Бизона и Циона. Рэйфорд продолжал

¹ Отк. 20:4.

аплодировать, пока его дочь, зять и духовный наставник получали свою похвалу, объятия и мученический венец. Все небесное воинство приветствовало каждого мученика.

Иисус обратился к Хлое:

— Ты тоже погибла на гильотине во имя Мое, отважно свидетельствуя обо Мне до самого конца. Носи же его вечно.

Бизону Он сказал:

— Ты и твоя жена покинули сына своего ради Меня, но он вернется к вам, и стократ вы будете вознаграждены. Вас будет радовать любовь чужих детей в течение тысячи лет.

Циону Бен-Иегуде Иисус посвятил особое время, превознося его за «то, что ты отважно заявил перед всем миром о том, что Я — Мессия, которого так долго искал твой народ, потерял семью — которая вернется к тебе — и верно нес Мое Слово миллионам людей по всему миру и защищал Иерусалим до самой своей смерти. Бессчетные миллионы присоединились ко Мне в царстве Моем благодаря твоему свидетельству».

Рэйфорд радовался тому, как Иисус принимал десятки других людей, чьи имена он уже позабыл, участников сопротивления из многих стран, которые работали во взаимопомощи, прятали отряд Скорби и жертвовали жизнью за свои убеждения.

Только благодаря чуду, свершенному Господом через Иисуса, чествование более чем двухсот миллионов мучеников и святых времен Скорби вдруг закончилось. Иисус встал

у края широкого возвышения и раскинул руки, словно обнимая огромную толпу людей, у большинства которых были преображенные тела, и оставшихся в живых смертных, переживших Скорби.

— Ныне возведу определение, — сказал Он. — Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя. Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе. Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника¹.

Итак вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь пред Ним с трепетом. Почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него.

Я зову вас всех, всех до единого, в царство, которое приуготовил для вас. Рэйфорд, добро пожаловать.

— Благодарю Тебя, Господь мой.

Как кто-либо мог найти другого в бесконечной толпе душ, было чудом само по себе. Рэйфорд увидел, как Хаим звонит Циону, который уже был в объятиях жены и двоих детей. Альби и Мак смеялись, кричали и обнимали друг друга.

Хлоя и Бизон бежали навстречу Кенни.

И вдруг словно из ниоткуда рядом с Рэйфордом появилась Ирэн. О ее преображенном теле он мог сказать только одно — она

¹ Псалом 2

выглядела самой собой, словно не старилась. На самом деле она выглядела куда моложе. Вряд ли она могла сказать то же самое о нем.

— Привет, Рэй, — с улыбкой сказала она.

— Ирэн, — он обнял ее, — разрешаю еще раз сказать свое вселенское «Я же тебе говорила»!

— Ох, Рэйфорд, — ответила она, сделав шаг назад, словно желала получше рассмотреть его. — Я так счастлива, что ты пришел к Иисусу, я в таком восторге, что столько душ пошли тем же путем благодаря тебе, Хлое и остальным! — Она посмотрела куда-то ему за спину. — Рэйми, — сказала она, — иди сюда.

Рэйфорд обернулся — и увидел своего сына, взрослого мужчину. Он крепко обнял его.

— Даже ты знал ту истину, которую не видел я.

— Не могу передать, как я счастлив встретить тебя здесь, папа.

Рэйфорд показал на Бизона, Хлою и Кенни.

— Ты знаешь, кто это?

— Конечно, — ответила Ирэн. — Это мой внук, твой племянник, Рэйми.

Они смущенно подошли друг к другу, но лед первым разбил Бизон, когда Хлоя обняла родителей.

— Как же приятно, в конце концов, познакомиться с вами, — сказал он, пожимая руку тещи. — Я столько о вас слышал!

Они рассмеялись, стали обнимать друг друга и благодарить Господа за каждого из них и его спасение. И тут к ним подошла Аманда Уайт Стил.

— Рэйфорд, — сказала она. — Ирэн.

— Аманда! — воскликнула Ирэн, обнимая ее. — Ты не согласишься, я постоянно молилась за тебя после своего Восхищения!

— Это помогло.

— Я знаю. И вы с Рэйфом некоторое время были счастливы.

— Я так опасался, что эта встреча будет неловкой, — сказал Рэйфорд.

— Вовсе нет, — ответила Ирэн. — Я не в обиде за то, что у тебя была хорошая жена и подруга. Я так рада, что вы оба пришли к Иисусу. Вы поймете, что теперь только Он и имеет значение.

— А я, — сказала Аманда, — так рада, что ты пережил время Скорбей, Рэйфорд. — Она снова повернулась к Ирэн и пожала ей руку. — Знаешь, твое свидетельство и сила твоего характера стали причиной того, что я пришла к Господу.

— Это было твое собственное свидетельство, — произнесла Ирэн. — Но не помню, чтобы я впечатлила тебя.

— Не думаю, чтобы ты пыталась. Ты просто была.

У Рэйфорда сложилось ощущение, что его семья будет кругом близких, любящих друзей в течение всего Тысячелетнего Царствия. Он еще не понимал этого до конца, на самом деле почти и не понимал ничего. Но

он вынужден был согласиться с Ирэн — теперь значение имел только Иисус. Не будет больше зависти, ревности и греха. Величайшей радостью станет служение их Господу, Который привел их к Себе.

СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ ДНЕЙ

В книге Даниила 12:11 — 12 говорится о промежутке в семьдесят пять дней между Вторым Пришествием Христа на Землю и началом Тысячелетнего Царствия: «Со времени прекращения ежедневной жертвы и мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней».

Иисус возвращается в конце «семидесятой седмины» (Дан. 9:24—27), которая делится на две половины по 1260 дней в каждой. При внимательном прочтении всей главы 12 Книги Даниила мы видим, что Христос возвращается в конце второй части из 1260 дней.

В главе 12 стих 11 Книги Даниила говорится о некоем событии, заканчивающемся в конце 1260-дневного периода — за тридцать дней до Явления во Славе. Поскольку в стихах говорится о храмовых жертвоприно-

шениях и «мерзости запустения», мы с полным правом можем предположить, что этот первый тридцатидневный интервал относится к храму. В Книге Иезекииля, главы 40—48, говорится, что Господь установит храм во время Тысячелетнего Царствия, таким образом, эти тридцать дней, скорее всего, относятся к тому времени, когда Он завершит это деяние.

В Книге Даниила 12:12 говорится о «блаженных», которые доживут до 1335-го дня, что прибавляет еще сорок пять дней к прежнему интервалу. Эти «блаженные» будут достойны вступить в Тысячелетнее Царствия Мессии.

Отсюда мы делаем вывод, что интервал в семьдесят пять дней — это время приготовления храма и Царствия. Поскольку огромная часть Земли будет уничтожена во время Скорби и с лица Земли будет стерто все, кроме Иерусалима, кажется логичным, что Господь обновит Свое Творение при создании Царствия.

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ЦАРСТВО

Хотя почти все, что нашим героям пришлось пережить во время Скорби, изменится после Второго Пришествия, кое-что останется прежним. Как и до Восхищения и Скорбей, солнце будет вставать на востоке и заходить на западе. Но какое солнце! Оно будет таким ярким, что людям придется надевать солнцезащитные очки каждый раз, чтобы выйти на улицу, причем двадцать четыре часа в сутки. Писание в Книге Исаии 30:26 предсказывает: «И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней». Вне всякого сомнения, эти светила будут исполнены славы шехины¹ Христовой.

Теперь, когда луна стала яркой, как и солнце, людям придется привыкнуть спать при свете.

¹ «Присутствие, пребывание» (*ивр.*).

Все будут свободно говорить на иврите, даже если прежде не знали ни слова на этом языке. В Книге Софонии 3:9 говорится: «Тогда опять Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единокорно».

Однако вряд ли что-нибудь еще будет напоминать кому бы то ни было о прошлом. Те, кто умер и пребывал на небесах с Иисусом, будут рассказывать остальным о величественном бракосочетании Агнца.

Всем будет дано временное жилье, пока Иисус будет восстанавливать Землю. Со временем они построят собственные дома, но поначалу они займут бесчисленные строения, оставшиеся пустыми после отделения козлиц.

За эти семьдесят пять дней, предшествующих тысячелетнему царствованию Христа, Иисус займется воссозданием Эдема на Земле. Как вторая составляющая триединого Божества, Иисус еще задолго до того, как явился на Землю в человеческой плоти, создал Землю за шесть дней, просто вызвав существо к бытию Словом.

Иисусу будет чем заняться в эти семьдесят пять дней между окончанием времени Скорби и началом Тысячелетнего Царствия. Вся лишенная лика, Земля станет для Него чистым холстом — кроме Израиля. Весь мир на сотни, а то и тысячи футов покроют остатки планетарного землетрясения. Обломки скал, зданий и растений и другой мусор толстым слоем покроют землю, сровняв ее с уровнем

моря. Это означает, что в некоторых местах уровень моря повысится, а горы исчезнут. В других местах море уступит место новым массивам суши.

Единственным местом, возвышающимся над уровнем моря, будет Святой Город, где Масличная гора расколется пополам, и Иерусалим поднимется более чем на тысячу фунтов. Этот обновленный город более чем достоин того, чтобы стать столицей мира, возвыситься над всеми другими городами и народами. А потом придет Иисус и займется его перестройкой и украшением. Каждый день ландшафт будет меняться, а вокруг города расцветут прекрасные сады.

Вы никогда не задавались вопросом — а не окажется ли эта тысяча лет перед явлением новых небес и Земли скучной? Ну да, Иисус будет с нами, Тот, Кого все мы так жаждали увидеть и поклониться Ему лично с тех самых пор, как уверовали. Но когда все вокруг будут мыслить одинаково — по крайней мере, поначалу, — что все будут делать? Сидеть вокруг Него и восхищаться?

Возможно. Но представьте себе восторг, который не кончается. Мы будем ощущать себя исполненными славы и присутствия Бога через Иисуса. В нашей нынешней жизни мы осознаем наши грехи и ничтожество. Но в присутствии Иисуса контраст между нами и нашим Спасителем станет еще резче.

Возможно, Иисус не позволит нам заикливаться на этом. Каждое мгновение наше будет исполнено радости, восторга и вос-

хищения, поскольку мы постоянно будем ощущать, что Иисус умер ради нас, воскрес ради нас и готовит место для нас. Все Тысячелетнее Царствие будет посвящено Иисусу, Агнцу, который был убит и теперь живет вечно.

Новый Иерусалим расширится, чтобы вобрать в себя новый храм, раскинувшийся в восемнадцати милях от города, чей двор будет больше, чем весь Старый город, больше чем квадратная миля. Соседнее пространство для левитов и священников будет охватывать площадь в сорок на сорок миль, более чем в шесть раз превышающую площадь Лондона и в десять раз больше первоначального, древнего, окруженного стенами города.

Причиной такой огромности является то, что храм Тысячелетнего Царствия будет единственным храмом и все население Земли будет время от времени приходить сюда. В каждый из тех семидесяти пяти дней со всего мира будут приходить известия о новом творении. Все континенты покроются пышной растительностью и плодородным черноземом на много сотен футов, вплоть до берегов пресных морей, предназначенных для орошения.

Как каждый день будет расти новый храм, так будут разрастаться и девственные земельные угодья, и сады по всему миру.

Иисус будет всегда и везде, физически же Он будет находиться в Иерусалиме, чтобы войти вскоре в храм и занять престол

Давидов. Все народы будут наследием Его, и Он будет править миром железным скипетром. Люди будут заниматься сельским хозяйством, собирать урожай и строить дома.

В течение семидесяти пяти дней между Явлением во Славе и действительным началом Тысячелетнего Царствия каждый день везде, куда бы мы ни бросили взгляд, мы увидим результаты божественных трудов Христа. Все будет совершенно, от растений, кустарников и деревьев до травы, полей и садов. Земля будет изобиловать урожаем и всевозможными животными.

Как ни странно, все мы утратим желание есть мясо. Больше животные не будут нашей пищей. Наша пища будет зависеть от щедрости деревьев, кустарников и лоз и от того, как мы сами будем возделывать землю. Господь говорит: «А вы будете веселиться и радоваться вовеки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим веселием и народ его радостью. И буду радоваться о Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля. Там не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих; ибо столетний будет умирать юношею, но столетний грешник будет проклинаем.

И будут строить дома и жить в них, и насаждать виноградники и есть плоды их. Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел; ибо дни народа Моего будут, как дни дерева, и избранные Мои долго будут пользоваться изделием рук

своих. Не будут трудиться напрасно и рожать детей на горе; ибо будут семенем, благословенным от Господа, и потомки их с ними» (Ис. 65:18—23).

Что же до молитв в те дни, то вот что говорит Господь: «И будет, прежде нежели они воззовут, Я отвечу; они еще будут говорить, и Я уже услышу» (Ис. 65: 24).

Вы можете быть блестящим студентом, спортсменом или даже немного технарем, но вряд ли вы так хорошо умеете что-то делать руками. Вы не садовник и уж точно не фермер, и, возможно, вы всегда платите за работу плотнику, электрику и сантехнику. Но в эти дни Бог вселит в вас стремление — и сноровку — все это делать своими руками. В первый день Тысячелетнего Царствия вы ощутите в себе новые мускулы, новые идеи. Вы будете засеивать огромные площади, ухаживать за обширными садами и строить дома.

Вы будете встречаться ради поклонения и молитвы с друзьями и любимыми, и к вам присоединятся новые знакомые всех цветов кожи и всех национальностей. Некоторые будут ощущать желание ухаживать за животными, и не только приручать их. Вам больше не надо будет их бояться, поскольку «тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе». (Ис. 11:6).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рэйфорд Стил был вынужден признать-ся, что, когда впервые увидел свободно разгуливавших медведя и леопарда, что-то заставило его держаться от них подальше, не показывать страха, не делать резких движений. Но когда он увидел, как медведь и хищная кошка залезли на дерево вдвоем и начали поедать листья и ветки, исполнение Господнего обещания придало ему храбрости. Не только он стал вегетарианцем. Так произошло со всеми плотоядными.

Рэйфорд тихо подошел к стволу дерева и стал смотреть, как животные кувыркаются и едят. Когда упала какая-то веточка, он сам попробовал листок. Фрукты и овощи ему нравились больше, но он видел, что животным листья по вкусу. Он положился на Христа, чтобы Тот дал ему спокойствие духа, когда огромный леопард спрыгнул с

ветки и ткнулся ему в ногу, как кошка, заурчал и сел.

А медведь вообще на Рэйфорда не обратил внимания и растянулся на земле рядом с большой кошкой. Вот тебе и совершенно новый мир...

Рэйфорд решил, что солнце стало ярче, но не горячее, поскольку Цион Бен-Иегуда говорил, что свет каким-то образом усилился благодаря вечному присутствию славы Иисусовой. С помощью простого устройства Рэйфорд аккумулировал свет и готовил овощи, которые они с Ирэн и Рэйми собирали для особенного застолья. Ирэн сбила масло из свеженадоенного молока, так что, когда все собрались, перед ними стояли тарелки со свежей горячей едой, приправленной маслом.

Наевшись, они вышли наружу отдохнуть и послушать рассказ Ирэн о свадебном пире Агнца.

Как и все прочие, Кэмерон Уильямс восхищался всем, что происходило и чему еще предстояло произойти. Поскольку он мученически погиб совсем недавно, на небесах он провел очень немного времени — успел только встретиться с женой Хлоей, а потом искал на Земле сына после возвращения во

время Второго Пришествия. Теперь же он с нетерпением ждал ужина у тещи, чтобы услышать еще один рассказ об Иисусе.

Никто больше не называл Кэмерона Бизоном, поскольку, как он сам сказал, «тут некого бодать». Они с Хлоей по-прежнему любили друг друга, хотя любовь эта была уже не романтической. Их сердца были полны Иисусом и желанием вечно воспевать Его. Во время Тысячелетнего Царствия они будут жить и трудиться вместе с Кенни, растить его, но, поскольку не будет больше не женитьбы и не замужества, их отношения станут полностью платоническими.

— Странно, — говорила Хлоя Кэмерону. — Я по-прежнему люблю тебя, восхищаюсь тобой, хочу быть с тобой, но мне как будто дали какое-то лекарство, излечившее меня от всех бурных чувств.

— А мне почему-то не обидно, — ответил Кэмерон. — А тебе не обидно, что я точно так же отношусь к тебе?

Она покачала головой. Ее разум, как и его собственный, наверняка был полон Иисусом и тем, что Он приготовил им на всю оставшуюся вечность.

— Ты понимаешь, Хло, что нам все равно придется растить и воспитывать Кенни в почитении к Господу и следовать, чтобы он сделал выбор в пользу Христа?

Только истинные верующие и невинные пережили Скорби и суд, на котором агнцы были отделены от козлищ, и вошли в Царствие.

— Скольким детям Скорби, — сказала Хлоя, — еще придется сделать выбор в пользу Христа, а не самих себя?

— Дети Скорбей, — повторил Кэмерон. — Мне нравится это название.

— Бог вложил мне в сердце, что Кенни будет только одним из множества детей на нашем попечении.

— И мне, Хлоя. И мне это кажется замечательным.

По ходу их беседы становилось понятным, что Господь поведал им обоим, что вознаграждением за их самопожертвование и, по сути, временную потерю сына будет сотня детей, которым они смогут отдать свою любовь. Кэмерон мог только представить, откуда возьмутся все эти дети, но его старый наставник Цион Бен-Иегуда напомнил ему, что «стократ» в Писании на самом деле, как правило, означает больше чем сто.

— Представить не могу, какой хаос устроят неверующие в этом новом мире. Надеюсь, Господь даст нам силу направить их так, как Он желает.

— Да уж конечно!

Как-то раз утром Кэмерон восхвалял Иисуса псалмами, гимнами и духовными песнями, когда вдруг заметил, что Кенни играет не один. Еще с полдесятка других детишек — всем не больше семи лет, конечно, поскольку малыши, жившие во время Восхищения, были

взяты на небо и возвратились уже взрослыми во время Второго Пришествия, — играли с Кенни и знакомились друг с другом.

Кэмерону мгновенно пришло в голову назвать их детьми Скорби, и хотя это название несло в себе печаль, это не резало ему слух. Это было просто констатацией факта. Здесь были типичные детишки, рожденные после Восхищения, пережившие Скорби и вступившие в Царствие. В течение тысячи лет родятся еще дети, и все равно их можно будет назвать детьми Скорби, поскольку кому-то из их предков пришлось эти самые Скорби пережить.

Когда Кэмерон подошел к ним, они как будто уже ждали его. Они сразу же прекратили бегать, прыгать и играть и сели полукругом, выжидательно глядя на него.

«Они готовы. А я?»

— Я Кэмерон, — сказал он.

Один мальчик поднял руку.

— Расскажи нам про Иисуса. И она тоже пусть рассказывает.

Кэмерон оглянулся и увидел Хлою, которую тоже, похоже, притянуло к детям.

«Господи, с чего мне начать?» — мысленно спросил Кэмерон.

«Сначала, — сказал Иисус. — С того, чем мы всегда начинаем».

«Но они наверняка уже знают основы».

«Начни с *твоего* начала. Тебя они не знают. Они знают только, что должны слушать тебя. И готовься — завтра еще больше придет».

Кэмерон сел в траву, двое малышей тут же вскарабкались ему на колени. Остальные облепили Хлою.

— Я слышал о Боге и Иисусе всю свою жизнь, — начал Кэмерон, и его вдруг поразило отсутствие в душе суеты и рассеянности. Детишки впитывали каждое его слово. — Но я никогда всерьез не думал о вере. Лишь семь лет назад, когда среди ночи я оказался на борту самолета, летящего в Англию...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ирэн переполняла радость от того, что ее окружала семья, друзья и множество других любимых и близких. А когда она начала свой рассказ о непостижимой величайшей свадебной церемонии в истории вселенной, она снова мысленно перенеслась на небеса, к моменту бракосочетания.

Она сумела описать сами врата дома Божия — огромного, подобного собору пространства, — перед которыми все спасенные за века выстроились в белоснежных одеждах. Среди них были все, кто родился между Пятидесятницей и Восхищением. Все они стояли в определенном порядке, с нетерпением ожидая начала церемонии.

— Жаль, что вас там не было и вы не видели пределов этой бескрайней толпы. Восторг, предвкушение просто физически можно было ощутить, когда Церковь, невеста

Христова, готовилась предстать перед Женихом.

Сам Господь вел эту церемонию, приглашая всех собравшихся на венчание Агнца. Когда появился Иисус, светлый и сияющий, словно Солнце, Отец произнес:

— Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна¹.

Я, Царь, сделал брачный пир для сына своего², которым Я весьма доволен. Я послал слуг Моих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти. Опять послал я других слуг, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов Его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, Я разгневался, и, послав войска Свои, истребил убийц оных, и сжег город их. Тогда сказал Я слугам Моим своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими. Кто имеет уши, да слышит!

¹ Еф. 5:25—27.

² Вся речь — отсылка к Евангелию от Матфея, гл. 22.

Рэйфорд понимал, что Господь повторял Иисусову притчу о свадебном пире и что это было пророчеством именно этого события. Пиршественный зал был полон гостями как злыми, так и добрыми, ибо «нет праведника, нет ни единого». Собравшиеся не были совершенными, но они были прощены, как и сама Невеста.

Ирэн продолжала:

— Когда Иисус простер руки, чтобы обнять всю огромную толпу, которая и была Его Невестой, Господь сказал:

«Жених возлюбил тебя беспредельной любовью, хотя была ты недостойна и непокорна. Он искупил тебя, оставив Свой дом, был отвергнут своими и положил Свою жизнь за тебя. Он вернулся, дабы приготовить место для тебя, чтобы ты могла быть там, где Он. И Он оставил Дух Свой, дабы наставлять и защищать тебя и готовить тебя к нынешнему дню.

Истинность веры твоей, что дороже тленного золота, была испытана огнем и найдена достойной чести, славы и похвалы при богооткровении Иисуса Христа, Которого ты возлюбила, как только узрела Его. Веруя, ты возрадовалась радостью неизъяснимой и исполнилась славы, обретя венец своей веры — спасение души.

Отныне и вовеки, вы и Невеста — едины».

Рэйфорд жалел, что его не было, когда единый оглушительный хор небесного воинства, святых и ангелов восславил Господа. Как он ждал этого дня, до которого осталась тысяча лет, когда он, в конце концов, сполна испытает все чудеса небес.

— А пир, Ирэн? — спросил он. — Что там было?

— Ох, Рэй, — сказала Ирэн, — он еще впереди. Он будет во время Тысячелетнего Царствия, по прошествии семидесяти пяти дней. Поскольку на этот праздник приглашены те, кто не был на небесах на самом бракосочетании.

* * *

Цион рассказывал Рэйфорду и другим, что в тридцатидневном промежутке между Пришествием и Тысячелетним Царствием следует ожидать некоего драматического события.

— Еще более драматического, чем мы уже видели? — спросила Ирэн.

— Это как посмотреть, — ответил Цион. — Но я думал, что сегодня проснусь и увижу совершенно другой пейзаж, но мерзость запустения все еще остается.

— Там, где Антихрист осквернил Храм? Цион кивнул.

— Пророчества предельно понятны. В Книге Даниила, главе 12 стих 11, говорится: «Со времени прекращения ежедневной жертвы

и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней». И этот срок исполняется, друзья мои, сегодня.

* * *

Позже этим же днем небо вдруг почернело, сверкнула молния и послышался раскат грома. Рэйфорд испугался. Ему захотелось выйти — и он удивился, что такое же желание охватило и остальных. Природное явление просто не могло быть таким страшным, как прежде, и, судя по словам Циона, это было вовсе не природное явление. Это было деяние всемогущего Бога.

Когда это огненное представление привлекло всеобщее внимание, чудовищная молния ударила с небес и уничтожила храм. Не осталось даже праха. Не разлетались по воздуху осколки камня, не было пламени. Там, где некогда стоял храм, черное небо снова просветлело и стало голубым, и ничего больше не было на горизонте.

И переделка географии продолжилась.

К тому времени, когда Рэйфорд впервые посетил место, которое Кэмерон и Хлоя решили называть ЦДС, их временный дом был полон детьми — у них жили более двухсот мальчиков и девочек. И как же они полюбили Кэмерона и Хлою!

— Хорошая награда, да, пап? — воскликнула Хлоя. — Нам некоторое время пришлось жить без Кенни, а теперь у нас столько любящих детей, что мы едва справляемся! Нам нужно какое-то специальное здание, чтобы устроить всех.

— Я как раз с этим пришел, — сказал Рэйфорд. — Господь уже поставил передо мной задачу построить дом для вас.

По мере того как в течение последующих сорока пяти дней земля на глазах обретала новый вид, все больше росло любопытство Рэйфорда насчет грядущего открытия обновленного Храма. Во время очередного застолья со свежими фруктами и горячими, приправленными маслом овощами он обсуждал этот вопрос с Хаимом, Ционом, Ирэн и еще несколькими гостями.

— Объяснит ли нам все это Иисус? — сказал Рэйфорд.

Хаим и Цион закивали.

— А ты, Рэйфорд, думай об Иисусе как о правительстве, — заявил Цион. — Он расставит князей и правителей, но, очевидно, все и вся будут Ему подотчетны. Все вооружение, оставшееся где бы то ни было в мире, будет разобрано и уничтожено. Храм будет полон священников, и все народы будут поклоняться там и приносить жертвы.

— Но ты же сам учил меня, что Иисус и есть жертвенный Агнец, который отменит все прочие жертвоприношения. Раз

Он здесь и повелевает всеми, зачем нужен Храм и уж тем более жертвы?

Внезапно послышался долгий, громкий зов пастушьего рожка, и все, сидевшие за столом, как один вскочили и бросились наружу.

— Ты сейчас получишь свой ответ от высшей власти, — сказал Хаим.

Как в день суда агнцев и козлиц, Рэйфорд видел, что все остальные инстинктивно знали, что их призывают собраться. Они знали, кто их призывает и куда. Они просто обязаны были прийти.

Отовсюду из домов спешили люди, многие набивались в машины, другие шли к новому Храму пешком. Рэйфорд пошел по восемнадцатимильной пешеходной дороге, чтобы полностью насладиться по пути творчеством Иисуса. Сколько хватало взгляда, счастливый народ стремился увидеть Иисуса — не говоря уже о Его последнем творении.

Семьдесят пять дней с момента отделения агнцев от козлиц пролетели настолько быстро, что Рэйфорд удивился Божией системе времени. Нет, сейчас на Земле тысяча лет не протекала за день, а день не был тысячелетием. Но для Бога это явно было именно так.

Теперь, когда мимо Рэйфорда и его близких проезжали караваны людей на пути к новому Храму, у него и мысли не возникало просить, чтобы его подбросили. Небольшая

прогулка в несколько миль — это было как раз то, что нужно.

Дорожки и дороги в предыдущие дни были пусты и покрыты пылью, а теперь вокруг них росла пышная зелень, в зарослях которой резвились животные, большие и малые. Бегали и смеялись дети.

— Что это за чудесный запах? — спросил Рэйфорд.

Хаим показал на холмы и горы вдалеке.

— Как выглядит, так и пахнет, — ответил он.

— У нас есть время на прогулку? — спросил Рэйфорд.

Они сошли с дороги, и многие следом за ними направились в холмы, где текли реки чистого молока. Поскольку Рэйфорд не успел закончить завтрак, он опустился на колени и подставил обе ладони под белый водопад, и ледяной напиток растекся по его языку, словно нектар.

Он омыл руки в соседнем ручье.

— Но я почувствовал запах не молока, — сказал он Хаиму. — Это был запах вина.

И снова Хаим указал — на сей раз на скалистые уступы за холмами, окружавшими город. Там с вершин гор спадали пурпурные потоки, собираясь внизу в большие красивые озерца.

— Ты можешь в это поверить, Хаим? — сказал Рэйфорд.

Старший спутник встал, не сводя глаз со зрелища, и затем тихо произнес: «И будет в

тот день: горы будут капать вином и холмы потекут молоком, и все русла Иудейские наполнятся водою»¹.

Рэйфорд закрыл глаза и поднял руки к Храму, сверкавшему на солнце посреди широкой, возвышенной равнины.

— Аллилуйя! — воскликнул он. — Мы живем в Библии!

Они с Хаимом вернулись на тропинку, которая вывела их на дорогу, а потом и к самому Иисусу, и все люди вокруг кричали:

— Благословен грядущий во имя Господне!² Господь будет защитой для народа Своего и обороной для сынов Израилевых!³

Когда Рэйфорд, наконец, добрался до северного конца дороги, бесконечный Храм уже окружали миллионы людей, пораженно рассматривающих сооружение.

Иисусу Христу не нужны были громкоговорители, чтобы толпа его услышала. Его голос был подобен шуму многих вод, и Рэйфорд просто стоял, простирая руки к Иисусу. Хотя Владыка был в нескольких милях от него, Рэйфорд ясно видел Его, и земля сияла Его славой.

— Тогда узнаете, что Я Господь Бог ваш, обитающий на Сионе, на святой горе Моей; и будет Иерусалим святынею, и не будут уже иноплеменники проходить сквозь него. А Иуда будет жить вечно, и Иерусалим — в

¹ Иоил. 3:18.

² Псалом 117.

³ Иоил. 3:16.

роды родов. Ибо Я, ваш Господь, обитаю в Сиоге¹.

И гора дома Моего отныне поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима².

Рэйфорд едва мог оторвать взгляд от Господа, но красота того, что Он создал, охватила его. Все пространство украшали кипарисовые деревья, сосны и самшитовые деревья.

Иисус сказал:

— Все это — чтобы украсить место святилища Моего, и Я прославлю подножие ног Моих³. Теперь придите же и узрите, что Я сделал.

Стены из чистейшего белого мрамора простирались насколько хватало взгляда, и все же Рэйфорд не ощутил порыва сдвинуться с места — как и все остальные. Он просто вдруг понял, что имели в виду пророки, когда говорили: «Была на мне рука Господа, и Господь вывел меня духом».

Рэйфорд был перенесен на вершину соседней горы, откуда он посмотрел на юг и увидел все строение, представлявшее собой целый город.

¹ Иоил. 3:17, 3:20.

² Ис. 2: 2—4.

³ Ис. 60:13.

Иисус сказал:

— Смотрите, внимайте и думайте обо всем, что я скажу вам.

Только с такой высоты Рэйфорд смог увидеть всю стену, окружающую Храм, одинаковую в ширину и высоту. Врата, выходящие на восток, стояли на верху сходящихся к ним лестниц, которые тоже были той же ширины, что и стена. Проем каждого врат был одинаковой длины и ширины, как и боковые комнаты внутренних врат¹.

Боковых комнат у восточных ворот было три — с одной стороны и три — с другой, все одного размера. Решетчатые окна были и в боковых комнатах и в столбах их, внутрь ворот кругом, также и в притворах окна были кругом на внутреннюю сторону, и на столбах — пальмы.

На внешнем дворе тридцать комнат выходили на мостовую, тянувшуюся вдоль всей стены. Точно так же храм выглядел по всем четырем сторонам света. Воротные столбы выходили на внешний двор, и изображение пальмы было на каждом столбе по обе стороны, и по семь ступеней вели к вратам. Там Рэйфорд увидел комнату с большими столами, которая показалась ему залом для приготовления жертвы.

Рэйфорд думал, что Иисус сам был жертвенным Агнцем, потому удивился, увидев столы. Но Иисус сказал:

¹ Все описание храма основано на Книге пророка Иезекииля.

— Здесь священники будут класть жертвы всесожжения, и жертвы за грех, и жертвы за преступление. На восьми столах будут они закалывать жертвы. Здесь также четыре стола, высеченные из камня для жертв всесожжения, и на них будут класть они инструменты, которыми будут закалывать жертву.

Рэйфорд все равно был озадачен, но понимал, что Господь как-то да разъяснит все, почему такое остается необходимым. Внутри он увидел повсюду крюки, и жертвенное мясо уже лежало на столах.

Иисус сказал:

— Снаружи внутренних ворот комнаты для певцов; другие — на внутреннем дворе, сбоку северных ворот. Та комната, что обращена окнами к югу, — для священников, бодрствующих на страже храма. А комната, окна которой выходят на север, предназначена для священников, бодрствующих на страже жертвенника: это сыны Садока, которые одни из сынов Левия приближаются ко Мне, чтобы служить Мне.

Затем Господь показал ему святилище и сказал:

— Это святая святых.

Красота архитектуры так захватила Рэйфорда, что, несмотря на оставшиеся у него вопросы, он лишился дара речи. Храм расширялся с переходом от нижнего уровня на верхний. Двери боковых комнат выходили на террасу, одна на север, другая на юг. Три этажа напротив порога были обшиты деревом от

земли до окон и украшены изображениями херувимов и пальм. У каждого херувима было два лица — человека и льва, причем человеческое лицо было обращено на пальму по одну сторону, а львиная морда — по другую, и подобные изображения тянулись по всему периметру храма.

Привратные столбы храма были квадратными, как и передняя часть святилища. Алтарь был сделан из дерева.

— Это трапезная, которая пред Господом, — сказал Иисус.

Как и на стенах храма, на его вратах тоже были вырезаны херувимы и пальмы.

Прежде чем Рэйфорд успел спросить о необходимости жертвоприношений, Иисус перенес его во внешний двор на северной стороне, в комнату, находившуюся напротив двора. Комнаты были сделаны в толще стены, которая шла на восток. Перед каждой из них также был ход.

Иисус сказал:

— Комнаты на север и комнаты на юг, которые перед площадью, суть комнаты священные, в которых священники, приближающиеся к Господу, съедают священнейшие жертвы; там же они кладут священнейшие жертвы, и хлебное приношение, и жертву за грех, и жертву за преступление, ибо это место святое. Когда войдут туда священники, то они не должны выходить из этого святого места на внешний двор, доколе не оставят там одежду своих, в которых служили, ибо они священны; они должны

надеть на себя другие одежды и тогда выходить к народу.

У Рэйфорда по-прежнему оставались вопросы, конечно же, но он был нем перед лицом славы Господней, входящей в Храм через врата, обращенные к востоку. Иисус сказал:

— Это место престола Моего и место стопам ног Моих, где Я буду жить среди сынов Израилевых вовеки; и дом Израилев не будет более осквернять святого имени Моего, ни они, ни цари их, блужением своим и трупами царей своих на высотах их. Они ставили порог свой у порога Моего и веревки дверей своих подле Моих дверей, так что одна стена была между Мною и ими, и оскверняли святое имя Мое мерзостями своими, какие делали, и за то Я погубил их во гневе Моем. А теперь они удалят от Меня блужение свое и трупы царей своих, и Я буду жить среди них вовеки. Ныне, когда я судил тех, кто отрекся от меня, те, кто останутся, будут блюсти закон Храма и исполнять его. Вот закон Храма: на вершине горы все пространство его вокруг — Святая Святых; вот закон Храма!

Сам жертвенник был вышиною в четыре локтя; и из жертвенника поднимались вверх четыре рога. И Иисус сказал:

— Так говорит Господь Бог: вот уставы жертвенника к тому дню, когда он будет сделан для приношения на нем всесожжений и для кропления на него кровью. Священникам от колена Левиина, которые из племени Садока, приближающимся ко Мне, чтобы служить Мне. Они возьмут тельца из стада

волов, в жертву за грех. И возьми крови его, и покропи на четыре рога его, и на четыре угла площадки, и на пояс кругом, и так очисти его и освяти его. И возьмут тельца, в жертву за грех, и сожгут его на назначенном месте дома вне святилища. А на другой день в жертву за грех принесут из козьего стада козла без порока и очистят жертвенник так же, как очищали тельцом. Когда же кончат очищение, приведут из стада волов тельца без порока и из стада овец овна без порока; и принесут их пред лице Господа; и священники бросят на них соли, и вознесут их во всесожжение Господу. Семь дней приносить они будут в жертву за грех по козлу в день; также пусть приносят в жертву по тельцу из стада волов и по овну из стада овец без порока. Семь дней они должны очищать жертвенник и освящать его и наполнять руки свои. По окончании же сих дней, в восьмой день и далее, священники будут возносить на жертвеннике ваши всесожжения и благодарственные жертвы; и Я буду милостив к вам.

Конечно, это были слова Бога, и хотя Рэйфорд по-прежнему недоумевал, зачем всесожжение, когда Сам Иисус был жертвенным Агнцем, он по-прежнему не мог вымолвить ни слова.

Затем Иисус показал внешние врата:

— Ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред Господом;

войдет путем притвора этих ворот, и тем же путем выйдет.

Сын человеческий! Прилагай сердце твое ко всему, и смотри глазами твоими, и слушай ушами твоими все, что Я говорю тебе о всех постановлениях дома Господа и всех законах его. Запомни хорошо, кто может войти дом и всех, кто выходит из святилища.

Левиты, которые удалились от Меня во время отступничества Израилева, которые, оставив Меня, блуждали вслед идолов своих, понесут наказание за вину свою. Они будут служить во святилище Моем, как сторожа у ворот храма и прислужники у храма; они будут закладывать для народа всесожжение и другие жертвы и будут стоять пред ними для служения им. За то, что они служили им пред идолами их и были для дома Израилева соблазном к нечестию, Я поднял на них руку Мою, говорит Господь Бог, и они понесут наказание за вину свою; они не будут приближаться ко Мне, чтобы священнодействовать предо Мною и приступать ко всем святыням Моим, к Святая Святых, но будут нести на себе бесславие свое и мерзости свои, какие делали. Все же я сделаю их стражами храма для всех служб его и для всего, что производится в нем.

А сыны Садока, которые, во время отступления сынов Израилевых от Меня, постоянно стояли на страже святилища Моего, те будут приближаться ко Мне, чтобы служить Мне, и будут предстоять пред лицом Моим, чтобы приносить Мне тук и кровь. Они будут

входить во святилище Мое и приближаться к трапезе Моей, чтобы служить Мне и соблюдать стражу Мою. Ни вдовы, ни разведенной с мужем они не должны брать себе в жены, а только могут брать себе девиц из племени дома Израилева и вдову, оставшуюся вдовою от священника. Они должны учить народ Мой отличать священное от несвященного и объяснять им, что нечисто и что чисто. При спорных делах они должны присутствовать в суде, и по уставам Моим судить их, и соблюдать законы Мои и постановления Мои о всех праздниках Моих.

Князья Мои вперед не будут теснить народа Моего, но предоставят землю дому Израилеву по коленам его. Князья Израилевы! Отложите обиды и угнетения и творите суд и правду, перестаньте вытеснять народ Мой из владения его.

В первом месяце, в первый день месяца, возьми из стада волов тельца без порока и очисти святилище. В первом месяце, в четырнадцатый день месяца, должна быть у вас Пасха, праздник семидневный, когда должно есть опресноки. В этот день князь за себя и за весь народ земли принесет тельца в жертву за грех.

Рэйфорд увидел дверь Храма. Там через порог, в направлении востока, переливалась вода.

Иисус сказал:

— Эта вода течет в восточную сторону земли, сойдет на равнину и войдет в море; и воды его сделаются здоровыми. И всякое

живущее существо, пресмыкающееся там, где войдут две струи, будет живо; и рыбы будет весьма много, потому что войдет туда эта вода, и воды в море сделаются здоровыми, и, куда войдет этот поток, все будет живо там. И будут стоять подле него рыболовы от Ен-Гадди до Эглаима, будут закидывать сети. Рыба будет в своем виде, и, как в большом море, рыбы будет весьма много.

Земля эта священна для Господа. А остальная земля назначается для города в общее употребление, на заселение и на предместья; город будет в середине. Произведения с этой земли должны быть для продовольствия работающих в городе.

И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними. И устрою их, и размножу их, и поставлю среди них святилище Мое навеки. И будет у них жилище Мое, и буду их Богом, а они будут Моим народом. И узнают народы, что Я Господь, освящающий Израиля, когда святилище Мое будет среди них во веки. А имя городу с того дня будет: «Господь там».

Рэйфорд, изумленный и сконфуженный, осознал, что смотрит на огромный Храм издалека. Но разве Иисус не покончил с жертвоприношениями, принеся в жертву самого себя?

Господь сказал:

— Жертвы, которых требовал Мой Отец много веков назад, тень будущих благ. Одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, нельзя сделать совер-

шенными приходящих с ними. Но жертвами ежегодно напоминает о грехах, точно так же, как праздник Моей вечери — напоминание о цене, уплаченной Моей плотью и Моей кровью. Невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи. Вы очищены жертвой Моей плоти раз и навсегда. И ежедневное жертвоприношение, которое совершает каждый священник, никогда не смывает греха. Но после того, как я, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Мои будут положены в подножие ног Моих. Ибо Я одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых. Избранные Мною должны продолжать совершать памятные жертвоприношения Мне в память Моей жертвы и потому, что так долго Меня отвергали¹.

¹ Евр 10

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кэмерон Уильямс был уверен, что за тысячу лет не сможет привыкнуть к причудливой сверхъестественности теперешней обыденной жизни. Они с Хлоей шли по мощеному двору Храма вместе с Абдуллой Смитом Абданехом, другом еще по отряду Скорби. Тела Кэмерона, Хлои и жены Абдуллы, Ясмин, были преображены, как и тела двоих очаровательных детей Абданехов — дочери Бахиры и сына Заки, теперь уже повзрослевших.

Бывший иорданский военный пилот и обращенный — после утраты Ясмин и детей во время Восхищения — быстро рассказал Кэмерону о чудесном воссоединении с семьей.

— И как ты знаешь, брак сейчас совсем не то, что прежде. Что в нашем случае, очень хорошо.

Бахира была красивой смуглой девушкой, похожей на мать. Заки был смуглее, в

Абдуллу, и казался застенчивым, если не замкнутым. Им было на самом деле тринадцать и четырнадцать лет, но их новый облик напоминал Хлое о ее младшем брате Рэйми — ему было двенадцать во время Восхищения, а выглядел он сейчас на двадцать с небольшим.

Когда Иисус стал показывать каждому новый Храм, Кэмерона в первую очередь привлекли обширные географические изменения, полностью преобразовавшие ландшафт.

— Я открыл источник дому Давидову и жителям Иерусалима¹, — сказал Иисус. — Пришла пора, ни день, ни ночь; лишь в вечернее время явится свет. Я направил живые воды из Иерусалима, половина к морю восточному и половина к морю западному: летом и зимой так будет.

«К Средиземному и Мертвому морям!» — подумал Кэмерон. Ему стало любопытно, что этот божественный источник пресной воды сделает с Мертвым морем, которое уже давно было настолько соленым, что в нем ничто не могло жить и даже самые грузные люди не тонули в нем.

— Вода, что течет в восточную сторону земли, сойдет на равнину и войдет в море; и воды его сделаются здоровыми. И всякое живущее существо, пресмыкающееся там, где войдут две струи, будет живо. И рыбы будет весьма много, потому что войдет туда эта вода, и воды в море сделаются здоровы-

¹ Весь пассаж: Книга Захарии.

ми, и, куда войдет этот поток, все будет живо там. Но болота его и лужи не сделаются здоровыми, они будут оставлены для соли. У потока по берегам его, с той и другой стороны, будут расти всякие деревья, доставляющие пищу: листья их не будут увядать, и плоды на них не будут истощаться; каждый месяц будут созревать новые, потому что вода для них течет из святилища; плоды их будут употребляемы в пищу, а листья на врачевание¹.

Мысль о таком количестве воды в пустыне поразила Кэмерона. Он провел в этом регионе много времени в период Скорби и часто задумывался, как тут все выглядело бы при достаточной ирригации.

Иисус сказал:

— И Я дам дождь на семя твое, которым засеешь поле, и хлеб, плод земли, и он будет обилен и сочен; стада твои будут пастись на обширных пастбищах. И на всякой горе высокой и на всяком холме возвышенном потекут ручьи, потоки вод². Пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля — в источники вод.

Цион Бен-Иегуда ощущал себя привилегированной личностью как один из избран-

¹ Иез. 47:8—12.

² Ис.

ного народа и мученик Скорби. В тот день на заре Тысячелетнего Царствия его прежде всего интересовало, как ветхозаветный Закон стыкуется с крестным подвигом Христа. Как замечательно было увидеть, что слава Господня наполняет Храм и в то же время соблюдается Закон Моисеев — даже жертвоприношения. Каждый день они будут праздновать Пасху (семидневный праздник пресного хлеба) и праздник Скиний. Ни единый агнец не будет зарезан в Пасху, таким образом ясно напоминая каждый год, что Иисус — совершенная и единственная жертва, раз и навсегда принесенная за грехи человечества. Что же до ритуала, даже неевреи должны будут иметь представителей в Храме.

У Циона закружилась голова, когда Иисус указал, как будет разделена земля:

— Вот распределение, по которому вы должны разделить землю в наследие двенадцати коленам Израилевым. — Он говорил о давнем Своем обете тем, кто должен населять определенные регионы. Называя имена древних городов, Он говорил, где будут расселены евреи: — И разделите землю по жребию в наследие себе и иноземцам, живущим у вас, которые родили у вас детей; и они среди сынов Израилевых должны считаться наравне с природными жителями, и они с вами войдут в долю среди колен Израилевых. В котором колоне живет иноземец, в том и дайте ему наследие его¹.

¹ Иез. 47:22—23.

* * *

Кэмерону казалось странным, что он, как и остальные верующие неевреи, считаются здесь иноземцами. «И все же мы почитаем Единого Бога».

Иисус сказал:

— Господь — Царь всех народов мира. Царь один, и Имя Его едино.

И все же скоро стало понятно, что Иисус, будучи единственным владыкой, не будет править один. Он начал вызывать из множества советников от каждого колена тех, кто будет рассматривать все вопросы жителей. Эти люди будут служить судьями, которые будут подотчетны главам колен — двенадцати апостолам. Кэмерон в восторге смотрел, как эти герои веры занимали свои места возле Иисуса в Храме.

Затем Господь сказал, что судьи будут ответственны перед царем Израиля — в этом случае князем Иисуса, самим Давидом.

* * *

Цион искал взглядом этого великого библейского героя, победителя гиганта, усмирителя льва, завоевателя царств, человека, мужа по сердцу Божьему.

Но простой, не слишком высокий человек, вышедший из толпы по знаку Иисуса,

вовсе не был похож на князя, тем более на царя и уж вовсе не напоминал героя. Походка его была неуверенной, держался он скромно. Остановившись в двадцати шагах от Иисуса, он простерся ниц, пряча лицо и плача:

— Я недостойн! Недостойн! Смотри, я нечист! Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем. Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега. Отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои¹.

— Давид, князь Мой, встань. Давно уже услышал Я твой вопль и сердце чистое сотворил в тебе и дух правый обновил внутри тебя. Не отвергни тебя от лица Моего и Духа Моего Святого не отниму от тебя. Твой грех далеко, как восток от запада, возвращена тебе радость спасения. Духом владычественным утвержу тебя. Научи беззаконных путям Моим, и нечестивые ко Мне обратятся. Избавлен ты от кровей, Боже, и язык твой да восхвалит правду Мою.

Давид, встав, расправил плечи, поднял голову и протянул Иисусу руки:

— Господи! Отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою: ибо жертвы Ты не

¹ Здесь и далее — Псалом 51.

желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже. Восхваляю Тебя за то, что Ты благодетельствовал по благоволению Твоему Сион, воздвиг стены Иерусалима. Благоугодны Тебе жертвы правды!

Давид омылся и умастил себя и вошел в дом Господа.

* * *

Рэйфорд жалел, что не делает записей, чтобы запомнить все, что Господь поведал в тот день. Словно Он ожидал, когда все соберутся, чтобы объяснить чудеса и раскрыть тайны грядущего Тысячелетнего Царствия.

— И гора дома Моего поставлена во главу гор, — пророкотал Иисус, — и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: «Придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его». Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Мое — из Иерусалима. И буду Я судить народы, и обличу многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать¹.

И волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и те-

¹ Ис. 2:2—4.

ленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть соломому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море¹.

И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых², ибо Я — отец Израилю и Ефрем — первенец Мой. Слушайте слово Мое, народы, и возвестите островам отдаленным и скажите: «Кто рассеял Израиля, Тот и соберет его, и будет охранять его, как пастырь стадо свое». Ибо искупил Господь Иакова и избавил его от руки того, кто был сильнее его³.

Придите, и торжествуйте на высотах Сиона. Стекитесь к благостыне Господа, к пшенице и вину и елею, к агнцам и волам. Душа ваша будет как напоенный водою сад, и вы не будете уже более томиться.

Я изменил печаль их на радость и утешил их, и обрадовал их после скорби их. И напитал душу священников туком, и народ Мой насытится благами Моими. Опять старцы и старицы будут сидеть на улицах в Иерусалиме, каждый с посохом в руке, от множества дней. И улицы города сего наполнятся отро-

¹ Ис. 11:6—9.

² Ис. 29:18.

³ Иер. 31:9—12, далее отдельные цитаты.

ками и отроковицами, играющими на улицах его¹.

Но что же это значит, подумал Рэйфорд, что «столетний будет умирать юношею, но столетний грешник будет проклинаяем»²? Снова встретившись на мостовой с Ционом, он спросил старика его мнение на этот счет.

— Никто из рожденных во время Тысячелетнего Царствия не умрет, пока ему не исполнится сто лет, — ответил Цион. — А когда он умрет, он будет считаться молодым, поскольку все остальные будут жить до конца Тысячелетнего Царствия. Понимаешь, Рэйфорд, умрут только язычники, которые не уверовали в Христа как в своего Спасителя.

— Только язычники? Откуда ты знаешь? И как такое может быть?

— Мы сейчас живем в пророчестве, друг мой. Помнишь, Иеремия писал: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «Познайте Господа»,

¹ Зах. 8: 4—5.

² Ис. 65:20.

ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более».

— Замечательно! Но как, даже среди нас, не принадлежащих к избранному народу, может родиться ребенок, который решит не верить в Христа?

— Это тайна, — сказал Цион. — Представь — дети Скорби, когда достигнут разумного возраста и, таким образом, ответственности, становятся единственными необращенными из живущих ныне. И каждый из рожденных здесь — без родовых схваток, как говорится в пророчествах, — по-прежнему должен раскаяться и решить стать последователем Христа.

— К тому же человек, воспитанный Господом, живущий в физическом присутствии самого Христа, будет находиться еще и под влиянием не только семьи, но и всех остальных людей, с которыми будет встречаться.

Цион кивнул.

— И Писание четко говорит, чем все это кончится — Сатана на время вырвется, чтобы соблазнять народы, и армия, которую он соберет, будет бесчисленной, как пески морские. Так что те, кто решит пойти своим путем, не просто появятся, а будет их бесконечно много.

— С трудом могу представить.

— Особенно сейчас, когда все, кого ты видишь, либо верующие, либо слишком маленькие, чтобы принять решение.

Все, о чем мог думать сейчас Рэйфорд, — это то, как же важно наставничество Хлои и Кэмерона для детишек. И все же если они доживут до ста лет и не обратятся, то они умрут. Как же сможет вообще возникнуть какой-то мятеж против Христа, да еще в течение нескольких поколений до окончательного противостояния с Сатаной?

С одной стороны, Рэйфорд был счастлив, что возврата к ненависти и мятежам его прежней жизни не будет целую тысячу лет. С другой — его дрожь пробирала от мысли, что очень скоро это идиллическое царство будут населять те, кто — вопреки здравому рассудку — в конце концов, посеют семена войны, пожар которой раздует сам Враг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Я не злорадствую, Рэйфорд, — сказал Цион. — Я просто улыбаюсь.

Они неторопливо возвращались по широкой мощеной дороге от Храмовой горы в долину, где жили. Ирэн, Рэйми и многие из их друзей шли рядом, и все словно лучились от чуда Христова.

— Значит, тебе нравится, что мы, неевреи, находимся внизу тотемного столба, ага?

— Мне это... забавно. Но это всего лишь очередное исполнение пророчества. Теперь правительство возглавляет Христос, власть Его продолжается через Его князя и царя израильского Давида, апостолов, которые ныне являются судьями двенадцати колен Израиля, князей, местных судей под их властью, советников и, в конце концов, вас, чужеземцев. О, не смотри на меня так, друг мой. Ты же знаешь, что мы не позволим вам страдать.

Подумай, ведь общество полностью изменилось, как и мир, по сравнению с тем, из которого мы пришли.

Рэйфорд только головой покачал. Разговор с Ционом всегда был увлекателен и интересен, но сейчас он не мог оторвать взгляд от обновленного творения. От вида пейзажа, обрамлявшего дорогу, захватывало дух.

Наверное, Цион заметил это.

— Ты не зря восхищаешься этой работой, — сказал он. — Поскольку эта дорога — да осмелюсь прозаично назвать ее так — еще одно отображение безгрешного начала царства. Осмелюсь сказать, что она еще много лет таковой и останется — до того, как мы испытаем язвы войны, аборт, убийств, грабежа, наркомании, порнографии. Ну, ты сам знаешь.

— И что, дорога это отразит? — сказал Рэйфорд.

— Так предсказывал пророк Исаия: «И превратится призрак вод в озеро, и жаждающая земля — в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет место для тростника и камыша. И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся. Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить икупленные. И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою

их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся».

* * *

На другое утро Кэмерон Уильямс лежал на спине в своей спальней, заложив руки за голову, с нетерпением ожидая, когда наступит очередной день служения Царю. За тяжелыми занавесками, которые отсекали ночью сияние солнцеподобной луны, не говоря уже о неукротимом утреннем солнце, вставал чудесный день служения Господу.

Сегодня был день празднования в честь венчания Агнца. На свадебный пир были приглашены все, и пока Кэмерон принимал душ и одевался, его тянуло вернуться в храм по Дороге Святости. Когда он выскочил из передней двери, там его уже ждали Хлоя и Кенни, едва удерживаясь на месте. Со всех сторон слышались топот ног, разговоры, смех, песни. Люди шли отовсюду, одетые в лучшие свои одежды.

К Храму стекались миллионы. Некоторые из прибывающих были частью Церкви, Невесты Христовой. Остальные были спутниками Невесты или друзьями Жениха. Частью Церкви считались, конечно же, все возрожденные верующие от Пятидесятницы до Восхищения.

Цион объяснил, что Иоанн Креститель, к примеру, не был в части Невесты, поскольку

умер до того, как была основана Церковь. Иоанн считал себя дружкой Жениха. «Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. Сия-то радость моя исполнилась. Ему должно расти, а мне умяляться»¹.

Сам Иисус говорило Своем предшественнике: «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его»². Наконец-то эта смутная фраза стала понятна Кэмерону. Ибо Царствие Небесное было близко, и даже самые последние в нем были частью Невесты Христовой, а Иоанн Креститель был всего лишь приглашенным на праздничный пир, как дружка Жениха.

Обширная толпа, втекавшая во двор Храма, заполняла священные комнаты, сделанные для левитов и священников. Тысячи столов уже были составлены в длинную линию, и за ними можно было удобно устроиться не только сидя, но и лежа. Столы были уставлены вазами и кубками для пиршества, подобного которому Кэмерон никогда не видел и представить не мог. Один аромат, окутывавший окрестности престола, словно переносил на небеса. Он давно уже потерял вкус к мясу и желал только свежих фруктов и овощей, отягощавших каждую ветвь и лозу

¹ И. 3:28—30.

² Мф. 11:11.

в царстве, но сейчас перед ним и всеми прочими стояло невероятное изобилие и разнообразие их.

Все небо было заполнено зрителями — ангелами, которые гостями не были. В своих сверкающих одеждах они пели хвалу и славу Агнцу, Который был убит, а теперь Жениху, который оказывал почести Своей Невесте.

Похоже, что указ, что отныне женщины и мужчины будут находить себе пропитание не в плоти животных, был снят на этот случай, поскольку, как только Кэмерон нашел свое место, Господь Иисус провозгласил:

— И сделал Я на горе сей для всех народов трапезу из тучных яств, трапезу из чистых вин, из тука костей и самых чистых вин. Смотрите, Я приготовил мой пир. Мои быки и упитанные тельцы заколоты, и все готово. Я опоясался и прошу вас садиться, а Я приду и буду служить вам.

Кэмерон уже научился не говорить фразами, в которых упоминалось об ограниченности времени, вроде «Пока буду жив, не забуду...», поскольку до него постепенно доходило, что жить ему суждено вечно. Но даже при этом он знал, что никогда не забудет этот день, этот пир, этот праздник. Ибо если Иисус насытил две тысячи лет назад пятитысячную толпу маленьким обедом мальчика, то сейчас Он устроил роскошный пир для миллионов одновременно. Они сидели или возлежали, ели и пили, возносили хвалы и воспевали Невесту, Ее подружек, друзей Жениха — включая всех из народа Израи-

ля, кто был искуплен своей верой задолго до времени Церкви или стал святым времени Скорби.

Кэмерон наелся досыта и закрыл глаза, зная, что, даже не глядя, он будет всегда сознать вечное присутствие Спасителя, Жениха, Который принес обеты ему и возлюбил его любовью бесконечной.

* * *

Рэйфорд не ощущал горечи разлуки от того, что Хаим и Цион получили распоряжение построить свои дома там, где жили их колена, к северу от долины, в которой было сказано жить ему самому. Многие из его друзей-неевреев и их семьи будут жить близко, и в любом случае его дорогие наставники были всего лишь в нескольких милях от него.

Его друзья, специалисты-технологи, уже начали искать ресурсы, необходимые для восстановления инфраструктуры. Со всего мира приходили сообщения, что люди решительно настроены восстановить средства массовой информации, воздушное сообщение, компьютеры, все современные удобства.

Что до Рэйфорда, то он думал, как же ему построить собственное жилье. Неужели придется валить заново выращенные деревья? Это казалось ему святотатством. Но когда

настал новый день, ему невыносимо захотелось начать работу. У него было все, что нужно — включая силу и умение работать. Не прошло и нескольких дней, как он вместе с десятками единомышленников помогал строить жилища для сотен и тысяч людей в одной лишь их пышной долине, возводя прекрасные дома из природных материалов.

Рэйфорд был уверен, что однажды его способности лидера и организатора еще пригодятся. Сейчас он помогал Хлое и Кэмерону с детьми. Поначалу это вылилось в строительство еще нескольких домов, больших рекреационных и учебных центров для сотен и сотен детей, которые стали приходить туда ежедневно. Невозможно было сказать, до какого размера разрастется их численность, ибо слово, услышанное из собственных уст, привлекало каждый день все больше народу и никакого соперничества тут не наблюдалось. Рэйфорд был счастлив, глядя на бесконечное море юных лиц всех национальностей.

Они искренне любили Хлою и Кэмерона, и Рэйфорд никогда не видел свою дочь с зятем такими счастливыми. Казалось, что каждый день дети, находившиеся ближе к верхнему возрастному пределу — семи лет, — заявляли о своей вере в Христа. Ирэн, как и Рэйфорд, не понимала, как ребенок, рожденный в годы Скорби или Царствия, может сделать иной выбор.

Но, конечно, те, кто думал иначе, публично об этом не заявляли. Их судьба и истин-

ные взгляды должны были раскрыться только со временем.

Между тем Абдулла, Ясмин, Бахира и Заки точно так же сильно увлеклись делом ЦДС, как Рэйми и Ирэн. Рэйфорд удовлетворился бы вспомогательной ролью на все время Царствия, но он был бы так же счастлив исполнять просьбы Господа.

Вскоре выяснилось, что и ему и Ирэн Господь уготовил участь возглавить команду, которая будет наблюдать за развитием Индонезии. Целью таких команд было обеспечить, чтобы ни одна нация не отставала, но все бы в полной мере пользовались всеми благами Святой Земли. Рэйми оставался дома, чтобы помогать Хлое и Кэмерону.

Представители всех наций и народов будут ежегодно собираться в храме, и, несомненно, Иисус желал, чтобы все граждане мира пользовались богатствами Его обновленного творения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Девяносто третий год Царства

Через неделю после возвращения из Индонезии Рэйфорд сидел в кресле-качалке на задней террасе скромного дома Циона Бен-Иегуды в Северном Израиле.

— Я всегда интересовался смыслом пророчества, где говорится, что люди Божии будут к концу Царствия ходить с посохами. Мне сейчас больше ста сорока, и я начинаю чувствовать усталость.

— Ну да, рассказывай! — воскликнул Цион. — Человек в сто лет еще ребенок, так что ты тинейджер.

— Я говорю тебе, что я уже не тот, каким был раньше. Не могу себя представить через несколько сотен лет.

— А ты посмотри на доктора Розенцвейга, Рэйфорд. Он на двадцать пять лет старше тебя.

— И ты тоже старше меня, но у тебя преобразенное тело. Ты выглядишь моложе меня. Ирэн с виду только тридцать пять, а Рэйми — двадцать пять.

— Повезло нам с нашими преобразенными телами, да?

— Не напоминай.

— Как идет работа?

— Мы почти закончили, Цион. Господь свел нас с самыми блестящими умами, с которыми мне только приходилось работать, и поскольку мы руководили ими, нам оставалось только оставить их в покое, снабжать их всем необходимым и воодушевлять.

— Я слышал замечательные отчеты из Индонезии. Их технология может соперничать с технологиями любых народов, и за это надо благодарить тебя.

— Это дело рук Господа, — ответил Рэйфорд. — Я каждый день все больше в этом убеждаюсь. Просто интересно, что Он приготовил нам дальше.

— Что Он говорит тебе?

Рэйфорд перестал раскачиваться и выпрямился.

— Странно, но Он вложил мне в сердце цитату из Матфея. Одна из последних фраз из того, что Он говорил Своим ученикам. «И приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во

все дни до скончания века». Что ты можешь сказать на этот счет, Цион?

— Куда важнее, друг, что *ты* об этом скажешь?

— Если я что-то понимаю, то я должен просить о том, чтобы мне позволили быть миссионером.

— Но ты чего-то не понимаешь?

— Конечно. В смысле — где, Цион? Здесь? Сейчас? В Царствии? Да тут, считай, некого просвещать, крестить или даже учить. Мы помогаем Кэмерону и Хлое, когда мы здесь. Вот там работа действительно нужна. О, отдачу мы получаем огромную. Ты думаешь, что Он хочет, чтобы я занялся подобной работой в другой части света?

— А ты Его спрашивал?

— Конечно, но ты ведь знаешь, что иногда Он не раскрывает всего...

— Потому что это должно быть очевидно, — сказал Цион. — Значит, ты задаешь вопрос, который предполагает, что ты уже знаешь ответ.

— Но я не чувствую стремления к детям в других странах.

— Вовсе никакого? Или Он зря вложил эти слова тебе в сердце?

— Конечно, нет. Но если я и чувствую стремление, то, скорее, к взрослым.

— Не забывай, что все, кому нет ста лет, сейчас еще дети.

— Извини, Цион. — Рэйфорд встал и вышел, поскольку в ухе у него зазвенел сотовый имплант и он услышал голос Хлои.

— Папа?

Голос у нее был грустный. Как же давно он не слышал подобной грусти ни от кого.

— Привет, Хло!

— Ты не мог бы приехать? Если хочешь, возьми с собой Циона. У нас тут проблема.

— Проблема?

— Откровенно говоря, мы в шоке.

— Говори.

— Не телефонный разговор, папа.

Рэйфорд спросил Циона, не хочет ли он поехать с ним.

— Нет, если я тебе не нужен. Ступай и оцени ситуацию.

Вскоре Рэйфорд уже сидел в большой комнате Кэмерона Уильямса в окружении Ирэн, Хлои, Кэмерона, Кенни и Абдуллы и Ясмин Абданех.

У всех был ошеломленный вид.

— Кто умер? — сказал Рэйфорд, думая, что задает риторический вопрос.

— Сандрийон Жоспен, — ответил Кэмерон.

— Та девушка-француженка? Она же была лидером, работала вместе с вами с самого начала.

Хлоя сидела, качая головой.

— Можно и на ровном месте споткнуться, пап. Если я не ошибаюсь, она и правда приводила людей к вере.

— Я не был бы в этом так уверен, Хлоя, — ответил Кэмерон. — Да, она учила, давала со-

веты. И казалась очень активной святой. Но, оборачиваясь назад, я не могу назвать хоть кого-то, кто пришел к Христу именно благодаря ее наставничеству. А ты?

Хлоя замолкла.

— Жоспены хотят, чтобы я выступил на ее похоронах, — сказал Кэмерон. — Они знают правду и тем не менее все равно этого хотят. Что мне сказать? Она казалась чудесной девушкой, и погибни она в прежние времена из-за несчастного случая, я мог бы похоронить ее по ее поводу. Она была дорогим другом, ценным сотрудником.

— И не верила, — сказала Хлоя.

— А что говорили ее родители? — спросил Рэйфорд. — Что они хотят услышать в твоей речи?

— Они хотят простой надгробной речи, — сказал Кэмерон. — Но похороны — не место говорить ужасную правду. Сандрийон в аду, больше она не с нами, поскольку никогда не верила в спасение через Христа. Я что, это должен людям говорить? И простят ли меня ее родители? Может, они не хотят верить, ищут хоть какое-то оправдание тому, почему верующий человек может умереть в сто лет.

— Спроси их, Кэм, — сказал Рэйфорд. — Если они не позволят тебе быть честным, то остается только отказать их просьбе. Единственное благо, которое я тут вижу, — если они позволяют тебе предупредить остальную молодежь о последствиях отказа от Иисуса. Я могу поехать с тобой к ним и...

Рэйфорд замолк, увидев, как Ясмин ткнула локтем Абдуллу.

— Скажи им, — прошептала она. — Ты должен. Сам знаешь.

— В чем дело, Смитти? — сказал Рэйфорд.

— Да тут тяжелый случай. Наша дочь — вы все знаете Бахиру, — когда услышала эту новость, была в ужасе, как и все мы. Но ее это шокировало сильнее прочих. Не то чтобы они были очень близки. Сандрийон хотела подружиться с ней, но наша дочь отказала ей.

— Из-за чего?

— Из-за того, о чем мы сейчас говорим. На глазах у Кэмерона, Хлои и остальных Сандрийон была образцовым лидером. А за спиной у них она была критичной, язвительной, сомневающейся — в лучшем случае.

— И как давно Бахира знала об этом?

— Всего несколько недель, и сейчас она чувствует себя ужасно от того, что не рассказала нам об этом раньше. Она считает себя виноватой, поскольку знала, что приближается сотый день рождения Сандрийон и, возможно, что та не верит по-настоящему.

Рэйфорд встал.

— Нам надо навестить Жоспенов. Возможно, только втроем — Кэм, Абдулла и я. Все согласны? Мы поедем, чтобы устроить похороны и попытаться узнать, что они знали и что думают теперь. Вы же понимаете, что здесь самое грустное?

Ирэн кивнула:

— Конечно, Рэйф. Она лишь первая. Возможно, мы не будем так потрясены сле-

дующими случаями, но сейчас дети Скорби взрослеют, и это лишь первая смерть в Тысячелетнем Царстве.

* * *

Рэйми Стил понимал, что, если бы не Восхищение, он давно уже умер бы. Ему было двенадцать лет, когда Иисус воззвал к нему из облаков, и прозвучал трубный глас, и они с матерью в мгновение ока исчезли из своих постелей. Во время Второго Пришествия ему было бы девятнадцать, но благодаря преображенному телу он выглядел как молодой человек лет двадцати пяти, и в таком возрасте он и застыл, несмотря на то что прожил уже 112 лет.

Несмотря на временной разрыв, он сохранил четкие воспоминания о своем детстве. Простой, верующий, доверчивый, наивный — так он мог бы описать свое отрочество. Он любил семью, обожал мать, тревожился за отца и сестру и молился за них. Как же он ликовал вместе с ангелами, когда Рэйфорд и Хлоя Стил уверовали!

Он без труда понимал, почему столетние до сих пор считаются детьми. Люди старились очень медленно, а время проходило быстро. Вещи, о которых он не так много думал, будучи ребенком, — война, эпидемии, болезни, жестокость, преступность — всего этого в буквальном смысле слова не существова-

ло, и он понимал, что именно это по большей части обеспечивало долгую жизнь людей. И это было без шуток. Это и есть обещание Всемогущего Господа.

Как же странно было наслаждаться долгими, разнообразными, интересными разговорами с родителями! Он перестал быть послушным, иногда становился трудным ребенком — особенно для его безответственного, нарушающего обещания отца — и за ночь превратился во взрослого, и что еще лучше — у него внезапно проявился и взрослый интеллект. Для него было в новинку осознавать, что практически все предметы их обсуждения имели сложный смысловой подтекст, который надо было распутать и разложить по полочкам, чтобы понять.

Ему нравилось, что его особенно полюбили дети, посещавшие место, которое он стал называть Образовательным центром Вселенского дня. ЦДС было удобным сокращением для названия «Центра детей Скорби», но Рэйми нравилось задирать сестру, говоря, что Господь вознаградил ее, назначив беби-ситтером на полный день.

Конечно, значение ЦДС было куда большим. Поскольку эти дети были чистым листом и единственными потенциальными обращенными в мире, Рэйми считал свою работу не менее важной, чем любая другая в Царствии. Ничто не радовало его так, как объяснение детям, достаточно взрослым для понимания, что несмотря на то, что они родились и выросли в семьях верующих, в

обществе, где все взрослые — последователи Христа, им все равно надо лично для себя самим прийти к вере в Иисуса.

В своем доме, неподалеку от дома его родителей, куда они часто возвращались после своей работы в Индонезии, Рэйми развесил фотографии сотен детей, с которыми он вместе молился, когда они обращались к Христу. И так было много лет. Он также подумывал было прикрепить на стене снимки тех, кто был главным предметом его молитв, но ему не нужны были напоминания. Господь постоянно держал их в его памяти.

Хотя Рэйми любопытствовал, какой же должна была быть нормальная жизнь, со всеми свиданиями, любовью, свадьбой, рождением детей, ему не хотелось отвлекаться на такие вещи, и он был доволен полностью отдаваться служению Христу. Молясь за находившихся под его опекой детей, он ощущал, что Господь дает ему уверенность в том, что усилия почти всегда будут успешными.

Потому сейчас, впервые за сто лет, Рэйми был в смятении. Может, его жизнь слишком легка? Именно так. Неужели эта трагедия — смерть бывшего товарища — знак того, что все в Царстве постепенно будет пропитываться грехом?

Рэйми было грустно. Он был потрясен. Его обвела вокруг пальца девушка, которая была не намного моложе его. И он хорошо понимал почему. Ничто не давалось автоматически. Ничто не было гарантировано. Пока Сатана скован и не может соблазнять

людей, не может наполнять их сердца сомнением, страхом и вопросами, остальные две опоры трехногого престола зла — мир, плоть и дьявол — вполне способны сбить человека с пути.

Рэйми не пошел на импровизированную встречу в доме Хлои, когда вести о случившемся начали распространяться. Он инстинктивно понимал, что нужен своему дорогому другу, Бахире, дочери друзей его родителей, Абданехов. Он встретился с ней у их любимого ручья, который огибал подножие холмов на западе, и они пошли прогуляться по вечерней прохладе, которая установилась, несмотря на яркое солнце.

Он обнял ее, и она заплакала у него на плече. Рэйми не плакал с самого Восхищения. Было странно утешать дрожащую женщину, которую обычно переполняла радость. У Бахиры было точеное лицо, блестящие зубы и огромные темные глаза, обычно полные удивления и веселья. Рэйми повел ее к валуну и усадил, устроившись рядом.

— Я поняла, почему Господь молчит, — сказала она.

— Ты тоже это почувствовала?

— Конечно.

— Обычно такое бывает, когда мы сами знаем ответ на свой вопрос.

— Но не сейчас, Рэйми. Я просила у Него всего лишь утешения. Он утешил меня немного, но Его молчание испугало меня. По-

том меня осенило. Он тоже скорбит, как радуется каждый раз, когда очередная душа избирает Его. Снова наступило время, когда кто-то может избрать и другой путь.

— Но ведь Он всезнающ, Бахира. Сандрийон вряд ли была для Него неожиданностью.

Она пожала плечами:

— Но это все равно должно печалить Его. Я только смутно помню, как мне было страшно и горько, когда отец возненавидел мать из-за ее веры. Мы с Заки тревожились, прятались, плакали и молились. Для нас, маленьких детишек, это было слишком. А затем, как ты и твоя мать, мы вдруг оказались на небесах и вскоре уже ликовали от того, что наш отец обратился. И воссоединение с ним во время Второго Пришествия — самое любимое из моих воспоминаний. Я тебе об этом говорю, чтобы ты понял, насколько новы для меня те чувства, что я испытываю сейчас.

— Но вы с Сандрийон не были близки.

— Нет, но до недавнего времени я и не заботилась о ней. Здесь так много братьев и сестер, и нельзя сблизиться со всеми. Ты много лет был для меня самым дорогим другом, и я надеюсь, что ты понимаешь, насколько это драгоценно для меня. И у меня были другие друзья. Мне дорога твоя сестра, и многие из тех детей, с которыми я молилась, были мне близки много десятилетий. Но как я упустила то, что происходит с Сандрийон? Я и понятия не имела до последнего времени...

— Но все же что-то заметила?

Бахира кивнула и подошла к ручью, где опустилась на колени и зачерпнула ладонями воды, чтобы напиться.

— Она всегда была вредной и ребячливой, но она так была увлечена нашим служением, что я думала, будто знаю ее сердце. Она пела, она рассказывали истории, она чудесно ладила с младшими, играла с ними, присматривала за ними. У меня не было причины думать, что она не одна из нас.

— У меня тоже.

Бахира отерла руки о подол платья и снова села.

— Не так давно она сказала нечто странное, и я не знала, что и подумать. Она сказала, что раз ее детство подходит к концу, то ей хочется, чтобы хотя бы на одну ночь у нее были родители-язычники.

— Язычники?

— Это слово поразило меня так же, как и тебя. Я так давно его не слышала. Сандрийон вела себя так, словно поддразнивала меня, но она говорила о том, чтобы поехать во Францию или Турцию, чтобы самой посмотреть, правдивы ли слухи о тамошней ночной жизни.

— Это правда, Бахира. Мой отец проверял. Обычно там дети лет восемнадцати—девятнадцати, которые бравируют тем, что еще не стали последователями Христа. Они называют себя «Иным Светом» и говорят, что изучение Ветхого Завета сделало их фанатами Люцифера, а не Иисуса.

— Но ведь они делают это, чтобы привлечь внимание, разве не так? Иисус живет

вне Писания. Он Живое Слово. Они же не могут утверждать, что не верят в Бога, Который снова ограничил Себя человеческим телом и живет среди нас!

— Папа говорит, что они вроде бы серьезно. Да, это может быть для привлечения внимания, и, возможно, они все понимают и в свое время намерены изменить свой образ мыслей и жизни, чтобы избежать смерти в сто лет. Меня удивляет, что Господь не раздавил их, как мух.

— Милосердие Его бесконечно, — тихо ответила Бахира. — Я понимаю, что это уже штамп, но Он обещал всем долгую жизнь, и Иегова не осудит их, пока они не достигнут ста лет. Что говорил твой отец? Он их видел? Слушал?

— О да. Он говорит, что они уходят из родительских домов. Их отцы и матери в голос оплакивают их и в горести молят остальных молиться за их детей. А те начали творить дела, которые смердят перед лицом Господа. Бордели, ночные клубы, черный рынок.

— Но ведь у нас есть судьи для таких дел?

— Уже наказывали. И Франции, и Турции пришлось восстановить правоохранительные органы и даже тюрьмы. Но все эти меры только придали этим неверным привлекательности в глазах остальной молодежи. Даже сейчас, когда Враг изолирован, сердце человеческое вероломно и безнадежно порочно.

— Я тревожусь за судьбу следующего поколения. Мир уже не девствен, как был в

начале Царства. И люди по-прежнему рождаются во грехе. Сколько осталось до того момента, когда мерзость земли вновь вернется? Та самая, которую знали наши родители? И снова мы увидим убийства и прочие преступления?

Рэйми покачал головой:

— Я просто не понимаю. Я думаю, что, поскольку у нас преобразенные тела и разум, нам трудно сочувствовать людям, которые хотят идти собственным путем. Для меня это и есть небеса, когда Иисус рядом. Меня тревожит то, что, дав себе — своему движению — название, они стали организованными и каким-то образом легитимизировались. «Иной Свет» стал чем-то, что молодежь идеализирует или даже делает идолом, к чему желает присоединиться. А тебе не кажется, что и Сандрийон была членом этого движения?

— Нет, но откуда мне знать? Насколько мне известно, она не бывала ни во Франции, ни в Турции, хотя она француженка. Но она рассказывала мне, что ее кузены говорили ей о ячейке «ИС» в Аммане.

— Для меня это новость.

— И опять же, Рэйми, я думала, что она шутит, но вскоре поняла, что нет. Она упрасивала меня поехать с ней и посмотреть, так ли это. Это был бы наш секрет, и ее кузены тоже ничего не рассказали бы. Мы ничего не будем делать, говорила она. Просто поедем и сделаем вид, что наши родители не последователи Христа. Я напомнила ей: «Сандрийон, я же была восхищена. Я пришла с не-

бес. Я более чем последовательница Христа. Я была выкуплена и опечатана. Я даже не хочу этим мараться». И вот тут она набросилась на меня, Рэйми. Она обвинила меня в зазнайстве, обозвала святошей. Я извинилась, правда! Я вовсе не хотела задирать перед ней нос. Я не хвасталась, просто объяснила, почему преходящие прелести греха не привлекают меня. Она сказала: «Меня тоже. Я просто хотела посмотреть, что упускаю». Что же, как понимаю, теперь она знает.

— Извини, — сказал Рэйми, отвернувшись, чтобы принять сообщение от отца. Когда он снова повернулся к ней, он рассказал ей, что трое старших наставников намерены посетить родителей Сандрийон. — Мне передать отцу твой рассказ?

Бахира кивнула.

— Никогда не надо бояться правды. Жоспены, может, и не захотят ее узнать, но рассказать им надо. Ее похороны могут стать событием, которое спасет бессчетное число жизней.

По дороге домой Рэйми сказал:

— Не завидую им. Как же рассказать родителям такую правду об их ребенке?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рэйфорд надеялся, что ему больше никогда не придется переживать такого испытания, как разговор с родителями Сандрийон Жоспен. Было бы легче, если бы они все отрицали и не верили ему. Но они были преданными христианами, которые знали правду.

— Она умерла, потому что была потеряна, — вымолвил наконец ее отец. Плечи его поникли.

Рэйфорд осторожно спросил, позволят ли они, чтобы Кэмерон на похоронах сказал, что это пример для друзей и знакомых Сандрийон, чтобы те могли избежать злой судьбы. Жоспены с несчастным видом кивали.

— Там будут наши родственники, — сказала ее мать, — наши братья и сестры и кузены Сандрийон. Я бы сказала, что все они истинно верующие, но теперь я уже ни в чем не уверена. О, это такое невыносимое горе

для нашей семьи. Они так недавно были тут. Шести недель не прошло, наверное. Мы заранее праздновали день рождения Сандрийон...

Через несколько дней Рэйми вместе со своим племянником Кенни, Бахирой и Заки сидел на похоронах. Церемония проходила в одном из рекреационных центров на земле Хлои и Кэмерона и привлекла тысячи людей, по большей части детей, которые знали Сандрийон по ЦДС.

Как ни странно, думал Рэйми, но это событие даст импульс похоронной индустрии. Когда дети по всему миру начнут достигать возраста сто лет, их все больше будет умирать. До похорон тело Сандрийон держали в винном погребе в доме ее родителей. И поскольку кладбищ больше не было, она будет и похоронена на их земле.

Заки, младший брат Бахиры, всегда более серьезный, чем остальные, казался необычно тихим и сосредоточенным. Похоже, он изучал людей в толпе. Вознесенный вместе с матерью и сестрой, он всегда казался счастливым, пусть и не выражал откровенной радости.

Обширная семья Сандрийон встала в первом ряду прямо перед началом церемонии, и первым на помост поднялся ее отец.

— Славим Тебя, Иисус, творец и вершитель наших судеб, — с трудом начал он. — Но это не поминовение и не празднование возвращения домой, поскольку, как вы все знаете, для мертвых сейчас есть лишь одно место, и это не небеса. Мать Сандрийон и я жаждем ваших молитв о нашем исцелении. Мы любили дочь так сильно, как только родители могут любить свое дитя, и теперь мы страдаем, и боль наша глубока и невыразима. Мы попросили ее друзей и руководителя по наставничеству Кэмерона Уильямса сказать несколько слов.

* * *

Кэмерон ощущал присутствие скорбящего Господа и верил, что Он даст ему слова. Все, что он мог, — это лишь открыть неприглядную правду: Сандрийон казалась чудесным человеком и сделала много добрых дел.

— Но печальный факт состоит в том, что сама она не видела для себя нужды в Спасителе, или она решила игнорировать эту необходимость.

Хотя родители Сандрийон были согласны, казалось, что остальную семью это застало врасплох. Кэмерон поймал косые взгляды некоторых из их родственников. Другие слушали с отстраненным видом.

— Вы можете подумать, что сейчас не место и не время для подобных заявлений, но

родители Сандрийон согласились со мной, что более подходящего случая быть не может. Я хочу предупредить всех, кому еще не исполнилось ста лет и кто еще не принял Христа как своего Спасителя. Единственный общий знаменатель на все времена, от сотворения Адама до нынешнего Царства, это то, что у всех есть выбор — примете ли вы то, что в Писании называется «столь великим спасением». Те, кто изберет Его, будут наслаждаться всем Его Тысячелетним Царствием и взойдет на небеса, которые Он приготовил для Своих людей. Те, кто не изберет Его, будут осуждены, умрут во грехах и проведут вечность в огненном озере.

Это, без сомнения, самое важное решение, которое вам придется когда бы то ни было принять. Я спрашиваю вас напрямую: вы лично приняли Иисуса Христа и признали Его вашим Господом и Спасителем? Если нет, я прошу вас сделать это прямо сейчас, сказал Господу: «Благодарю Тебя за то, что Ты послал Своего сына, Иисуса Христа, умереть на кресте за мои грехи. Я признаю, что я грешен и прошу Твоего прощения. Я признаю Иисуса моим Господом и Спасителем и предаю свою жизнь и будущее Ему».

Теперь позвольте мне закончить, сказав, что ваш выбор сейчас легче, чем когда бы то ни было. Может, прежде и были времена, когда надо было по большей части принимать на веру, что Иисус — безгрешный Сын Господа. Но после всего, что раскрылось, после исполнения всех пророчеств, после всех

знаменательных событий — включая Восхищение Церкви, двадцать один суд небесный в течение последовавших семи лет, и теперь Тысячелетнее Царствие, в котором царит Сам Христос — вы солжете, если скажете, что Христос — нечто иное, чем Он Сам говорит. Если вы ожесточили свои сердца против Него, то это не потому, что вы не верите. Это не потому, что вы не знали. Это потому, что вы выбрали свой путь, а не Его, потакаете себе и своим удовольствиям и желаниям, а не служите Тому, Кто, как вы знаете, является Творцом Вселенной.

Если вы сегодня уйдете отсюда, не признав Иисуса, не говорите, что вас не предупреждали о том, что вы не переживете свой сотый день рождения и что вы будете вечно страдать, причем страдать бесполезно.

* * *

Рэйми понимал, что ему лишь кажется, что так необычно иметь племянника в возрасте девяноста лет. Восхищаясь откровенностью и страстностью Кэмерона, он невольно обнял Кенни за плечи и притянул к себе. Кенни был лишь одним из сидевших там четырех молодых людей не в преображенном теле и не имевших воспоминаний о семи годах, проведенных на небе с Иисусом. Он вошел в Тысячелетнее Царствие будучи почти пятилетним мальчиком и даже сейчас вы-

глядел подростком, взрослея медленно, как в идиллической утопии, но Рэйми был горд, что может распознать, у кого тело преображенное, а у кого нет. Те, кто был преображен, конечно, не старились ни на йоту. Медленный эффект времени влиял на других.

— Ну что, парень? — сказал Рэйми. — Ты с Иисусом?

* * *

Дело было в том, что слова отца ошеломили Кенни. Кэмерон Уильямс был писателем — не проповедником и не оратором. Но десятилетия работы с детьми научили его простоте и убедительности, которая в нынешнем контексте сделала его речь мощной и четкой.

— Ты шутишь? — ответил Кенни, улыбаясь. — С такими-то родителями у меня разве был выбор?

— Выбор есть у каждого. А сейчас я хочу знать.

— Я пошутил, дядя Рэйми. Ладно уже, ты ведь знаешь историю моей жизни не хуже, чем я — твою. У нас много общего.

— Наши матери привели нас к Христу.

— Вот именно.

— И в твоем случае все хорошо, так? То есть мне не придется через несколько лет снова сидеть здесь в полном шоке и смотреть на своего племянника в гробу?

— Не дожدهшься.

— Молодец.

Заки наклонился к ним и прошептал:

— Посмотрите-ка на это.

Со всех сторон к Кэмерону шли люди, многие плакали. Сотни опустились на колени, когда Кэмерон возглавил молитву. Кенни даже и не знал, что в мире столько уклонистов, особенно, если говорить об Израиле.

— Посмотрите на них, — сказал Заки, кивая на нескольких молодых людей в отведенном для родственников покойной месте. Они топтались на месте, со скучными лицами, рассеянные. — Жаль, что я не похож на Кенни. Я бы проник в их круг и выяснил, что они думают. Но у меня ПТ.

— Преображенное тело? — улыбнулся Кенни. — Вот, значит, в чем *твое* проклятие! Полагаю, я выгляжу ветхим стариком?

— Просто ты только что протопал несколько миль, вот и все, — сказала Бахира. — Ты же слышал рассказы отца об отряде Скорби. Ну, так сделай что-нибудь ради общего блага. Выясни, что за люди эти кузены, которые пытались повлиять на Сандрийон. Они же не знают, кто ты такой. Будь бдителен. Может, ты и старикан, но выглядишь по-прежнему как ребенок.

Бдителен. Это было ново для Кенни Брюса Уильямса. Ему никогда не приходилось ничего скрывать. Даже до того, как он принял Христа, он не умел обманывать. Всю свою жизнь он провел среди тех, кто знал и любил Иисуса и служил Ему всем сердцем.

Его родители погибли мученической смертью и некоторое время пребывали на небесах с Господом. И он ни разу не усомнился ни в их рвении, ни в их стремлениях.

Кенни было десять лет, и он уже несколько лет прожил в Царствии, когда мать привела его к Христу, и как-то раз, когда она укладывала его спать и молилась вместе с ним, он сказал:

— Я не ощущаю себя грешником. Даже и не помню, чтобы я сделал что-то плохое.

— Грех — не обязательно то, что мы делаем, — ответила она. — Грех — это и то, что мы есть. Мы все рождаемся во грехе. И нам нужно прощение.

Кенни не пришлось долго убеждать. Он видел Иисуса. И если Он — не Бог, тогда никто не Бог. Для Кенни решение казалось простым. И, слушая все рассказы о подвигах его родителей и деда во времена Скорби, он считал жизнь в Тысячелетнем Царствии легкой. Когда Кенни был младше, он и правда жалел, что не осталось никаких препятствий и что на его долю не выпало приключений. Но как только он сам стал верным, работа в ЦДС начала давать ему адреналин с избытком. Почти каждый день он либо приводил ребенка к Христу, либо узнавал, что кто-то это сделал.

Быть бдительным. Теперь концепт стал таким. По его телу прошла дрожь, когда он отошел от дяди и его друзей и начал бродить в толпе, постепенно приближаясь к группке молодых людей из Франции, которые на са-

мом деле могли быть последователями «Иного Света».

Когда он подошел к семье, он заметил пару молодых людей, похожих друг на друга. Он коснулся руки одного из них.

— Вы родственники Сандрийон? — спросил он.

Лохматый юноша пожал руку Кенни.

— Смотря зачем тебе, — сказал он. — Она тебе задолжала денег?

Кенни невольно скривился. Ничего себе слова — для такой ситуации.

— Она была мне двоюродной сестрой. Меня зовут Игнас. А это мой младший брат, Лотар.

— Рад с вами познакомиться. Скорблю о вашей потере.

Рыжий Лотар был тоньше и выше брата. Он фыркнул.

— После выступления этого психа можно и правда подумать, что она неудачница. Чего он о себе возомнил!

Кенни вздрогнул. И понадеялся, что никто этого не заметил. Он никогда не слышал, чтобы люди такого возраста так разговаривали. Маленькие дети — это да, они буянят, дерутся, спорят из-за игрушек, не хотят делиться — это понятно. Но чтобы почти взрослые говорили так зло, так мерзко? Для Кенни это было новостью.

И все же ему нужно было держать себя в руках.

— Ну, я не знаю, что ему еще было сказать.

Лотар пошел грудью на Кенни.

— То есть ты говоришь, что она *и была* неудачницей?

— Да нет, я...

— Ты хоть знал ее?

— Да, конечно. Не очень близко, но она была из моего района.

— Тогда ты знаешь, что она не была какой-то там великой грешницей. Она с детства не выезжала за пределы Израиля. Мы даже не могли уговорить ее немножко развлечься.

— Развлечься?

— Ну да. Повеселиться, а не только распевать песенки для Иисуса, чтобы обеспечить себе жизнь после ста лет.

— Я не прочь пережить сто лет, — сказал Кенни.

— Тогда лучше иди и спасайся, ага? Послушать этого парня, так это единственный способ. Разве что у тебя есть пропуск прямо отсюда на небо. У тебя ведь нет, верно?

— У меня? Нет. А разве я похож?

— Нет, без обид, правда. Все эти преображенные выглядят одинаково, как фарфоровые куклы. Слушай, тут есть хоть какое-то развлечение?

— То есть?

— Ты знаешь, о чем я. Какое-нибудь место, где подобные типы, как этот, из яслей, не проклянут тебя и не пошлют в ад, если ты будешь делать что-то еще, кроме как гимны распевать.

— Ребят, вы не забывайте, где вы. В Израиле вряд ли найдешь то, что вы называете ночной жизнью.

Игнас рассмеялся.

— В Храме дискотек не устраивают? И шоу никаких? И бухла нет? Так Лотар свое гонит. Берет прямо у подножия холмов. Ускоряет ферментацию. Реально крышу сносит.

— А вы не боитесь такое делать с Господним вином?

— Приятель, Лотар его только лучше делает!

Кенни был слишком непривычен к такому. Он не знал, что еще сказать.

Он сказал, что ему нравится одежда ребят.

— Спасибо. Нам на заказ шили.

— Здорово.

Но, приглядевшись к тонким полоскам, он заметил, что они представляют собой почти микроскопический узор. Крошечные буквы. Ряды крохотных буковок «С» и «И». Буквы не разделялись, образуя характерный узор, который с двух шагов смотрелся как обычная полоска.

Эти буквы были определенной торговой контактной информацией, и Кенни вдруг осенило, что они означают аббревиатуру ИС. «Иной Свет».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Во многом, решил Рэйфорд, трагедия Сандрийон Жоспен — так теперь назывался этот случай — стала катализатором блага. Блага, необходимости в котором большинство людей в Царствие даже не осознавали. За первое столетие Царствия жители привыкли считать данностью то подобие небес, в котором они жили. Каждый взрослый был частью паствы, и драгоценные дети, которые нескоро повзрослеют, находились на попечении ЦДС. Люди начали ежедневно отправлять туда отпрысков.

За пределами Израиля не было таких центров — по крайней мере, таких крупных. Так что смерть Сандрийон, первой из многих, которым предстоит умереть в возрасте ста лет — и такие смерти начались через день после ее похорон, — прозвучала тревожным сигналом в Эдеме. Если даже

в самой столице мира, где Иисус Христос правил со Своего престола через Давида и где находилась штаб-квартира программы помощи детям, могли быть сотни — нет, тысячи — смертей, так что же говорить об остальном мире?

— Это явно придает срочности Господнему призыву ко мне, Цион, — сказал Рэйфорд.

— А Ирэн? Что она обо всем этом думает?

— То же самое. Мы готовы ехать. Но это вряд ли будет похоже на то, что мы привыкли видеть и слышать от миссионеров раньше.

— Нет, вряд ли. Однако я заинтригован, Рэйфорд. Ты ведь не «сын Израиля». Пони-маешь, Исаия писал о тебе как о чужеземце и называл сыновей Израиля священниками и советниками Господа. — Цион открыл Библию. — «И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виногра-дарями. А вы, — подчеркивание мое, — будете называться священниками Господа, слу-жителями Бога нашего будут именовать вас; будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их»¹.

— Стало быть, я не подхожу?

— Ну, я не знаю, особенно если Господь вложил тебе это в сердце. Как ты знаешь, вы, чужеземцы, приемные дети Господа. Не думаю, чтобы Господь препятствовал твоей миссионерской работе, особенно теперь. За-хария предрекал, что миссионеры Царства

¹ Ис. 61:5—6.

найдут жадных слушателей среди всех народов. «Так говорит Господь Саваоф: еще будут приходить народы и жители многих городов; и пойдут жители одного города к жителям другого и скажут: пойдем молиться лицу Господа и взыщем Господа Саваофа; и каждый скажет: пойду и я. И будут приходить многие племена и сильные народы, чтобы взыскать Господа Саваофа в Иерусалиме и помолиться лицу Господа. Так говорит Господь Саваоф: будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог»¹.

— Опять же, Цион, я не еврей. Возможно, я перехватил сообщение, направленное тебе?

— Ты сам все прекрасно понимаешь. Ищи Господа всем сердцем своим, и я знаю, что ты сделаешь все, что Он просит.

Рэйми, Кенни, Бахира и Заки встретились у того же ручья, где Рэйми гулял с Бахирой. Они опустились на колени возле скалы.

— Господь Иисус, мы чувствуем, что Ты здесь и что перед нами стоит великая задача, — начал Рэйми. — Скажи нам до конца — не ошиблись ли мы, не отошли ли от Твоих

¹ Зах. 8:20—23.

наставлений. — Он подождал, не захочет ли кто еще что-нибудь сказать. Увидев, что они молчат, он продолжил: — Я хочу быть осторожным, но посмотрите на состав нашего маленького отряда по сравнению с первоначальным отрядом Скорби. Вы все слышали рассказы об этом. Когда они начинали, у них тоже было трое мужчин и одна женщина. Мой отец, сестра и ее муж были среди первых членов отряда. — Он посмотрел на Бахиру и Заки. — Ваш отец присоединился позже и служил в нем много лет. Кто мог подумать, что нам понадобится такое в нынешние времена?

— Отряд Тысячелетия, — прошептала Бахира.

— Времена изменились, — сказал Рэйми, — но наша миссия не менее важна. Она не будет для нас настолько же опасной, поскольку Господь обещал сохранить нас до возвращения на небеса. Но по-прежнему на кону души мужчин и женщин.

* * *

Из всех четверых только у Кенни не было преображенного тела, что позволяло ему войти в мир, в котором остальные вызвали бы подозрения.

— Игнас и Лотар Жоспены по уши в «Ином Свете», — сообщил он, — но подпольные ночные клубы в Париже и других местах — это

лишь вывеска. Туда часто наведываются правоохранители, и посетителей берут под арест и сажают. Тех, кто совершает настоящие преступления, поражает молния — Господь разбирается с ними немедленно, как с древними Ананией и Сапфирой.

— А вывеска чего? — спросил Заки.

— «Иной Свет», по сути дела, тайное общество. Оно распространяется по всему миру, в значительной мере через компьютерные технологии и зашифрованные послания. Лохматый парень, который Игнас, и рыжий, Лотар, постепенно начинают мне доверять. Поначалу я боялся, что они заставят меня пройти проверку — чтобы я поехал в Париж и принял участие в каком-нибудь дебоше, но это — так они говорят — ниже их достоинства. Их нынешнее задание — послание, названное «Если это правда...», которое они распространяют среди тщательно отобранных диссидентов. Суть послания в том, что если правда, что противники Иисуса умирают в возрасте ста лет, то все должны удвоить свои усилия прежде, чем умрут, то есть погибнуть как мученики ради последнего удара в конце Тысячелетнего Царствия.

— Это же бессмысленно, — сказала Бахира. — Это правда, что неверующие умирают в сто лет — а мы знаем, что это так, — но это доказывает, что правда Иисуса, в которую мы верим, очевидна. Я не понимаю, почему это не заставляет их раскаяться и спастись.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Бахира, — ответил Рэйми. — Но скажу, как

мой деверь на похоронах Сандрийон: эти люди знают, кто такой Иисус. Они не сомневаются в Его божественности. Но им это не нравится. Они противятся этому. И то, что их друзья умирают в возрасте ста лет, только убеждает их в правоте их дела. И как же, Кенни, они намерены ниспровергнуть окончательное пророчество, финальное воздаяние их предводителю в конце тысячелетия?

Конечно же, больше всего они боятся потерять все свои силы к концу каждого столетия. До конца срока умрут еще восемь поколений таких, как они, и последнее не родится до девятисотого года Тысячелетнего Царствия. И те останутся единственными живыми, кто присоединится к Сатане в его войне против Христа. Но эти люди, однако, не глупы. Они осознают, что каждое последующее поколение будет все более многочисленным. Так что они ожидают появления нескольких миллиардов потенциальных сторонников их дела к концу тысячелетия.

— Тут и говорить нечего, оно понятно, — сказал Заки, — но у них же нет ни единого шанса. И смерть сотен таких, как они, каждые сто лет должна каждый раз лишь подтверждать этот факт.

— Их план, — сказал Кенни, — состоит в том, чтобы передавать свою доктрину, аргументы, планы и надежды так, чтобы новые поколения были хорошо подготовлены и обучены ко времени последнего конфликта. Я понимаю, что это сущее безумие и что все

они обречены, как и предсказывали пророки. Я хочу сказать, так будет, если мы ничего не станем делать. Мы можем сидеть спокойно и ждать, и результат будет тот же самый. Но что делать с теми, кто в противном случае выбрал бы Христа, а сейчас подпал под влияние этих чудовищ? Вот почему мы все равно должны действовать, пусть сейчас мы и живем в Царствие.

* * *

Рэйфорд резко проснулся среди ночи и сел в кровати. С ним заговорил Господь.

— Ты будешь Моим свидетелем, — сказал Он.

— Я здесь, Господь мой. Пошли меня.

— Я хотел бы, чтобы ты послал других.

— Слушаю, Господь мой.

Рэйфорд соскользнул с кровати, опустил-ся на колени, слушая, как Иисус излагает ему план продолжения распространения Благой вести по миру. Он знал, что падение Сатаны предопределено, но борьбу за души мужчин и женщин надо продолжать. Население прирастало, и было понятно, что Иисус жаждет завоевать все души ради небес.

Этот план разворачивался перед внутренним взором Рэйфорда, как свиток. Все верные в его окружении должны были удвоить усилия и мобилизоваться. Ирэн, Кэмерон, Хлоя, Кенни, Рэйми, Абдулла, Ясмин,

Бахира и Заки должны были стать более настойчивыми и действовать с опережением в отношении каждого ребенка, который находится на их попечении по программе ЦДС, поскольку дети — будущее Церкви.

* * *

— Нам нужен еще один стареющий, — сказал Кенни остальным. — Вас, преобразенных, иносветники за милю узнают.

— Идеи есть? — спросил Рэйми. — Кто-нибудь на примете. Мы наверняка знаем уйму нужных людей.

Заки поднял руку.

— У меня есть один близкий друг, — сказал он.

— Насколько близкий? Ты ему доверяешь?

— Доверяю. Мы узнали, что мы из одного района Иордании, поэтому подружались.

— Касим Марид? — удивилась Бахира. — Я рада, что ты ему доверяешь. Я — нет.

— Да, Касим. А что с ним не так? Я встречался с ним в ЦДС, когда он был еще очень маленьким. Поскольку я все это время не старился, а он вырослел и рос, как Кенни, он меня догнал. Иногда нас спрашивают, не братья ли мы.

— А он твой брат во Христе? — сказал Рэйми.

— Думаю, да.

— Думаешь? Это должно быть видно сразу.

— Он полон каверз, — сказала Бахира. — Вот что меня волнует. Он напоминает мне Сандрийон.

— Просто он знает уличную жизнь, — сказал Заки. — Но он один из нас.

— Ты этого не знаешь, — ответила его сестра.

— Знаю.

— Когда Рэйми спросил, ты сомневался.

— Ну, мы с ним об этом не говорили.

— Это должно быть сразу понятно.

— Но он часто работал в ЦДС.

— А ты видел, чтобы он наставлял детей? — поинтересовался Кенни. — Привел ли он хоть одного из них к Господу?

— Не знаю. Но думаю, что да.

Рэйми вздохнул и потянулся.

— Ты нас не убедил. Кенни говорит, что нам нужен еще один стареющий человек, чтобы проникнуть в их среду, так, Кенни?

Кенни кивнул.

— И это должен быть крепкий в вере человек, который знает, кто он и на чем стоит. Может настать день, когда иносветники захотят нас проверить. Мы должны выстоять. И мне совершенно не хотелось бы, чтобы неверующий или нетвердый в вере столкнулся с самым худшим коварством врага.

Заки пожал плечами.

— Скоро узнаем. Ему скоро должно исполниться сто лет.

— Когда? — спросил Рэйми.

— Через пару лет.

— Мы не можем столько ждать. Нам нужен кто-нибудь, кто сможет вступить в дело прямо сейчас.

— Я же говорю — он тот, кто нам нужен, — сказал Заки. — Он азартный и отважный. Ему это должно понравиться.

— Тогда ты должен спросить его напрямую и выяснить, с Христом ли он.

Наступила осень, и миллионы людей со всего света собрались в Израиле, в Храме на праздник Кущей. Иерусалим просто трещал по швам, пытаясь вместить всех, и на Дороге Святости было тесно от ежедневно идущих на церемонии.

Теперь, когда иностранцы направлялись домой после праздников, вся Святая Земля гудела от разговоров о том, что от Египта почему-то не было ни одного представителя. Об этом как раз и думал Рэйфорд, проснувшись поутру.

Выйдя из своей комнаты к завтраку, он с удивлением обнаружил в гостиной Брюса Барнса и Мака МакКаллама. Они встали ему навстречу из кресел, чтобы обнять его.

Ирэн с улыбкой наблюдала за ними.

— Мы уже поделились новостями, без десяти минут сто лет ведь не виделись! Теперь твой черед!

Брюс, первый мученик отряда Скорби,

рассказал о том, как он был на небесах. Много совпадало с переживаниями Ирэн и Рэйми, хотя взгляд, конечно, был уникальный. И неужели почти сто лет назад они с Рэйфордом коротко обнялись после отделения агнцев от козлиц в долине Иосафат?

— Меня тут же призвали в Африку, в группу развития. И это самая благодарная задача, какую только можно представить. Я каждый день вырабатывался досуха, и это была такая приятная усталость, если ты понимаешь, о чем я. Господь дал мне дары, каких я и не предполагал и помог мне полностью раскрыть их. Я строил дороги, помогал возводить дома, даже прокладывал электросети и помогал обеззараживать и разбирать снаряды. Жду не дождусь узнать, куда Он направит меня дальше.

— И я тоже, — сказал Мак. — Все эти годы я вкалывал по специальности и жил в бывшей России. Мы создавали авиалинии для всего мира...

— Извини, Рэй, — произнесла Ирэн. — Но на пороге священник. Ему нужны вы все трое.

Они переглянулись.

— Пригласи его, — сказал Рэйфорд. — Конечно!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Низенький и коренастый священник носил льняные одежды. Когда он поклонился и представился как Йерик из дома Садока, из-под тюрбана показались аккуратно подстриженные волосы.

— Это большая честь для нас, — сказал Рэйфорд. — Не присоединитесь ли к нам? У нас есть жареные овощи и свежие фрукты.

— Спасибо, о нет. Госпожа, вы еще не мололи сегодня муку?

Ирэн покачала головой:

— Простите, нет.

— Не важно, вы же не ожидали меня. Тем не менее да благословит Господь ваш дом.

— Спасибо, — сказала Ирэн.

— Чему мы обязаны этой честью? — спросил Рэйфорд.

— Я принес вам приветствие и приглашение в полдень к князю.

— К царю Давиду? — еле выговорил Рэйфорд.

— Никому не говорите об этом и приведите с собой двух спутников из колен Израилевых. Сейчас им тоже отправлено приглашение, и все трое вы встретитесь на мощной дороге к Храму.

— Простите, — сказал Рэйфорд, — но ведь тут есть еще один человек. Абдулла Абданех.

— Хм. Вы можете взять его с собой к князю. Насколько мне известно, вы, доктор Розенцвейг и мистер МакКаллам, — единственные непреображенные из приглашенных. Могут ли я уведомить князя, что вы принимаете приглашение?

— С величайшим нашим почтением.

* * *

Поначалу Рэйми не знал, что думать о Касиме Мариде, но ему показалось странным, что когда Заки привел юношу, Бахира его не сопровождала, причем Заки знал, что Кенни в это время занят в ЦДС. Все трое встретились дома у Рэйми.

У Касима было длинное острое лицо и жиденькая черная бородка. Хотя он был худ и ростом не выше среднего, одежда казалась коротковатой для него. Штаны болтались выше колен, и рукава едва прикрывали локти. Он сказал, что ему так удобно, потому что легче ходить.

— Особенно когда приходится убегать, а такое часто бывает. — Он весело рассмеялся. — Итак, чем могу вам помочь, ребята?

Рэйми наклонил голову набок и внимательно рассмотрел юношу.

— Мы сплоченная группа, — неторопливо начал он. — И мы не хотим извиняться за то, что являемся преданными последователями...

— Я вообще-то не посторонний, — сказал Касим. — Мы с Заки уже девяносто лет как приятели.

— Я должен был видеть тебя в ЦДС. Почему я тебя не узнаю?

— Да я бороду отрастил. Да и работал я в другом отделе. Я в рекреации.

— Значит, ты играешь с детишками.

— С тысячами их!

— А ты наставлял их?

— Ну да, конечно. — Он посмотрел на Заки. Тот кивнул. — Я знаю все нужные песни, рассказы и молитвы.

— Молитвы?

— Ну я же молюсь с детьми, я знаю, что говорить, все такое.

— Он знает, — подтвердил Заки.

— Ты меня прости, — сказал Рэйми, — но Сандрийон тоже знала.

— Но это правильный парень, Рэйми. Поверь мне. Мы друзья уже...

— Давно, верно. Я понял. Пусть Касим сам говорит, ладно? Скажи, ты приводил детей к Христу?

— Приводил к Христу?

— Ты понимаешь, о чем я. Часто к концу дня мы отчитывались друг перед другом, и служащие говорили о детях, которые заявляли, что нуждаются в Иисусе.

— Ну, я рассказывал им об Иисусе. То есть это мы делаем. Искренне ли они молились со мной или передо мной, сказать не могу. Ты же сам знаешь, у одних одно получается лучше, у других — другое.

— Я знаю.

— Но многие из детей, с которыми я работал, уверовали, и целая их группа сейчас сама служит в ЦДС.

— Это что-то! — воскликнул Заки, и Рэйми смерил его взглядом.

— Расскажи мне о своей вере, — сказал Рэйми.

— О моей вере?

«Тут что, эхо?»

— Ну, как ты пришел к Христу?

Касим пожал плечами и поджал губы.

— Да я вряд ли помню, так давно все было. То есть я не помню своей жизни до того, как уверовал. Понимаешь, когда Иисус рядом, и правит, и все такое с самого детства, легко забыть прошлое.

— Но в какой-то момент ты должен был...

— Понять свою нужду, как говорит мой отец? Конечно. Я рожден во грехе. Отделен от Бога. Мне нужен мост. Я молился. Господь спас меня.

Это показалось Рэйми простым перечислением стадий примирения с Всемогущим Господом.

— Я должен помолиться об этом, Касим, — сказал он. — Все остальные обсудят. Мы еще встретимся.

— Отлично! Мне так хочется стать членом вашей маленькой банды и выяснить, что там затевают наши французские друзья.

Позже этим же утром в ЦДС Хлоя рассказала Кэмерону то, что ей рассказала мать о приглашении царя. Кэмерон пошел искать тещу.

— Сдается, в Царствие все же есть грех, — сказал он, — даже среди нас, преображенных. Должен признаться, я чувствую себя обделенным. Завидую? Почти так. То есть я восхищаюсь Рэйфордом и прочими, особенно Хаимом и Ционом, но я все бы отдал за то, чтобы оказаться там.

— А вот теперь мне надо признаться, — заявила Ирэн. — Я только что поняла, почему священник сказал, чтобы Рэйфорд ни с кем не делился известием. Это и ко мне относилось, конечно же. Но послушай, Кэм, это должно быть связано с тем, что Господь вложил в сердце твоего тестя несколько дней назад. А ты уже получил свой призыв. Ты ведь не утратил свой энтузиазм относительно ЦДС?

— Ни за что. Но я хочу в ближайшее время взять денек отгула и поговорить с одним из моих любимых героев Ветхого Завета.

* * *

Рэйфорд был в таком возбуждении, что еле держал себя в руках. Когда они с Брюсом и Маком встретились с Хаимом и Ционом на Дороге Святости, они болтали как одноклассники на ежегодной встрече. И все же Рэйфорд шел намного впереди своих друзей.

Откуда-то появился Йерик и направился вместе с ними.

— Чужестранец, — сказал священник, — я умоляю тебя подстроиться под мой шаг, и мы придем вовремя.

— Чужеземец! — рассмеялся Мак, заставив Циона и Хаима улыбнуться.

— Да уж, — фыркнул Цион. — И все же мы сели на хвост этому нееврею, чтобы всего лишь присутствовать при разговоре.

Величественные башни по три стороны квадратной Храмовой горы возвышались на горизонте, и вскоре появились и внешние стены. Йерик поднял руку и остановился в пятидесяти локтях от открытого пространства между дорогой и северными воротами внешнего двора.

— Я знаю, что вы уже бывали здесь, — сказал он, — но простите мне, если я оглашу требования к входящим. Я привел вас к северным вратам, поскольку, как гласит Писание, «слава Бога Израилева шла от востока... и земля осветилась от славы Его»¹.

¹ Иез. 43:2.

Восточные врата «будут затворены, не откроются, и никакой человек не войдет ими, ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и они будут затворены. Что до князя, он, как князь, сядет в них, чтобы есть хлеб пред Господом; войдет путем притвора этих ворот, и тем же путем выйдет»¹.

Теперь же вошедший северными воротами для поклонения должен выходить воротами южными, а вошедший южными воротами должен выходить воротами северными; он не должен выходить теми же воротами, которыми вошел, а должен выходить противоположными². Так говорит Господь Бог: никакой сын чужой, не обрезанный сердцем и не обрезанный плотью, не должен входить во святилище Мое, даже и тот сын чужой, который живет среди сынов Израиля³. Вы, братья, конечно же, либо сыны Израиля, либо обрезанные сердцем.

Сам князь, которого вы сегодня посетите, сказал: «Кто взойдет на гору Господню или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно ближнему своему, — тот получит благословение от Господа и милость от Бога, Спасителя своего»⁴. Потому буду я просить вас улучшить минутку и выказать смирение

¹ Иез. 44:2—3.

² Иез. 46:9.

³ Иез. 44:9.

⁴ Псалом Давида 23:3—5.

перед Господом, дабы показать, что вы — достойные.

Рэйфорд немедленно упал ниц и услышал, что его спутники сделали то же самое.

— О Господь, прозри меня и очисти меня от злого!

Когда все встали, Йерик прочел из Откровения, главы 20 стих 6: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет». Итак, ты видишь, что, хотя ты и чужеземец, ты тоже священник, который царствует вместе с Христом.

Йерик подвел их к воротам и снова остановился.

— Услышьте же ныне слова Господа: «Будут служить Господу Богу своему и Давиду, царю своему, которого Я восстановлю им¹. А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их². И Я буду их Богом, и раб Мой Давид будет князем у них вечно. Я, Господь, сказал». А теперь, пожалуйста, следуйте за мной в молчании.

Йерик провел их через высокие ворота, мимо трехэтажной галереи, в которой, как он сказал, располагается он сам вместе с несколькими другими священниками. Вскоре

¹ Иер. 30:9

² Иез 37:24

они достигли внутренних северных ворот, где на солнце стояли восемь столов. Рэйфорд вспомнил, что Сам Господь говорил, что здесь будут закалываться жертвы для всесожжения.

Рэйфорд с остальными проследовал за Йериком вверх, поднявшись на семь ступеней и пройдя мимо столов к портику за внутренним входом. Там Йерик велел им сесть и ждать. Рэйфорд был рад отдохнуть от яркого солнца.

* * *

Кенни Брюс Уильямс в этот день работал в ЦДС как-то рассеянно. Когда Касим, Рэйми и Заки прибыли позже обычного, ему стало любопытно почему. Они вскоре разделились и разошлись по своим местам, чтобы помочь остальным сотрудникам с регистрацией очередных новоприбывших. Кенни опасался, не лопнет ли ЦДС. Даже сейчас, когда были закончены одни дополнительные строения, другие уже были на очереди.

В тот день у Кенни и шестерых его подчиненных на попечении было около двух сотен детей. Они будут играть, затем слушать рассказы, затем петь перед сном. Он делал распоряжения и пытался не давать детям разбегаться, когда помощник ткнул его локтем и показал на что-то.

Кенни всегда становилось теплее на сердце при приходе матери. Хотя в этом новом мире оба прожили так долго, что разница в возрасте уже ничего не значила, он всегда смотрел на нее как на старшую. И несмотря на то что он приближался к сотому дню рождения, она по-прежнему считала его своим ребенком.

Сейчас за ней шла темноволосая, темноглазая смуглая девушка, словно светящаяся в своих белых одеждах. Поначалу она не осмелилась посмотреть ему прямо в глаза, а просто пожала ему руку.

— Екатерина Ристо, — тихо сказала она. — Я из Греции.

— Екатерина кандидатка на работу в центре, малыш.

— Мама!

— Извини. Кеннет.

Это вызвало у Екатерины улыбку. Она подмигнула Кенни, и впервые в жизни у него в душе что-то затрепетало. Может, это было потому, что ему никогда никто не подмигивал, кроме его родителей. Он должен был с этим столкнуться — как большинство молодых людей, он еще не интересовался противоположным полом. Ладно, эта девушка казалась интересной, и он ничегошеньки о ней не знал.

— Позволь ей просто посмотреть, пока не найдешь времени поговорить с ней... Кеннет. Твой отец... то есть мистер Уильямс... уже провел с ней собеседование, как и я. Мы ждем твоей оценки.

— Все сделаю. Спасибо, миссис Уильямс.
Екатерина снова рассмеялась.

— Ладно, идем. Курсант. Если все эти дети сразу тебя не испугают, то во время тихого часа у нас будет возможность поговорить.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Рэйфорд, Цион, Хаим, Мак и Брюс сидели на верху лестницы, когда внизу появился Йерик и тихонько дал им знак встать. За спиной священника появился князь Господа, царь Израиля Давид и начал подниматься по лестнице, шагая через две ступеньки. Рэйфорд чувствовал себя неловко, поднявшись на ноги, он знал, что и остальные тоже не в своей тарелке. А когда Давид начал приветствовать и обнимать каждого, целуя в обе щеки, он не сразу сумел справиться с голосом.

— Цион, прославленный ученый, чья отвага принесла в жертву его семью... Хаим, известный как Михей, предводитель остатка народа еврейского. Привет тебе! Монтгомери Клиберн, известный как Мак, верный друг... Брюс, один из первых надевший кровавые одежды. Добро пожаловать, добро пожаловать!

Рэйфорд видел Давида только издали, но снова был поражен, насколько простым и человеческим он казался. Он так долго восхищался этим человеком, его трудами, так что не удивился бы, если бы тот оказался ростом с Голиафа. Давид тоже, казалось, вернулся к своему идеальному возрасту — около тридцати лет. У него были жилистые руки и ноги, крупные ладони, загорелая кожа и опрятная черная борода, подчеркивающая рельефные черты. Он был одет в пурпурные одежды с золотой каймой и увенчан простым золотым венцом с небольшой серебряной пластинкой на лбу, в которую был вставлен алмаз. Обруч был небрежно сдвинут к затылку, словно Давид надел его в последний момент.

— Рэйфорд Стил, — сказал Давид, протягивая ему руки, — тот, кто изменился разумом и сердцем.

Рэйфорд, чуть не в обмороке, попятился и поклонился.

— Ваше величество...

— О, здесь мы не отягощаем себя такими условностями, — сказал Давид. — Разве только мы говорим с каким-то достойным порицания подчиненным, а ты явно не из таких. Все мы знаем, кто наш истинный Царь. Садитесь, садитесь, пожалуйста.

Когда все снова сели, Йерик удалился, и Давид уселся на пару ступеней ниже их. Рэйфорду захотелось пересесть, особенно после того, как он предполагал, что встретятся они где-то у престола Давида.

— Простите меня, но мне не кажется правильным, что я буду смотреть на вас сверху вниз.

— Да ладно, — рассмеялся Давид, — все в порядке с учетом того, что вы смотрите на меня глазами плотскими.

— Именно так.

— Я знаю. Ваша верность Господу — всех вас — хорошо известна.

Рэйфорд был удивлен тем, что остальные до сих пор повинуются указанию священника хранить молчание. Они не ответили даже на похвалу Давида.

Давид говорил страстно, глядя каждому в глаза.

— Возглавлять Израиль в наше время легко, — сказал он. — Советники, судьи, сам я разбираем только мелкие тяжбы, по большей части по поводу земли или собственности. Господь дает нам мудрость, чтобы спорщики уходили удовлетворенными и зачастую став друзьями. Вторым благом является то, что большинство народов предусмотрительно держат детей подальше от власти. Увы, Египет не усмотрел в этом мудрости и выдвинул в свой совет старейшин двоих, еще не достигших совершеннолетия. Думаю, вы слышали о результате.

Рэйфорд кивнул.

— По всему Израилю судачат о том, что Египет не прислал своих представителей на праздник Кущей.

— Будет неудивительно, если это вызовет гнев Господа, — сказал Давид. — Одной из

причин, почему Он велел, чтобы обязательно все народы участвовали в этом празднике, было то, что в прежние поколения они угнетали и унижали Его избранный народ. Праздник Кущей дает возможность всем народам воздать должное Господу в Его собственном доме за ежегодный урожай и съестные припасы. Господь верен слову. Египет оказался неверен. Так говорил Господь Бог: «Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне; кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне. Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими. С раннего утра буду истреблять всех нечестивцев земли, дабы искоренить из града Господня всех делающих беззаконие»¹. Вот, господа мои, почему всем царям надлежит быть мудрыми и обученными. Они должны служить Господу со страхом и радоваться пред Ним с трепетом². Почтите Сына, чтобы Он не прогневался и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, ибо гнев Его возгорится вскоре. Блаженны все, уповающие на Него³. Затем все остальные из всех народов, приходивших против Иерусалима, будут приходить из года в год для поклонения Царю, Господу Саваофу, и для празднования праздника Кущей. И будет: если какое из племен земных не пойдет в Иерусалим для поклонения Царю, Господу Саваофу, то не будет дождя у них. И если

¹ Пс. 100:6—8.

² Пс. 2:12.

³ Зах. 14:16—18.

какое племя земли не поднимется в путь и не придет сюда, то и у него не будет дождя, и постигнет его поражение, каким поразит Господь народы, не приходящие праздновать праздника Кущей.

Я призвал тебя и твоих друзей сюда сегодня потому, что мне нужна твоя помощь. Я царь Израиля, князь Иеговы. Египет не в моей власти. Господь обойдется с ним так, как было предсказано Словом Его. Однако Господь велел мне позаботиться об исцелении этой земли после того, как погибнут проклятые, а земля испытает засуху.

— Погибнут?

— Тебя удивляет, что Господь держит Свое слово?

— Нет, но...

— Ты полагаешь, что те, кто виноват в том, что остальные руководители Египта сбились с пути, не должны быть судимы, пока не достигнут ста лет?

— Думаю, так.

— Они сами обрекли себя своими деяниями. Хотя они по-прежнему считаются еще детьми, они стали оскорблением Всемогущего и наверняка умрут. Господь вершит правосудие, но также жаждет исцеления этой земли. Египту понадобятся восстановление, рост и развитие. Он избрал для этого тебя и твоих людей. Но твой труд влечет за собой ответственность и привилегию донести добрую весть о спасении Божиим оставшейся нераскаявшейся египетской молодежи.

Рэйфорд простерся ниц, его друзья вместе с ним.

— Мы все на службе Господа. Да окажемся мы достойны.

Так Рэйфорд был обеспечен работой еще на сто лет.

* * *

— Мы приехали из Греции на праздник Кущей, как делаем каждый год, — рассказывала Кенни Екатерина Ристо, когда они сидели за столиком в пятнадцати футах от отдыхающих детишек. — И теперь хотим остаться здесь, где Сам Господь восседает на троне. Хотя по родине мы будем скучать.

— Расскажи, как вы там жили.

— Мои родители познакомились в подпольной церкви, в которой некогда служили твой дед и родители, насколько я знаю. Паства каждый день опасалась за свою жизнь, скрываясь от миротворцев Мирового Сообщества. Моя мать была беременна мной, когда свершилось Второе Пришествие Иисуса.

— Значит, тебе, как и мне, девяносто с небольшим?

— Я еще маленькая, — улыбнулась она. — Конечно, это все, что я знаю, но я видела фотографии мамы, где она очень похожа на меня нынешнюю. Она говорит, что тогда ей едва исполнилось шестнадцать.

Кенни кивнул:

— Эти дни подобны дням Ноя, когда люди жили по несколько сотен лет.

— Мне очень хочется, чтобы я перестала стариться и застыла где-нибудь в молодом возрасте, как твои мама и бабушка.

— Я до Второго Пришествия не видел свою бабушку, — сказал Кенни. — Но на фотографиях до Восхищения она выглядит старше, чем сейчас.

Кенни было легко разговаривать с Екатериной, и с ней ему было проще, чем со всеми другими, кого он встречал.

— А как ты уверовал? — спросила она.

Он улыбнулся.

— Предполагалось, что это я тебе задам этот вопрос.

— Ой, в моей истории нет ничего такого. Так что сначала ты.

— Да в моей еще меньше такого, — ответил он. — Сколько я себя помню, наш дом был полон рассказов о Восхищении, Скорбях, Втором Пришествии, Тысячелетнем Царствие. Я вырос в этой атмосфере, и я был первым ребенком в ЦДС.

— Правда?

— Мне рассказывали, что я и есть причина возникновения такой службы, поскольку моя мать погибла за веру, а мой отец был убит в последние дни Скорбей, и Господь обещал им воздать стократ за то, что они потеряли меня. Только на самом деле они меня не потеряли. Мой дед заботился обо мне, пока они не вернулись с небес. Как бы то ни было, Го-

сподь слово держит — и посмотри, чем обернулись эти «стократ». К Христу меня привела мать, как и моего дядю, который тоже тут служит, привела его мать.

— Рэйми Стил? Его мать — Ирэн?

— Точно.

Она покачала головой:

— Надо же, какое наследие. Как я уже говорила, моя история не такая яркая. Как ни грустно, я обратилась, только когда мне было восемьдесят лет.

— Правда? Ты действительно так долго была неверующей? При таком-то происхождении?

Она кивнула:

— Вернее будет сказать, я колебалась. Я не могла усомниться в том, что Иисус есть Господь и Сын Божий и сам Бог. Я просто не знала, чего я от этого хочу.

— Но ведь твои родители наверняка взрастили тебя в понимании веры?

— И в понимании моих нужд, да. Мне очень тяжело было от моей нерешительности. Но часть меня была упрямой, самовлюбленной, гордой, и она не желала уступать.

— Ты изображала веру или твои родители все знали?

— Знали. Я никогда не скрывала своих чувств. У меня была очень большая проблема со свободой воли. Я не хотела не иметь выбора, потому поклялась, что сделаю свой выбор сама и когда захочу.

— А ты знала, что у тебя есть время только до ста лет?

— Конечно. Мои родители больше всего боялись, что я слишком долго буду упираться.

— А что заставило тебя передумать?

— Друзья. Некоторые чувствовали себя так же, как и я, или мне так, по крайней мере, казалось. Они зашли в своем упорстве дальше меня. Я искренне хотела решить все сама, а не просто унаследовать веру моих родителей. Я не зубоскалила. Я не критиковала Иисуса и не выступала против него. Я просто хотела найти свой путь, жить для себя. Я думала, что осознаю последствия. Как же это ужасало моих родителей! Они перепробовали все, напоминали мне, что именно ожесточенность их сердец не позволила им вознестись и потому им пришлось пережить Скорби. Лишь по милости Господней они дожили до Второго Пришествия.

— А твои друзья...

— Они настроены враждебно. Они не изучали, не анализировали, даже не думали об этом. Они насмеялись над верующими, отказывались признавать Иисуса совсем. Ты слышал об «Ином Свете»?

— О да.

— Некоторые переехали в другие части Европы, чтобы присоединиться к ним. Они не только выбрали сторону противников Христа, они избрали Люцифера. Он их герой, как мученик, который не погиб, но лишь на время скован.

— Но они разве не знают, на что обрекают себя?

Екатерина встала и начала расхаживать взад-вперед.

— В том-то и дело, мистер Уильямс.

— Кенни.

— Ой, я не знаю. Я ведь собираюсь работать на вас... в смысле, то есть я не уверена, получу ли я эту работу...

— Все в порядке. Зови меня как хочешь.

— Тогда вот что я скажу — если ты будешь меня называть Кэт, то я буду называть тебя, как ты хочешь.

— Вперед, Кэт.

— Короче, все вот как. Они обманываются иллюзией величия. Они действительно верят, что могут стать такой обширной, мощной и организованной силой, что смогут изменить ход истории.

— Даже если умрут за сотни лет до окончательного конфликта?

— Представь себе, — сказала она. — Но опять же именно потому они так идеалистичны. Они *хотят* стать мучениками своей идеи. Их это очаровывает. Одна девушка говорила мне, что верит, что если они сделают свое дело и передадут через поколения свою доктрину и боевые планы, то Сатана и правда победит и получит силу воскресить их, чтобы они могли править миром вместе с ним.

Кенни встал и перегнулся через стол.

— Это для меня новость. Полагаю, они должны искренне в это верить, чтобы продолжать свое безумие.

Екатерина кивнула:

— В конце концов, именно это и заставило меня передумать. Я обнаружила, что чем больше кого-нибудь из моих друзей привлекал «Иной Свет», тем отвратительнее он мне казался. Моя нерешительность в отношении Иисуса была лично моей, вытекала из моей сути, моей гордыни, моего «я». Я не хотела никому отдавать бразды моей жизни. Но мои друзья на самом деле стали врагами Господу. Они читали то же Писание, что и я, те же истории, но приходили к противоположным выводам. Они уверовали, что с Люцифером поступили несправедливо, что на самом деле он не сделал ничего настолько дурного, чтобы Господь так с ним обошелся. Они даже начали молиться ему. Никто не говорил, что общается с ним, но сама мысль ужаснула меня. Встать на сторону врага Господа и молиться ему, заточенному в недрах земли на тысячу лет... как ты и сказал, это безумие.

— Значит, именно это заставило тебя передумать?

— Ну да, как-то так. По большей части.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Теперь встаньте, братья, — сказал Давид, — и дайте мне благословить вас. — Он поднялся по ступеням и заключил всех в объятия. — Боже! Будь милостив к нам и благослови нас, освети нас лицом Твоим, дабы познали на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое. Да восхвалят Тебя народы, Боже; да восхвалят Тебя народы все. Да веселятся и радуются племена, ибо Ты судишь народы праведно и управляешь на земле племенами. Да восхвалят Тебя народы, Боже, да восхвалят Тебя народы все. Земля дала плод свой; да благословит нас Бог, Бог наш. Да благословит нас Бог, и да убоятся Его все пределы земли¹.

Узри, не дремлет и не спит хранящий Израиль. Господь — хранитель твой; Господь —

¹ Псалом 96.

сень твоя с правой руки твоей. Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью. Господь сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу твою Господь. Господь будет охранять выходжение твое и входжение твое отныне и вовек¹.

— Аминь, — ответил Рэйфорд. — И спасибо тебе.

— Что-нибудь я могу еще сделать для тебя?

— Для меня?

Давид хмыкнул.

— Царь Израильский говорит с тобой, слуга Божий.

— Прости. У меня есть вопрос об еще одном близком друге и нашем доверенном человеке.

— Об иорданце.

— Да.

— Поскольку он не преображен, он будет чрезвычайно полезен для нашей борьбы против «Иного Света». Он с женой переезжает на родину.

— Мне очень не хочется с ними расставаться.

— Только на время. Впереди еще много столетий, ты сам знаешь. И я уверен, что ты уже научился верить мудрости Господней.

— Конечно.

— Эту просьбу мне было легко выполнить. Есть ли что еще?

— Да, по правде говоря, есть.

— Так говори.

¹ Псалом 120

Рэйфорд начал говорить Давиду о службе детей Скорби.

— Я об этом хорошо знаю, — сказал Давид. — Чем могу помочь?

Рэйфорд сказал ему, что ежедневно главной темой являются библейские истории.

— Дети предпочитают их больше угощения, игр, даже песен.

— Правда?

— Им это очень нравится, и они готовы слушать их вновь и вновь.

— И?..

— Мне кажется, что для них будет просто невыразимым удовольствием, да и для нас, для всех, кто этим занимается, если... мне трудно сказать. Я даже надеяться не смею.

— Маловер, — сказал Давид. — Не надеешься, потому что не просишь.

— Хорошо. Просто представь себе, как здорово будет, если их герои лично расскажут им о себе.

— Кто?

— Ной.

— Хорошо.

— Правда? Неужели? Я...

— Я сказал. Кто еще?

— Сколько я еще могу просить?

— Испытай предел своей веры.

— Иисус Навин.

— Хорошо, с ним я пришлю Халева. Еще кто?

— Ты.

— С удовольствием. Интересно, что они у меня попросят рассказать о себе...

Оба рассмеялись.

— Я и высказать не могу, насколько я благодарен, — признался Рэйфорд.

— Иди с миром.

* * *

— Рассказывай, Кэт, — сказал Кенни. — Раз уж так много сказала.

— Однажды я сидела в комнате на постели, молилась за моих друзей...

— И все же ты сама еще не уверовала.

— Действительно, еще нет. Правда, ирония судьбы? Упираться изо всех сил и в то же время понимать, кому молишься за благополучие друзей. Забавно, Иисус, близкий настолько, насколько это только было возможно, не говорил со мной. Я еще в детстве учила стихи. А как иначе? Так что проблему-то я понимала. Писание говорит: «Много может усиленная молитва праведного»¹. Праведной я вряд ли была, так что усиленной моя молитва была или нет, мои молитвы эффекта не дали. Поэтому...

— Поэтому много они не смогли.

Она улыбнулась.

— Они ничего не дали. Но для меня это был хороший опыт, поскольку, хотя Иисус и не говорил со мной, Он вложил мне глубоко в душу нечто. Меня внезапно осенило,

¹ Иак. 5:16.

что я-то сама ничуть не лучше моих друзей, невзирая на причину их неверия. На деле я была не лучше самого Люцифера. По твоему взгляду, Кенни, я вижу, что ты думаешь, будто я преувеличиваю. Но ты сам поразмысли. Я была виновата ровно в том, за что Люцифера скинули с небес. Я хотела идти своим путем. Я могла и не говорить, что хочу стать богиней и не представляла себя выше Его. Но я хотела быть богом своей собственной жизни, таким образом узурпируя Его право и власть.

Кенни был глубоко тронут.

— Только Бог мог вложить это тебе в сердце.

— Вот и я так подумала. И я пришла к выводу, что Он, может, и молчит, но все равно общается со мной. Я внезапно увидела себя такой, какая я есть, — эгоистичной грешницей, которой отчаянно нужно было прощение и спасение. Я упала на колени, и, знаешь ли, мне это показалось еще недостаточным. Потому что всю свою жизнь я держала Иисуса где-то на задворках. Я простерлась на полу, рыдая, умоляя о прощении и предавая себя Господу навсегда. И с тех пор Он всегда со мной. Я ни разу не оборачивалась и не сожалела.

— А твои друзья?

— Двое по-настоящему обратились. За троих остальных я до сих пор молюсь, но они с головой ушли в «ИС». Я душой знаю, что Господь превыше всего, но разумом я почти отчаялась.

— Он позволяет им сделать свой выбор.

— И похоже, они его сделали.

Кенни так и подмывало рассказать ей о своих планах и друзей по проникновению в «ИС» с целью развалить эту организацию хотя бы на каком-то уровне. Но именно потому, что Рэйми и прочие не спешили одобрять идею Заки и принимать нового человека в свои ряды, он решил повременить.

* * *

Рэйфорд все говорил и говорил, торопясь попасть домой.

— Ирэн думала, что будет тосковать по Индонезии, и, конечно, ей многих тамошних друзей не хватает, но она так быстро освоилась дома, помогая ЦДС, и ей это очень нравится. Теперь вот придется сказать ей, что у нас новое назначение...

— В любом случае это ближе, чем Индонезия, — сказал Хаим.

— Ну да, правда, но когда я скажу ей, что наши герои веры будут приходить и сами рассказывать детям свои истории, ей захочется остаться ради этого и...

— Рэйфорд, — сказал Хаим, — притормози. Мне уже не сто пятьдесят лет. И — словечко вставить позволишь? Мы достаточно долго молчали в присутствии князя.

— Да, — согласился Рэйфорд. — Прости. Поверить невозможно. Аудиенция у самого царя Давида!

— Мы были там, напарник, — сказал Мак. — А теперь остановись на минутку и передохни. Мы уже проскочили нашу долину больше чем на милю, и нам придется возвращаться.

Под конец дня Кенни стало трудно держать в голове то, чего хотел Рэйми. Его дядя созвал отряд Тысячелетия в укромном уголке их территории, и Кенни смог отчитаться только в том, что его мать очень одобрительно отнеслась к новой сотруднице.

Заки спросил, может ли он привести Касима.

— Ты серьезно? — сказал Рэйми. — Мы его как раз обсуждать будем.

— Мы будем голосовать за него? Ты знаешь, что я скажу. Он замечательно подходит для этого поручения.

Рэйми поднял руку.

— Заки, прояви предусмотрительность и вспомнил, что мы с тобой единственные, кто говорил с ним.

— Я знаю, но Бахира и Кенни доверяют нам, не так ли? Он нам понравился. В смысле, если есть еще какие-то формальности, давай приведем его, чтобы все поверили ему так же, как и мы...

— А я не верю ему, Заки, — ответил Рэйми.

— И я тоже, — сказал его сестра.

— Тебя там даже не было, Бахира.

— А жаль. Вот *тогда* мы могли бы голосовать. И нас было бы двое против одного. Что тебя беспокоило, Рэйми?

— Да все. Он молод, незрел, он выглядит не так, ведет себя не так. Он говорил слишком быстро и слишком много. И, откровенно говоря, мне не нравится то, что он говорит. И когда он рассказывал о своем обращении, это лишь усилило мое недоверие. Слова-то он говорил правильные, но словно зазубрил их наизусть. Кроме того, когда он рассказывал о своем служении, ничего конкретного сказать не смог. Я не думаю, чтобы он привел к Христу хоть одного ребенка, пока был там.

— Честно говоря, — сказал Кенни, желая поскорее со всем этим покончить, чтобы удостовериться, что его мать возьмет на работу Екатерину, — он работал в секторе развлечений.

— Даже консультанты по развлечениям порой приводят детей к Христу, — сказала Бахира. — Надо очень постараться, чтобы никого к Христу не привести.

Заки сидел, качая головой.

— Вы намерены забраковать этого парня. Поверить не могу. И как я ему об этом скажу?

— Ты, прежде всего, вообще не должен был его приводить, — сказала Бахира. — И тогда тебе ничего не пришлось бы ему го-

ворить. Ты должен был предложить нам рассмотреть его кандидатуру и проверить его, ничего ему самому не предлагая и ни на что не намекая. Если он будет разочарован или обижен, это только потому, что ты слишком много ему наобещал.

— Хорошо, я прошу прощения, если решил, что он подойдет нам. Думаю, он сможет отменить поездку.

Кенни глянул на Рэйми.

— Ты о чем? — удивился Рэйми.

— Он через несколько дней едет во Францию, полный решимости проникнуть в ряды иносветников и прислать нам отчет. Ты этого не хочешь?

— Он поедет не по нашему заданию, — сказал Рэйми. — И лучше бы тебе постараться, чтобы он не проговорился о нас ни словом. Кенни совершил несколько вылазок с братьями Жоспен, и нам надо вести себя очень осторожно, чтобы не подставить его.

У Заки был растерянный вид.

— Что? — задала вопрос его сестра. — Я тебя знаю. Скажи, что ты не говорил Касиму о Жоспенах.

— Но я же не знал! Никого же другого не было, чтобы попытаться выяснить, что там творится! И если он не работает ни на кого, то как он вообще в это ввязался бы?

— Останови его, — приказал Рэйми. — Он не должен ехать. Если он решил проникнуть в ячейку «ИС», то их в других местах хватает.

— Ты хочешь сначала поговорить с ним? — спросил Заки. — Удостовериться, что он не выдаст нас?

— Нет! Я хочу, чтобы он даже и не думал, что едет по нашему поручению, потому что это не так!

Заки вздохнул:

— Он не обрадуется.

— Значит, мы оба не обрадуемся.

Мать Кенни уже готовилась уходить, когда он наконец добрался до нее.

— Мне надо торопиться, — сказала она. — Твой дед приглашает тебя послушать, как он сегодня был на аудиенции у царя Давида.

— Что?

— Если ты об этом не знал, то ты единственный. Бабушка не должна была ничего рассказывать, но... слухи уже разошлись. Ты можешь прийти?

— Ни за что не пропущу. Но мне надо рассказать о моих впечатлениях о мисс Ристо.

— Не надо.

— То есть?

— Я взяла ее, — сказала его мать.

— Она тебе понравилась?

— Да. А что, есть проблемы? Она всем нам пришла по душе.

— Значит, мое собеседование с ней было простой формальностью?

Хлоя рассмеялась:

— Твое собеседование? Думаешь, я не заметила, как вас обоих потянуло друг к

другу? Твой вывод был предопределен заранее.

— Значит, она завтра придет?

— Конечно. Но ты ее ждать не должен. Она направлена в сектор развлечений.

— Не может быть!

— Может. Признайся, Кенни, она станет тебя отвлекать. Не беспокойся. Она все равно будет поблизости. Ты сможешь сообщить ей, если захочешь. Теперь иди. Бабушка с дедушкой ждут.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В прошлом Рэйфорд сказал бы, что просто не может поверить в такую удачу. Но это было больше чем удача — это назначение говорило о том, что благословение Господне по-прежнему лежит на нем. Его навыки лидера отточились, а мускулы закалились за десятилетия руководства группой развития в Индонезии. А теперь ему было поручено не просто восстановить и обеспечить развитие Египта, но и возглавить там духовные труды.

Это не было его сильной стороной и уж точно не его специальностью. Но он не мог бы подобрать лучшую команду, даже если бы ему поручили собрать ее лично. Да, он хотел бы взять к себе Хлою, Кэмерона, даже Рэйми и Кенни. Но это подорвало бы силы ЦДС.

Рэйфорд не работал с Брюсом со времени Восхищения сто лет назад, но он знал, что

Брюс великолепный наставник и прекрасно знает Библию. И кто мог обучить самого Брюса лучше, чем Цион Бен-Иегуда и Хаим Розенцвейг?

У супруги Брюса, которая была вознесена, был дар организовывать, точно такой же, как у Ирэн. Они станут верной опорой для Мака, который будет заниматься технологией, транспортом и логистикой.

Рэйфорд видел, что Ирэн относилась к переезду и новой миссии со смешанным чувством. Она любила детишек из ЦДС, и особенно ей нравилось работать вместе с семьей.

— Но служба Христу мне еще радостнее, и я пойду туда, куда Он меня посылает.

Что до Рэйфорда, то он не мог уехать сразу же. Ему непременно надо было узнать о назначении Абдуллы, и жаль было, что им не удастся поработать вместе. Но мысль о том, чтобы увидеть разорение, постигшее народ, от которого Господь убрал Свою руку, и иметь ресурсы, чтобы восстановить землю под Его руководством, чтобы снова заставляла Рэйфорда ощущать себя столетним юнцом.

Абдулла приехал, чтобы помочь собрать вещи. Он объяснил, что скоро ему надо вернуться к Ясмин и помочь ей с их собственными делами.

— Думаю, ты знаешь, что мы возвращаемся в Амман. Странно будет оказаться там. Не могу и представить, как там все должно было измениться за сто лет. Мне почему-то

кажется, что, несмотря на прошедшее время, все равно в душе всплывут какие-нибудь тяжкие воспоминания.

— Молюсь, чтобы Господь с их помощью показал тебе, как Он тебя возвысил.

— Даже если я буду тосковать по всем детям и, конечно, по Бахире и Заки, мне нравится моя новая роль.

— Расскажи.

— Господь явился мне в ночи, похоже, как раз перед тем, как Он привел Мака и твоего бывшего пастора...

— Брюса.

— Да, на твой порог. Он сказал мне, что грех распространяется, расползается по моей родной земле и что Он знает, что я хочу помешать этому. Рэйфорд, я бы пошел канавы рыть, если бы Он приказал. Когда тебя посещает Создатель, то ты делаешь то, что Он говорит. Одним из моих вопросов было: могу ли я взять с собой семью? Странно работать вместе с Ясмин как с сестрой, а не с женой. И что-бы дети — странно так называть их в такие-то годы — были мне коллегами, а не иждивенцами, ну, это такая радость. Увы, дети останутся здесь и будут работать с Хлоей и Кэмероном. Но Ясмин могла выбирать.

— Правда? Это наверняка был трудный выбор для жены и матери. К тому же, как и все, кто работает в ЦДС, она любит свою работу.

— Ей выбор дался нелегко. Как и всегда, она советовалась с Господом. Через несколько дней она сказала, что они с Ним пришли к соглашению. Я чуть не рассмеялся. Слов-

но бы они переговоры вели. Я бы на такое не осмелился, но она побывала в доме Его Отца, и ее тело и разум преображены, так что они, наверное, говорили не на том уровне, что я с Ним. Короче, они, похоже, пришли к согласию, что за мной надо присматривать. И Он сказал ей прежде, чем мне, что мое поручение будет опасным. Я думаю, Он считает, что после Скорбей я размяк

— А что, это не так?

Абдулла рассмеялся.

— Перешел с перевозки твоего чокнутого отряда Скорби по всему свету в течение семи лет к работе в детском садике? Знаешь, дети ничуть не менее требовательны.

— Опасное поручение? — сказал Рэйфорд. — Вряд ли Господь ждет, что человек твоих лет прикинется членом «ИС».

— Капитан Стил, — сурово заявил Абдулла со смехом в глазах. — Я вспоминаю дни, когда такое замечание в отношении человека другой национальности считалось тяжким преступлением.

Через несколько дней Мак перевез всех вместе с их пожитками на самолете примерно на 270 миль к западу в город Аль-Джиза, к югу от Каира. Там Господь указал Рэйфорду участок земли, где он должен был построить жилье для всей команды.

— Надо было тебе попросить Давида, чтобы тот уговорил Ноя дать нам чертежи ковчега, — сказал Хаим, глядя за тем, как более молодые члены команды выполняют большую часть работы. На самом деле, большая часть выпала на долю Рэйфорда и Мака, а остальные трое встречались в течение дня и вечерами, готовя свою миссионерскую атаку.

Как только они приземлились в Аль-Джизе, стало понятно, что эта земля искалечена. С самого праздника Кущей в Израиле несколько дней назад во всем Египте не выпало ни капли дождя. Что еще хуже, было очевидно, что Господь закрыл даже подземные источники, что было смертельно в пустынном климате. Перестали течь реки, и быстро испарявшаяся вода стояла повсюду затхлыми лужами. Жители, как могли, запасались оставшейся пригодной для питья водой.

* * *

Кенни Уильямс начал искать встречи с Кэт Ристо после работы каждый день. Они часто сидели вместе во время отчета персонала. Сегодня она просто сияла, и когда настала очередь работников и волонтеров рассказать о том, что сегодня случилось интересного, Екатерина первой вскочила.

— Кэт Ристо, — представилась она. — Я знаю многих из вас, но для вас, очевидно, я тут новенькая. Я работала в рекреационном секторе и поначалу боялась, что не смогу никоим образом направлять детей так, как те, кто учит детей или возглавляет молитвы. Но сегодня я рассказывала детям историю Ионы, и одна маленькая девочка — она сказала, что ей десять лет, — попросила меня помолиться вместе с ней о ее спасении.

Люди заплодировали, но Кэт еще не закончила.

— Это было самым лучшим на сегодня! Когда она молилась, она сказала Иисусу, что, как Иона, бежала от него. Она сказала: «Я все время пыталась отдать себя Тебе, но постоянно забирала себя назад. А теперь я хочу быть твоей, чтобы все было хорошо».

Позже, когда Кенни провожал ее домой, Екатерина сказала:

— Я и не знала, какое это волнующее и благодарное занятие. В Греции мы работали с детьми там, где они молятся. Мы знали, что они — единственные, кто еще должен сделать свой выбор. Но мы очень многое оставляли на ответственность родителей, забыв, как я сейчас понимаю, о том, как дети смотрят на своих учителей. Часто они прислушиваются к ним больше, чем к маме или папе. За все эти годы работы с детьми я ни разу не молилась о спасении ни с одним из них. Это очень большое упущение, и я даже не понимала этого. Однажды мне надо будет внедрить эту идею ЦДС дома.

— Мне кажется, она будет работать везде, — сказал Кенни. — Меня удивляет, что подобных центров еще нет по всему миру.

* * *

Как-то раз к месту строительства в Аль-Джизе пришел человек примерно одного возраста с Рэйфордом.

— Это вас прислал Господь? — спросил он.

— Это так, сэр.

— Вы можете сделать что-нибудь, чтобы Он вернул воду?

— Мы за этим и приехали, но, как вы понимаете, руководство нации должно сотрудничать с нами.

— Надеюсь, вы не ожидаете, что в Каире вас примут с распростертыми объятиями. Те молодые люди, что отговорили остальное руководство от посещения праздника, мертвы. Их поразила молния прямо на глазах у коллег.

Рэйфорд потянулся.

— Господень суд скор, друг мой. Эти двое стали примером, как и указывалось в Его Слове. И не должно возникать вопросов, почему они погибли. И я уверен, что нас воспримут как посланников, каковыми мы и являемся. Мы молимся о том, чтобы все это испытание позволило нам быть услышанными здешней молодежью, показать им, что с Богом шутки плохи.

— Знайте, что все верующие молятся о том же. Почему мы должны страдать из-за поступков нескольких человек?

* * *

Отряд Тысячелетия собрался в полуприватной задней комнате в бистро «Долина» прямо к югу от долины Иосафат.

— Значит, мы до сих пор ищем стареющего для попытки проникнуть в ряды иносветников? — сказала Бахира.

Рэйми кивнул, но — что неудивительно — Заки вскочил с места.

— Касим уже это сделал, и у него есть для нас донесение.

— Заки, мы уже поставили точку в этом вопросе, — сказал Рэйми. — Он, вероятно, уже выдал нас.

— Нет! И он готов отчитаться. Поверьте мне, вам будет важно это услышать!

— Я дам тебе знать.

— Он, вероятно, уже ждет снаружи, чтобы я впустил его.

— Ты сказал ему, где мы встречаемся?

— Ну да. Это же не тайна. Разве не так?

— Заки, если мы собираемся быть отрядом, то нам не надо, чтобы об этом знало много людей. Я не боюсь молодчиков из «Иного Света», поскольку нам они повредить не могут. Но они могут навредить множеству других людей, потому мы не должны светиться.

— Отлично, но я могу его привести?

Рэйми глянул на Бахиру, которая закатила глаза и покачала головой.

— Думаю, не будет вреда, если мы его выслушаем, — заявил Рэйми.

Заки только это и надо было. Он выскочил наружу и через несколько секунд вернулся вместе с Касимом, который достал блокнот и стал ждать вопросов.

— Прежде чем ты начнешь, — сказал Рэйми, — я хочу расставить все точки над «i». Ты должен понимать, что в наш отряд ты не вступишь и работаешь не по нашему поручению.

— Согласен. Но разве не в ваших интересах узнать, за какой приз идет гонка? А у них цели большие. Эти так называемые ночные клубы, по крайней мере, тот, который в Париже, так законспирированы, что вряд ли кто-то даже знает о них.

— Что же, это звучит осмысленно, — сказал Кенни. — Что бы они там ни делали, они нарушают все законы, и если они будут афишировать себя, у них будут большие проблемы.

— Ходят слухи, что у них там пляски и оргии, наркотики, но, конечно, это могло быть шоу для меня одного, и на самом деле ничего такого нет. Они собираются там, разговаривают и составляют планы.

— А как ты туда попал? — поинтересовался Кенни.

Касим застенчиво опустил взгляд.

— Я сказал, что я друг приятеля Игнаса и Лотара Жоспенов. Младший, который рыжий, встретил меня в назначенном месте.

Он был очень бдителен, смею заметить, все выпрашивал, кого я знаю и как с тобой познакомился.

— Ты ведь меня имел в виду, верно? — сказал Кенни.

— Конечно.

— Блестяще. Как ты думаешь, насколько трудно им будет выяснить, что я верующий и работаю в ЦДС наставником?

— Я все это скрыл.

— И насколько мне приятно будет это услышать?

— Да все хорошо. Я был убедителен. Я сказал им, что ты саботажник, который проник в стан врага. Он не знал, что на самом деле это я проник в их стан.

Рэйми боялся, что Касим пришел в «ИС» точно так же, как сюда — как полный любитель. Он вздохнул.

— Итак, что ты узнал?

— Ну, с одной стороны, эти люди настроены серьезно.

— Ближе к делу, — сказала Бахира. — Это и так понятно. Они в чудовищном меньшинстве, все, что они делают, есть нарушение закона Бога Всемогущего, и они это знают. Кое-кто из них умер, и хотя они почитают Сатану...

— Они предпочитают говорить «Люцифер», они говорят, что Сатана — это уничижительное клеймо, которое дали этому бедняге, да и обошлись с ним несправедливо.

— Все равно, хотя они ему и поклоняются, он беспомощен и даже не может вселить

эти идеи им в голову. Эти люди все это создали и воплощают сами. Их совратили с пути мир и собственная гордыня. Они даже дьявола в этом винить не могут!

— Но они от этого не станут менее ревностными, Бахира, — сказал Касим. — Тем не менее они мне доверяют. Я это знаю.

— Откуда?

— Они дали мне экземпляр своего манифеста «Если все это правда».

— Правда? — удивился Кенни. — А мне ничего не присылали.

— Это потому, что они еще не доверяют тебе. Но я завоевал их доверие. Они пришлют тебе экземпляр.

— Ты видишь, почему нам был нужен другой человек? — сказал Заки. — Я же сказал тебе, что Касим сумеет все это проверить!

Бахира нахмурилась.

— Не будь таким уверенным. С одной стороны, он не на нас работает. И, судя по всему, все, что он сделал, так это выдал нас с головой.

— Ты не права, — сказал Касим. — Но спасибо за благодарность. Теперь — вы хотите прочесть этот манифест или нет?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Без звонка и официального приглашения маленький отряд Рэйфорда Стила вошел в здание египетского парламента, восстановленного в Каире в первый год Тысячелетнего Царствия. Что бы там ни творилось до того, все вокруг вдруг замолчали и все головы повернулись в сторону людей, идущих к кафедре.

Председатель сразу же сказал:

— Мы вас ждали, — и несколько членов парламента встали и зааплодировали. Остальные с гневом смотрели на них, пока овация не затихла.

Цион направился к микрофону. Остальные встали полукругом.

— Извините, — обратился он к председателю, который уступил ему место и сел в свое кресло.

— Михей! — крикнул кто-то, и Рэйфорду показалось, что многие снова начали апло-

дировать, узнав стоявшего за спиной Циона Хаима, прославленного лидера остатка еврейского народа в Петре во время Великих Скорбей. Но опять же аплодисменты были недолгими.

Рэйфорд видел Циона Бен-Иегуду в разных ситуациях бесчисленное количество раз, но никогда он не видел его таким властным и откровенно разгневанным.

— На колени! — вскричал он, и все собрание тут же сползло с кресел на пол. — Горе вам, говорит Господь Бог Израилев, ибо вы гнали Его народ в течение многих поколений. Он исцелил вашу землю и возродил вас, населил эту землю одними верующими, покуда не родится ваше потомство. И все же вы сохранили свое имя, мерзость пред лицом Господа. Египет — «храм Пта» воистину! Пта — языческое божество древних времен. Где был он в час вашей беды? Вы соблаговолили отстроить вот это здание после глобального землетрясения, почему-то уверенные в том, что Господу будет угодно здание, никак не похожее на посвященный Ему храм, но на деле, скорее, отсылающее нас ко дням поклонения вашему божеству-покровителю? И все же Он просил от вас лишь одного — присутствовать на жертвоприношениях и празднованиях, а вы посмеялись над Ним! Немудрено, что Он покарал вашу землю! Где был ваш становой хребет, ваши предводители, когда неверные заставили вас

нанести Богу оскорбление, отказавшись посетить праздник Кущей?

Поднялся человек, который выглядел немного моложе Кенни:

— Сударь, если я могу изложить нашу точку зрения на проблему...

— *Вашу?* Вы прокляты! Или ты верующий, уверенный, что переживешь свой сотый день рождения?

— Я просто осмелился вежливо возразить...

— Вежливо? Тебе повезло, что ты еще ходишь по земле, поскольку Господь показал пример для всего вашего народа лишь с двумя вашими юными соотечественниками.

— Но, сударь, я как раз об этом. Что же это за любящий Бог, если Он настолько капризен, что...

— Уничтожьте это здание! — взревел Цион. — Перестройте его в храм Господу. Радуйтесь Его путям. Ищите Его лика. Следуйте Его закону. Никогда больше не нарушайте Его приказов. И с этого момента эта земля будет называться Осазе, «возлюбленная Богом». Если вы не боитесь узреть Его гнев вместо Его любви, представьте, что Он мог бы сделать за такое оскорбление. Теперь мы, Его слуги, пойдем по Осазе, растолковывая замыслы Господа всем нечестивым, нерешительным и неверующим. Горе всем, кто пытается помешать нам! Хотя Господь не сказал нам, что немедля восстановит житнетворные источники,

Он подтверждает, что грех Он осудит немедленно. Больше не будет временной терпимости к неверию. Тот, кто желает идти своим путем, умрет в свой сотый день рождения, и любой, кто будет кощунствовать, умрет немедленно.

Когда Рэйфорд провожал к выходу Циона и остальных, он слышал, как весь зал наполнился рыданиями, и мужчины и женщины просили о прощении и милости.

* * *

Рэйми с любопытством ждал, когда Касим достанет документ из кармана. Остальные сгрудились вместе, чтобы читать друг у друга через плечо. Документ гласил:

«Всем мыслящим членам мирового сообщества: включите мозги! Вы же способны мыслить здраво. Мы, члены организации “Иной Свет”, признаем, что все, кто вступил в этот период истории, либо верует в Бога, либо пережил последние семь лет былой Земли или вернулись с небес вместе с Ним.

Мы не отрицаем, что Бог был Создателем и что Иисус — Его Сын. Но мы отрицаем, что Он пришел на Землю во плоти или что Он умер и воскрес. Мы утверждаем, что Он несправедливо обошелся с

одним из собственных своих творений, ангелом, и, в конце концов, лишил его Своего присутствия, навеки опорочив его имя и репутацию.

Хуже того, Он не оставил мужчинам и женщинам выбора, кроме как уверовать в Него и служить Ему, чем лишает нас свободы воли. Мы не воюем с теми, кто уверовал и считает себя религиозным и следует за ним. Мы просто настаиваем на праве решать самим.

И теперь мы пришли к главному моменту нашего манифеста: если это правда, что мы, Его оппоненты, не можем пережить своего сотого дня рождения, то это лишь доказывает нашу правоту: Он не терпит иной точки зрения. Критики и даже некоторые из наиболее лояльных членов нашей организации предполагают, что если это правда, то мы должны оставить наше обреченное дело, когда пойдет первая волна смертей.

Мы, однако, настаиваем на нашем праве восстать, даже перед лицом кажущихся непреодолимыми препятствий. Поскольку мир обновился, население увеличивается взрывными темпами. Буквально миллиарды душ будут появляться в каждом следующем поколении, в чем и заключается наша надежда. Даже если это правда, наше потомство, должным образом информированное и воспитанное, в конце Тысячелетнего Царствия со-

ставит огромную силу. Об этом говорят пророчества самого Бога.

Даже если это правда, что мы будем умирать каждые сто лет, если мы останемся верными нашему делу борьбы с мстительным, кровожадным Богом Ветхого Завета, у нас есть надежда. Если мы сможем в будущем вооружить мега-армию инакомыслящих так, что в конце они действительно одержат победу, то, возможно, новый правитель сумеет воскресить нас и позволит нам царить вместе с ним.

Самой большой ошибкой Бога станет то, что в конце тысячелетия Он выпустит на время нашего предводителя, поскольку это станет знаком конца Его царства. Пусть нас не останавливают временные поражения. Следите, чтобы с каждым новым поколением наши ряды разрастались, и в конце концов мы докажем, что этот Бог вовсе не милосерден, не полон любви и не всепрощающ.

Наша надежда, наше стремление, наш наказ будущим знаменосцам “Иного Света” — продолжайте распространять этот манифест и совершенствуйте его до тех пор — до последнего поколения, — пока он не станет мотивационным и стратегическим призывом к оружию такой силы, какой не видел мир.

И не падайте духом. Даже если это правда, что каждое наше поколение будет

умирать, понятно, что наше потомство с каждым разом будет увеличиваться. И если *это* правда, то с каждым поколением все выше будет новая волна, которая несет наше послание.

Итак, что, если это правда? Совершенствуйте этот документ. Улучшайте его. Распространяйте его. И в конце концов, мы будем на победившей стороне.

Иной Свет».

Абдулла Абданех и часу не пробыл в Аммане, когда один любопытствующий сосед втянул его в разговор о недавнем суде Господнем.

— Я даже и не знал, что в наших пределах есть люди из «Иного Света», — заявил он. — Но как-то раз утром Господь их уничтожил.

— «ИС» быстро распространяется, — сказал Абдулла, не желая, естественно, раскрывать, что вернулся в Иорданию ради того, чтобы проникнуть в их среду. — Расскажи мне, что случилось.

— Если это вообще возможно, — продолжил сосед, — то в «ИС» есть фракция, которая даже более радикальна, чем прочие. Они уверены, что если каким-то образом смогут осеменить женщин с преображенными

телями, то они смогут создать сверхрасу потенциальных ренегатов, которые перейдут на их сторону, будут наполовину преобразованными и, возможно, переживут столетний день рождения. Представь, что будет, если они правы.

— Они ошибаются, — ответил Абдулла. — Просто ошибаются.

— Откуда ты знаешь?

— Да здравый смысл подсказывает, другой мой. Как думаешь, почему среди преобразованных нет браков? Тело преобразованной женщины не способно родить ребенка, они даже не заинтересованы в репродуктивности.

— Может, ты и прав, и я надеюсь, что это так, но это не остановило иносветника от попытки изнасиловать сегодня утром преобразованную женщину. Однако прежде, чем он что-то успел сделать, он умер прямо на ней. Когда она рассказала об этом властям, они нашли в ее спальне его пепел.

— Его поразила молния, а ее — нет?

— В любом случае она могла быть неуязвимой для молнии, она же преобразованная, но, по ее словам, он просто умер. Так что сгорел он, наверное, тогда, когда она побежала за помощью.

— Но ее дом не пострадал?

— Нет, даже простыни целы. Это напоминает мне те странные истории из давнего прошлого. Самовозгорание.

— Надо распространить эту историю как можно шире, — сказал Абдулла. — А никто

не знает, сколько лет было насильнику? Если молод — тем лучше, это убедит людей в том, что такие действия будут стоить им даже тех немногих лет жизни, что у них есть.

— Тест ДНК показал, что он местный и ему восемьдесят шесть лет.

— Великолечно, — сказал Абдулла. — Я скорблю о каждом, кто погиб из-за своего греха, но это станет уроком для остальных.

Тем вечером Абдулла и Ясмин шли по знакомым улицам.

— Как бы мне хотелось, — говорила она, чтобы мы были такими же друзьями еще тогда, когда мы были мужем и женой.

— Извини.

— Да нам не о чем сожалеть, Абдулла. Я так рада, что ты уверовал, и пусть прошлое остается прошлым. Мы с тобой благословенны, как немногие, — у нас дети, которые следуют путем Господа и служат Ему.

— Хмм.

— Ты слушаешь меня, Абдулла?

— Э? Да, конечно.

— Ты отвлекся. О чем ты задумался?

— Мне надо найти Зика.

— Мистера Цукерманделя? Ты мне рассказывал о нем. Он ведь так помог отряду Скорби маскироваться?

— Ему придется совершить истинное волшебство. Как я, старик, смогу выглядеть моложе ста лет? Может быть, нам не хватает

наставлений от Господа. Возможно, это тебе придется внедриться в «Иной Свет». Тебе с виду больше двадцати пяти не дашь.

* * *

Тем вечером Кенни навестил Екатерину, надеясь набраться мужества и рассказать ей, как его к ней влечет. Он никогда не мог найти нужных слов, а она постоянно меняла тему разговора. Сначала она опять восторгалась по поводу девочки, а потом начала расспрашивать, насколько хорошо он знаком с неким иорданцем.

— Ну, с тем, который работал в ЦДС несколько лет, он недавно несколько дней отсутствовал.

— Касим?

— Да-да. Где он был?

— Как понимаю, ездил во Францию.

— Зачем? У него там друзья?

Кенни пожал плечами, ощущая себя виноватым за то, что уходит от ответа, но он понимал, что они еще слишком мало знакомы — они не могли даже друзьями назваться, просто приятелями, — чтобы он мог рассказать Екатерине об отряде Тысячелетия или Касиме и его проникновении в «ИС» по собственной инициативе.

И тут его осенило. Екатерина была бы прекрасной кандидатурой! Возраст, пол, никакого прошлого. И она намного более зре-

лый человек, чем Касим. Она могла бы сделать то, что нужно отряду Тысячелетия и сумела бы хранить тайну.

Да о чем он думает? Он едва ее знает, он хочет быть больше чем другом для нее, а уже думает о том, как бы завербовать ее для тайной операции отряда, о котором она даже понятия не имеет? Да что с ним происходит?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Для своих лет ты выглядишь великолепно, Абдулла, — сказала Ясмин. — Но, откровенно говоря, даже твой приятель Зик...

— Знаю я, знаю, — перебил ее Абдулла. — Он прекрасный специалист, но как замаскировать более чем столетний возраст? Представь себе, как бы я выглядел, если бы дожил до таких лет до Тысячелетнего Царствия.

Ясмин рассмеялась, но быстро прикрыла рот рукой, когда Абдулла сделал оскорбленный вид.

— Но что должен сделать с тобой Зик и какой у тебя дальнейший план, если ты будешь выглядеть как юнец?

Абдулла пожал плечами:

— Это идея Господа. Он скажет мне, что делать.

— Господь воистину творец чудес. Но эти юнцы все равно раскрыли бы тебя, у тебя же

на лбу написано, что ты уже справил столетний юбилей, так что ты шпион. И хотя я не волнуюсь о том, что они могут тебе повредить, ибо ты принадлежишь Иисусу, но даже если они просто тебя раскроют — это уже плохо для нашего дела.

* * *

— Короче, — сказала Екатерина, — мне кажется, что я ему нравлюсь.

— Извини?

— Касиму, тому иорданцу...

— Да я понимаю, о ком ты говоришь. Почему ты решила, что ты ему нравишься? Он сам сказал? Или вы были вместе?

— Да нет. Мы недавно дежурили в одной смене, и он спросил меня о моем происхождении. Затем начал поддразнивать меня. Это выглядело как флирт, и хотя я старалась не быть резкой, я не поддержала разговор. Потом он мне сказал, что был бы рад встречаться со мной.

— Встречаться? То есть гулять вместе?

Она кивнула.

— Я согласилась.

— Что? Скажи, что это неправда!

— Кенни! В чем дело? Я просто не хотела быть резкой. Он всего лишь хочет поужинать со мной в пятницу вечером. Что тут плохого? Ты знаешь его лучше, чем я. Есть какая-то

причина, по которой я не должна принимать приглашение брата?

Брата?

Кенни не был в этом столь уверен. Рэйми относился к Касиму с подозрением, а Кенни он раздражал. Но этого недостаточно, чтобы порочить его в глазах Екатерины. Кенни прекрасно понимал, почему его так беспокоит интерес Касима к Кэт. Он просто опередил Кенни.

— Ну? — спросила она. — Никаких предостережений? Никаких страшилок?

Кенни покачал головой. Ему так хотелось прямо сейчас выложить ей, что она ему дорога, что он сам бы пригласил ее на свидание, но было поздно. Он упустил свой шанс. Она сочтет его ревнивым и отчаявшимся. Неужели ему придется теперь соперничать с Касимом за право вообще видеться с ней?

* * *

Три дня спустя, в пятницу вечером, Кэмерон и Хлоя только что попрощались с последним задержавшимся сотрудником ЦДС и сели за стол, на котором стояла ваза со свежими фруктами, когда в заднюю дверь постучался священник Йерик. Когда он начал было представляться, Кэмерон остановил его:

— Мы знаем, кто ты, друг. Не хочешь ли разделить с нами трапезу?

— Благодарю вас, но нет, — сказал Йерик. — Я принес новости. Ты знаешь о разговоре между твоим тестем и царем Давидом по поводу...

— Библейских героев? Чтобы они пришли к детям? Да.

— Я пришел сказать, что если вы сможете завтра выкроить немного времени, то Ной готов прийти.

— О, конечно! Конечно, мы надеялись на более громкое объявление, чтобы мы всем нашим сообщили и собрали как можно большую аудиторию. И мы хотели бы подготовить детишек, напомнив им эту историю.

Йерик улыбнулся:

— А они ее не знают?

— Конечно знают, но...

— Хочу предупредить вас, что он придет один. Ему ничего не нужно. Ни еды, ни воды, ни представления. И поскольку этому помешать никак нельзя, то и никаких восхвалений ему тоже не нужно, ему это неприятно. Несомненно, дети обрадуются ему, но незачем их к этому готовить и побуждать. Что же до большой толпы, то позвольте мне спросить — вы уже подумали, кого вы проинформируете, как только я уйду?

Хлоя рассмеялась.

— Насчет Кэма не знаю, но я — подумала! Начну с нашего персонала, конечно же.

— Тогда, смею предположить, — сказал Йерик, — что новости разойдутся быстро. Думаю, не останется ни одной семьи, связанной с вашей службой, которая не узнала бы о завтрашнем посетителе. И полагаю, вам надо подумать о том, как бы вместить толпу куда большую, чем семьи ваших сотрудников.

— То есть?

— Ваши служащие скажут своим друзьям, и понаедут люди, у которых нет детей в ЦДС.

Вести о новом имени Египта быстро распространились по стране, и когда Рэйфорд, Ирэн, Хаим, Цион, Мак, Брюс с женой посещали разные города, люди кричали:

— Да здравствует Осазе, «возлюбленная Господом», и да здравствует наш Царь, Господь Христос!

Но всегда после проповеди, когда молодежь до ста лет устремлялась вперед, чтобы поручить свои жизни Христу, кто-нибудь спрашивал, когда Господь снимет Свое проклятие.

— Это зависит от вас! — громогласно отвечали Брюс или Цион. — Мы верим, что Господь ждет, дабы благословить раскаявшиеся сердца, умы и души.

— Но мы поняли свой грех и покаялись! — кричали им в ответ. — Наш грех — бездействие! Мы позволили другим сбить нас с пути, но ведь мы не выступали против Господа!

Отряд Рэйфорда никогда не уезжал, не оказав помощи строительством, разработками, советом и даже технологическими новинками. Но даже сам Рэйфорд задумывался, сколько же еще пройдет времени, пока Господь поднимет свою карающую длань с этой земли.

* * *

Вечером в пятницу Кенни едва сдерживал себя, зная, что Касим ужинает с Екатериной. Он упросил Кэт потом встретиться с ним и рассказать ему обо всем. Она хихикнула и сказала, что «это как подружке рассказывать о первом свидании, только ты не девочка, я вовсе ни на что не намекаю. Но мы же друзья, верно? А другу я расскажу все, особенно о свидании, разве не так?»

Кенни смог только кивнуть. Лучше бы ему ее не знать или быть ей врагом, а не приятелем, но придется удовлетвориться этим. Ему едва удалось отговорить себя молиться за то, чтобы Касим произвел на нее дурное впечатление.

— Ты ведь не хочешь идти по этой дорожке, разве не так, Кеннет? — сказал Бог.

— Нет, Господи.

— Албания? — сказала Ясмин. — Чем Зик там занимается?

— Да всем понемногу, как понимаю, — ответил Абдулла. — Фермерствует, молодежь учит.

— Не могу себе представить, чтобы он до сих пор занимался поддельными документами!

— Вот я и хочу выяснить. Ты полетишь со мной?

— Сегодня вечером?

— Прямо сейчас.

— А это далеко?

— Где-то с тысячу миль. Может, одиннадцать сотен. С час полета.

Было уже очень поздно, но Кенни знал, что Кэт не забудет ему позвонить. Он не уснул бы, пока не поговорил бы с ней, но когда зазвонил его сотовый имплант, это был Рэйми.

— Ты, как слышу, разочарован? — сказал Рэйми.

— Нет, извини. Просто задумался.

— Это хорошо, что ты не обо мне думал, — засмеялся Рэйми. — Послушай, я получил очень странный звонок от сестры, она по-

просила, чтобы я обзвонил по ее просьбе несколько человек. Ты один из них.

— Слушаю.

— Ты даже представить себе не можешь, кто придет к нам завтра.

Кенни решил, что Рэйми прав — Ноя он ни за что не угадал бы. Хотя он жаждал услышать от Кэт полный отчет о нынешнем вечере, ему теперь было чем с ней поделиться в ответ.

— Незачем и говорить, — сказал он Рэйми, — что я там буду.

— И почему я догадался? Приходи пораньше. Мне кажется, что наш центр просто лопнет.

Абдулле показалось, что Густав Цукермандель-младший совершенно не изменился за эти сто лет. Он по-прежнему был крупным, с детским лицом, хотя улыбка теперь с его губ вообще не исчезала. Он по-медвежьи обнял Ясмин.

— Я все знаю о вас, мэм, — сказал он. — Я уверен. Вот что скажу я вам — будь я вашим мужем, то меня-то вы быстро обратили бы. — Как только он понял, что ляпнул, он тут же покраснел и извинился: — Я просто хотел сказать... ну... забудьте...

Абдулла и Ясмин вошли в скромное жилище Зика и обнаружили, что он слушает

музыку, в конце «еще одного длинного, полного удовлетворения дня».

— Я в течение ста лет не могу ничего другого сказать о моих днях, но этот я запомню особо, поскольку вы приехали ко мне.

Оказалось, что Зик по большей части ведет фермерское хозяйство, но еще недавно начал служить наставником, как он говорил, «в службе для колеблющихся». Он рекламировал свою работу как службу «для тех, кто честно ищет ответов о Господе. Если вы искренни, то давайте поговорим».

— Я привел около нескольких тысяч к Христу, — говорил он, — по большей части людей лет семидесяти — восьмидесяти. История жизни у всех почти одинаковая. Конечно, выросли в семье верующих, конечно, у всех полно вопросов и тревога, что они просто унаследовали веру родителей. У меня было несколько зубоскалов, возможно, даже потенциальных иносветовцев, но я просто сразу им сказал — если вы не откровенны и врете, что ищете истину, то вы, видимо, говорите не с тем человеком. Я тут не для того, чтобы спорить, ссориться или защищать Господа. Ему это не нужно, тем более в моем исполнении. Хотя эта молодежь с удовольствием слушает рассказы о временах Скорби, а у меня их целая куча, ты сам знаешь.

Когда Абдулла рассказал Зику об их поручении от Господа, он скривился:

— Прости, но в «Ином Свете» никто не поверит, что тебе меньше ста.

— Потому я и приехал. Ты в этом деле лучший.

— Да, но я не пластический хирург. Ты извини, я ж не хотел ничего такого. Я хочу сказать, что уже много десятилетий ничем таким не занимаюсь. При нынешних технологиях я мог бы тебе сделать совершенно новое лицо, но это сгодится только для бутафории, если ты скрываешься, тогда вперед. Теперь вот о чем подумай, Смитти. Ты знаешь, что я бы сделал, если бы мог. Я не умничаю, но ты обязан сказать Господу, что если ты должен изображать из себя юнца, то Ему придется совершить чудо. Теперь о Ясмин — вы не против, если я буду называть вас по имени, мэм?

— Вовсе нет.

— Я могу сделать так, что она будет выглядеть на восемьдесят лет, может, даже семьдесят. Она не тянет больше чем на двадцать пять лет в рамках нынешней продолжительности жизни. Вот подделать преображенное лицо — это была бы задача, и я не думаю, что даже захочу за это взяться. Это кажется кощунством, не так ли? Но ты ведь и не просишь о таком.

— Не думай, что я не проверил, не беру ли я на себя то поручение, которое должно достаться ей, — сказал Абдулла. — Я просто подумал, что у тебя, может, есть какие-то идеи кроме того, чтобы напоминать мне, на сколько лет я выгляжу.

— Ну ты же понимаешь, я ничего такого...

— Шучу, дружище, просто шучу! Я не знаю, на что надеюсь. Если лучшее, что я получил от этой поездки, — встреча с тобой, то путешествие того стоило!

* * *

Было уже хорошо за полночь, когда Кэт позвонила Кенни, полагая, что уже поздно встречаться.

— Шутишь? Я ждал тебя! Мне нужно все узнать!

— Ты и правда как подружка! — засмеялась она, явно довольная. Но она наверняка понимала по его молчанию, что ему меньше всего хотелось услышать эти слова. — Упс, — сказала она. — Извини.

— Ты просто продолжай, — заверил ее он. — Если только хочешь.

— Хочу.

* * *

Прежде чем вернуться к себе в комнату, Хлоя сказала:

— Кэм, мне интересно, сказал ли Господь отцу, что его просьба будет удовлетворена начиная с завтрашнего утра? Хотелось бы мне, чтобы он был здесь.

— А ты его спроси.

— Правда? ты думаешь, надо?

— Конечно. Выясни, знает ли он, а если не знает — скажи. И пригласи его.

— Но у него такая важная работа в Египте...

— Осазе.

— Извини, ошиблась.

— И все же, Хло, будь я на его месте, я хотел бы иметь хотя бы выбор. Ты знаешь, что твоя мать захотела бы быть здесь.

— Будем надеяться, что... хм... Босс даст им отпуск.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Касим показался мне забавным, — сказала Екатерина, плюхнувшись на кушетку Кенни и отказываясь от предложенного им винограда. — Я объелась. Он повел меня в бистро «Долина», где вы встречались.

— Встречались?

— Ну да, ваш отряд Тысячелетия. Вам тоже нравится это бистро? Мне понравилось. Касим был такой галантный, сыпал рассказами, как из пулемета. Похоже, я заразилась от него. Да? Я все говорю и говорю без перерыва? Останови меня, если так, я не хотела. Он хочет снова со мной увидеться. Возможно, я ему разрешу, но я ничего не обещала.

У Кенни голова шла кругом. Ему больше нравилась тихая и застенчивая Кэт, и его просто выворачивало от того, что ей Касим

показался таким интересным. Но больше всего его беспокоило то, что Кэт узнала об отряде Тысячелетия.

— Отряд Тысячелетия?

— Да! Не изображай дурака, Кенни. Я удивлена, что ты мне об этом не рассказал, обо всех этих ваших шпионских играх. Он сказал мне, что ты выдаешь себя за индусовца, будто бы работаешь под прикрытием в ЦДС и сталкиваешь обе группировки в своих интересах. Звучит так волнующе. И Касим направлен в Париж ради проникновения в ряды «ИС»! Надо же!

Кенни отвел взгляд и забросил в рот три виноградинки, затем закатил их за щеку.

— Значит, он не оставил мне ничего для рассказа.

— Он даже не знает, что мы знакомы!

— И все равно рассказал тебе о моих делах?

— Это и его дело, Кенни. Он признался, что не является официальным членом отряда Тысячелетия, но он ваш главный наемник.

— Наемник?

— Ну, не за деньги, но кто знает, что может выйти сейчас, когда он доставил товар.

— Товар, значит.

— Манифест «ИС».

— Он все рассказал!

— Не бойся, он взял с меня клятву хранить тайну. Тсс!

— В этом весь Касим. Сама скрытность.

— Он считает, что из меня тоже получится хорошая шпионка.

— Неужели?

— Я выгляжу моложе своих лет, так что могу сказать, что я лет на десять—двадцать моложе чем есть, и задержаться в их среде подольше.

— Хмм...

— Ты так не думаешь?

Кенни подошел к окну, отдернул шторы, впустив в комнату яркий лунный свет.

— Мне кажется, что ты наиболее полезна и ценна на том месте, где ты сейчас. Конечно, мне бы хотелось, чтобы ты работала прямо со мной, но разве тебе не кажется, что ты находишься там, где хочет Бог?

Он услышал, как Екатерина подалась вперед.

— Посмотри на меня, Кенни.

Он обернулся.

— Ты взволнован. Ты воспринимаешь все это слишком серьезно. Я не думаю ни о чем таком, что Касим наболтал мне сегодня вечером. Все это — одни фантазии. То есть я под огромным впечатлением от того, что он делает и что вы с друзьями ищете способ уничтожить «ИС». Но ты прав. С моей стороны лучший способ борьбы с «ИС» — делать то, что я делаю. Я лучше одного ребенка приведу к Христу, чем взорву десяток ячеек «ИС». Если смерть не убедит их в том, что они, в конце концов, обречены проиграть, то ни мои, ни твои, ни Касимовы слова их не переубедят.

— Но я боюсь, что они влияют на неокрепшие умы, Кэт. Дети вроде тебя — честные искатели. Таких можно сбить с пути.

— Верно. Так что давай сделаем так, чтобы дети были спасены в раннем возрасте, тогда эти типы никак не смогут на них повлиять. Но опять же, Кенни, ты чересчур бурно реагируешь. Почему такая тревога?

Кенни вздохнул. Виноват один Касим. Он все карты выложил на стол, очередной раз показав, что от него можно ожидать чего угодно, что ему нельзя доверять, что он совершенно не подходит для такого дела. Кенни снова сел, взял пригоршню виноградинок и покатал их в ладони.

— Мне надо кое-что сказать тебе о Касиме, но я не хочу, чтобы ты поняла меня неверно.

— А что я могу понять неверно?

— Не знаю. Может, вместо того, чтобы просто по-братски тебя предостеречь насчет этого парня, во мне говорит ревность.

— Ревность? Почему?

— Потому что ты с ним.

Она осеклась. У нее был искренне удивленный вид.

— Не надо так шутить, Кенни.

— Шутить?

— Тебе не надо ревновать ни к кому, кто, как тебе кажется, привлекает мое внимание. Я с первого нашего знакомства хотела, чтобы именно ты на меня внимание обратил.

— Правда? А я-то боялся, что...

— Я просто думала, что ты считаешь меня слишком маленькой, слишком недавней в вере, слишком чудной, потому что я так долго не могла уверовать. Не знаю, может, ты считал меня слишком незрелой, не имеющей достаточного опыта для такой работы. Или, возможно, ты не думал обо мне, ну, в этом смысле. В смысле интереса.

Кенни попытался засунуть виноградины в рот, но одна выпала, отскочила от пряжки ремня и покатилась по полу. Екатерина хотела было поднять ее, что совсем выбило его из колеи.

— Я подберу, — промямлил он с набитым ртом, сам этому рассмеялся и выронил еще одну виноградину.

Теперь рассмеялась Екатерина, и они на четвереньках стали собирать рассыпавшиеся ягоды.

— Ты хотя бы ту отдай, что у меня изо рта выскочила, — сказал Кенни, и она еще сильнее расхохоталась.

Когда они оба снова уселись и Кенни ощутил, как кровь отливает у него от лица, Екатерина коснулась его руки. Он вытер ладони о штаны, чтобы они не были липкими от сладкого сока, и протянул ей руку в ответ. Никогда никто, кроме его родителей, не брал его за руку.

— Теперь ты расскажешь мне о Касиме. А затем я расскажу тебе, каким, несмотря ни на что, безобидным он мне кажется. А потом мы поговорим, почему мы так заинтересованы друг в друге.

* * *

— Всегда рад тебя слышать, радость моя, — сказал Рэйфорд. — Как там Кэм?

Когда Хлоя закончила рассказывать обо всех и обо всем, она спросила, знает ли он, что завтра в ЦДС придет Ной.

— Не знал. Но разве не похоже, что Давид, или Господь, или кто-нибудь еще это устроил? Назначил его на субботу?

— Я об этом не подумала. Может, это для того, чтобы слишком большая толпа не собралась?

— Или наоборот. Патриарх имеет право прийти сюда, как и любой другой. Я очень хотел бы там оказаться, и мы оба знаем, что и твоя мать этого хотела бы. Мы завтра должны быть в Сиве, а это всего в шести сотнях миль от вас.

— Мы не знаем, когда он конкретно придет, пап. Думаю, он сам решит. Но мы будем готовы.

— Ладно, в любом случае я буду о вас думать.

* * *

Кенни искал хоть какой-то подвох в желании изложить Екатерине все причины своих опасений по поводу Касима. Она молчала и все более мрачнела, слушая его.

— Ты опасаешься за его духовное состояние? — сказала она наконец.

— Я не знаю, что и думать. Рэйми сомневается потому, что рассказ Касима о его обращении был слишком шаблонным. И похоже, у него не получается с детьми в ЦДС — то есть он на самом деле не привел никого к Христу, несмотря на все годы, которые он тут проработал.

— Это ни о чем не говорит, — ответила она, — но теперь, когда ты сказал, я добавлю, что он никогда не заводит разговоров о Господе. Он всегда говорит только о себе. И когда доходит дело до работы — я имею в виду настоящую работу, а не просто игры с детьми, — его никогда нет на месте. Он что-нибудь перетаскивает, уносит оборудование, готовит поле... его просто невозможно найти. Всегда у него какое-то оправдание. Как сегодня вечером. Я сказала что-то совершенно безобидное насчет того, что увидимся завтра, а он ответил — нет, он берет отгул, потому что прибудет какой-то особенный рассказчик и тут будет много народу. Он сказал: «Тут будет достаточно родителей, чтобы помогать. Персонал и не понадобится».

— Особый рассказчик? Он так и сказал? Она кивнула.

— Я даже не уверена, что он прав. Это так? Ты знаешь о завтрашнем госте?

— А ты не слышала?

— Нет.

— Он тебе не сказал?

Она покачала головой.

— Ты и правда не знаешь!

— А ты можешь перестать задавать вопросы, Кенни? Просто расскажи.

Он и рассказал.

— Нет! Неужели тот самый Ной?

— А ты знаешь другого?

— Касим ведь должен был знать, верно?

— Мы постарались сообщить всем. И я удивлен, что он не рассказал тебе. И просто ошарашен тем, что он не может остаться. Как такое возможно?

Вся команда Рэйфорда Стила передвигалась на большом автобусе. В настоящий момент он был припаркован прямо возле Сивы, находящейся на западе той страны, которая в течение тысячелетий носила имя Египт. Сейчас ее называли Осазе. Рэйфорд получил звонок от Хлои поздно вечером, в результате заснуть было уже невозможно. Он не хотел будить остальных, потому вышел на цыпочках наружу, надев темные очки против света луны, напоминавшего ему свет полуденного солнца в прошлые времена.

Рэйфорд шагал по окрестностям оазиса Сива, когда ему показалось, что Господь вернул воду. Он ощутил под ногами дрожь, услышал шум источников и даже маленького водопада.

— Что это, Господи? — взмолился он. — Неужто последний уклонист раскаялся? Что?

Но Господь молчал. Рэйфорд прекрасно понимал, что у Творца свои замыслы и свое расписание. Если время настало, то оно настало, и никто другой не обязан этого знать или понимать.

— Спасибо Тебе, Иисус, — сказал Рэйфорд. — Это наверняка облегчит наш труд. Смею ли я просить о позволении вернуться в Израиль на один день завтра?

Звук закрывающейся двери автобуса заставил Рэйфорда обернуться.

К нему шел Цион.

— А, — сказал профессор. — Я надеялся, что этот гул обозначает именно то, что я подумал. Посмотри на эти воды.

Рэйфорд рассказал ему о том, что будет в ЦДС завтра.

— Мы же поедем туда, правда? Ведь князь, конечно, ждет, что мы приедем, раз он снизошел ответить на твою просьбу.

— Господь молчит, — заявил Рэйфорд. — Считать ли мне твой интерес Его благословением?

— Это уж как ты сам решишь, — сказал Цион. — Но будь уверен, что и остальные тоже захотят поехать. Давай проверим? Если Мак сумеет привезти нас туда до рассвета и вернется сразу, как только все кончится? Если все сработает, то примем это за Господнее позволение.

— Идет, — согласился Рэйфорд.

* * *

— Хорошо же, — медленно проговорила Екатерина. — Я утратила свой восторг по поводу уникальной личности Касима Марида. Полагаю, я знаю, что сказать, когда он снова пригласит меня. Но что мне теперь делать с моим свободным временем?

— У меня есть кое-какие мысли, — улыбнулся Кенни.

— Я так и подумала. Может, проводишь меня домой для начала? Не хочу завтра утром опоздать на работу.

Родители Екатерины жили в трех четвертях мили от дома Кенни, так что у них еще было время поговорить.

Кенни взял ее под руку.

— Меня сразу поразила твое страстное отношение к Господу, — проговорил он.

— Меня тоже, — сказала она. — То есть твое отношение.

— Мне еще надо над этим поработать, — заявил он. — Плохо ли это? Я живу в Тысячелетнем Царствии, и Иисус на престоле, и всегда рядом, а я до сих пор борюсь со страстями плоти.

— Но мы же еще не на небесах. Люди с преображенным разумом и телом не испытывают подобных сложностей.

— Меня больше волнуют колеблющиеся.

— Расскажи мне об этом, Кенни. Ведь я слишком долго была одной из таких.

— Если уж мне трудно быть настолько благочестивым и последовательным, как хотелось бы — это при моем происхождении и работе! — то я даже представить себе не могу, что творится в голове у тех, кто упорно настаивает на собственном пути.

— Они — легкая добыча для «Иного Света», — сказала она. — Ничего себе имя для сопротивления, а? На самом деле они поклоняются одному малому светилу. В прямом смысле слова малому светилу.

Они замолчали, когда дошли до дома Екатерины. Она подняла руку, и их пальцы переплелись.

— Значит, теперь моя очередь? — прошептала она, наконец.

— В смысле?

— Рассказать о первом моем впечатлении о тебе.

— Это тебе решать.

— Ты мне показался учтивым.

— Замысловатое слово. Тебе понравилось?

— Я быстро потеряла голову, — сказала она. — Или это слишком преждевременно?

— Не для меня. Но я не понимаю. Мы ведь едва виделись после того дня.

— Мне хватило. Я была так счастлива, что ты после этого меня не игнорировал, хотя мы и работаем в разных отделениях.

— Не замечать тебя? Если ты голову потеряла, то я уж не знаю, что про меня сказать. Я просто знаю, что хочу проводить с тобой как можно больше времени, Кэт. Я хочу по-настоящему узнать тебя.

— Что же, — сказала она, глядя на него, — мне кажется, что у нас для этого куча времени. С одной стороны, я намерена попросить о переводе в более ориентированный на наставничество отдел. То есть мне нравится рекреационный сектор, и у меня есть возможности вести работу наставника. Но мне теперь гораздо комфортнее будет там, где нет Касима.

— Вряд ли мои родители переведут тебя в мой отдел. Моя мать в курсе наших симпатий с первого дня.

— Ой, какой конфуз! Это было так заметно?

— По ее словам — да.

— Матери такое сразу видят. Но я хочу научиться у тебя, как доносить до детей обычные вещи.

— Хорошо, — сказал Кенни, — если наши отношения будут чисто образовательными, мы должны начать работу уже завтра, верно?

— Скажите мне, когда будете готовы, профессор Уильямс.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Кэмерон Уильямс оказался в своем доме на два часа раньше, чем его ждали. Его поместье теперь включало восемьдесят акров земли, а вскоре должно было разрастись еще больше. Каждый день они с Кенни и Хлоей и еще двумя сотнями сотрудников принимали детей в самом крупном детском центре в мире.

Но, конечно, это был не просто детский центр. Несмотря на то что все дети уважали и — да — любили их с Хлоей, что он с благодарностью принимал, как воздаяние Иисуса за то, что он посвятил свою маленькую семью служению Ему во время Скорби, ЦДС стал самым эффективным центром обучения пути спасения, какой только был известен на земле.

Кэмерон пел и молился, идя по территории центра, проверяя все — от парковок и

ворот до зданий и открытых участков. Все казалось готовым к встрече их особого гостя. Другой проблемой были несколько тысяч гостей, которые могли явиться туда сегодня. Только один сотрудник уведомил их с Хлоей, что не сможет быть сегодня. Причину не назвал, просто попросил отгул. Но кто знает? Может, он хотел сегодня побыть зрителем. Иначе зачем отпрашиваться с работы в такой день?

— Господи, пусть это будет больше чем зрелище. Пусть дети придут к Тебе потому, что Твой слуга сегодня будет здесь.

Кэмерон обернулся на звук мотора и увидел, как на территорию центра въезжает фургон. Он прищурился в лучах встающего солнца и стал смотреть на облако пыли, тянущееся за фургоном, пока тот не остановился рядом с ним и водитель не опустил тонированное стекло.

— Парень, ты не скажешь, где тут цирк? — сказал Мак МакКаллам. — Это здесь?

— Тихо, Мак, — цыкнула Ирэн с заднего сиденья. — Кэм, я позвонила Хлое по дороге, она уже начала готовить завтрак. Она сказала, что мы найдем тебя здесь, но мне надо вернуться и помочь ей. Садись!

* * *

Отношения Кенни и Екатерины стали другими к тому моменту, когда они в это утро

прибыли на место. Он был поражен тем, как они по-иному смотрят сегодня друг на друга. Она смотрела ему в лицо, не отводя взгляда.

— Позволь познакомить тебя с моими родителями, — сказала она.

— Они уже приехали?

— Им много где сегодня надо побывать, — сказала она. — Если ты не в курсе, то в городке у нас знаменитый гость.

Она проводила его внутрь, где супруги Ристо тут же с улыбками встали ему навстречу из-за стола. После обмена приветствиями господин Ристо сказал:

— Я надеюсь, вы не против, что мы приехали сегодня. Мы никого не спросили.

— Я уверен, что вы не одни такие. Но вы понимаете, мы не знаем, когда именно он прибудет.

— Мы просто останемся здесь и будем ждать звонка от Екатерины. Прошу вас, позавтракайте с нами.

— Спасибо большое, но я не могу. Я очень извиняюсь, но только что приехали мои дедушка и бабушка с друзьями из Еги... Осазе. Они просили меня позавтракать с ними.

— Ну, тогда тебе лучше поторопиться, — сказала Екатерина. — Я потом подойду.

— Нет, они и тебя приглашают. Ты ведь еще не завтракала?

— Ты уверен?

— Конечно! Они ждут нас.

Супруги Ристо с улыбкой благословили их, и Кенни с Екатериной вышли.

* * *

— Значит, они познакомились только после нашего отъезда? — сказал Рэйфорд, наклонившись, чтобы взять приготовленные Хлоей овощи в горшочке.

— Это даже не отношения, пап, насколько мне известно. Они едва знакомы, хотя, как мне кажется, будь у Кенни шанс, он влюбился бы по уши. Когда я звонила ему, он сказал, что они вместе идут на работу, и все. Я велела ему привести ее на завтрак.

— Расскажи мне о ней, — попросила Ирэн.

— Я только самые общие факты знаю, мам, — сказала Хлоя. — Она гречанка, обратилась поздно и очень быстро освоилась здесь.

— И у Кенни есть на нее планы?

— Эксцентрично звучит, но да. У него и прочих стареющих его возраста. На самом деле она гуляла с другим мальчиком из наших служащих.

— Да? — удивился Кэмерон. — И с кем?

— С приятелем сына Абдуллы Заки. Каким как его там бишь?..

— Марид?

— Вот-вот.

— Как раз он сегодня взял отгул.

— Как? Он заболел? Или что еще?

— Просто попросил отгул.

— Он знает, чего лишается?

— Я говорил ему, Хло.

* * *

Когда Кенни и Екатерина вошли, осуществился худший кошмар Кенни. Было понятно, что они говорили о той, которую он собирался привести на завтрак. Все замолчали и уставились на Кэт, видя в ней куда больше, чем было, по крайней мере, пока.

— Извини, — прошептал он, но Екатерина тут же взяла инициативу в свои руки и сама представилась всем. Конечно, она знала родителей Кенни и его деда и бабушку, но куда больше внимания она уделила Циону, Хаиму, Брюсу, его жене и Маку.

— А у тебя нет старшей сестрички, а? — сказал Мак, подмигивая. — Лет так восьмидесяти?

Екатерина запрокинула голову и расхохоталась.

— Я буду начеку!

— Кенни, — сказал Брюс, — я целую вечность тебя не видел! Ты знаешь, что тебя называли в мою честь?

— Да, сэр.

— И что я венчал твоих родителей?

— И это тоже знаю. Я очень рад вас видеть, сэр.

— Не надо краснеть, Кенни Брюс, — сказал Брюс. — Я без задней мысли.

— Брюс! — прикрикнула его жена.

— Я просто хочу сказать, что ты знаешь, где меня найти.

К счастью, Екатерина отвлеклась и не слышала этого разговора. Пока жена Брюса распекала мужа, Кенни сказал:

— Мы просто друзья.

— Да уж, — усмехнулся Брюс. — Вы просто светитесь. Друзья. Даже на свадебной фотографии вы не выглядели бы более влюбленными друг в друга!

* * *

Более чем за полтора часа до открытия ЦДС начала собираться толпа. Кэмерон пристроил к делу всех, кто оказался под рукой, включая своего тестя и всех его друзей, чтобы они помогали людям парковаться и находить сидячие места. Он не подумал о трибунах, но большинство семей принесли с собой коврики и стали раскладывать их прямо на поле стадиона. Самой большой головной болью для Кэмерона грозило стать управление толпой. С другой стороны, приглашали ведь одних детей, так что за остальных он ответственности не нес и они должны были справляться сами.

Пока первые несколько тысяч гостей пребывали в замечательном настроении. Похоже, они знали, что у патриарха свое расписание, и готовы были ждать, сколько понадобится. Кэмерон решил начать обычную ежедневную работу с детьми, а когда

гость прибудет — прерваться. Незачем держать всех в подвешенном состоянии невесть сколько времени.

Они с Хлоей обсудили, следует ли озаботиться кормлением множества прибывших, но это тоже не входило в их обязанности. Хлоя сказала вслух — а вдруг Господь всех накормит, как было дважды во время его миссии в первом веке? Но Он действовал по-иному. Каждая семья принесла с собой корзинки с овощами, фруктами, сыром и хлебом.

Кэмерон объявил персоналу, что всем следует разойтись по местам своей службы и заняться обычной работой.

— Мы скажем всем, когда нужно будет собраться.

* * *

Прежде чем Екатерина направилась к рекреационному центру, Кенни сказал ей:

— Когда Ной приедет, займи мне местечко, и я тебя найду.

Ему было неловко сегодня преподавать детям свой урок, поскольку если в обычный день к ним заглядывали один-двое родителей, так много никогда не было. Взрослых сегодня было не меньше, чем детей. Ну ладно, хотя бы увидят, что происходит в ЦДС каждый день. Может, это еще крепче убедит их в том, чтобы послать сюда и других детей.

Но дети сегодня слушали так же невнимательно, как и взрослые, да и сам Кенни не мог сосредоточиться. Он давно уже не бывал так несобран и рассеян и постоянно внутренне молился, чтобы Господь Сам говорил через него.

Молитва успокоила Кенни, и дети тоже начали слушать внимательнее. Он пел с ними песни, подготавливая их к переходу в рекреационное отделение, чтобы те могли поиграть. Но как только они с помощниками выстроили детишек, вдруг сама атмосфера изменилась.

Вместо гула голосов вдруг повисла тишина. Никто не говорил, никто не двигался. Все повернулись как один к главному входу. Там возникла одинокая фигура человека, который целенаправленно зашагал к ним. На нем было цветное платье, перехваченное синим кушаком, а его белая борода и волосы контрастировали с его грубоватым лицом.

* * *

Кэмерон был потрясен тем, что Ною даже намеком ничего не угрожало, несмотря на то, что он был без единого сопровождающего. Ной выглядел как человек, у которого было дело и он знал, зачем он здесь. Как Кэмерон жалел, что запрещено было представлять этого человека. Он приказал всем сотрудникам этим утром прочесть детям

отрывок о Ное. Он надеялся, что они успели все понять, поскольку к ним пришел человек, о котором в Писании говорилось: «Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; его осудил он весь мир и сделался наследником праведности по вере»¹.

По знаку сотрудники проводили детей на стадион, и когда толпы преграждали путь самому знаменитому мореплавателю в истории, он просто опускал взгляд, продолжая идти, и повторял:

— Извините. Доброе утро. Извините. Извините. Спасибо.

¹ Евр. 11:7.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Рэйфорд не мог сказать, действительно ли у этого человека от природы такой мощный голос, что ему не нужны микрофоны, или Господь сделал так, чтобы все слышали Ноя, будто он стоит рядом. Рэйфорд предположил последнее. Ной вроде бы не повышал голоса, и все же его гортанные резкие слова были предельно четкими.

— Привет вам, — начал он, — мои юные и взрослые и преображенные братья по вере. И если вы — юнцы, еще не предавшие себя Мессии, я буду молиться, чтобы мой рассказ помог вам на сем пути. Тем из вас, кто в жизни не говорил на иврите, может быть, любопытно узнать, что мое имя на всеобщем нынешнем языке звучит как Ноах. Если оно ранит ваш слух, называйте меня так, как вам привычно из Писания.

Все называют меня героем, но, как вы увидите, я был всего лишь человеком, слабым и жалким. Итак, дети, я могу не выглядеть на свои девятьсот пятьдесят лет. Это потому, что, когда Бог даровал мне преображенное тело, Он вернул мне живость моих первых пяти сотен лет. Почему мы тогда жили так долго? Точно потому же, что вы сейчас живете долго. Нынешний мир, как и тогдашний, находится под куполом воды, которая отражает самое опасное влияние солнца. Когда такие условия перестали существовать, продолжительность жизни сильно упала, как показывает история. Итак, чем я более всего прославлен?

— Ковчегом! — крикнул кто-то.

Старик рассмеялся:

— Да, ковчег, каждой твари по паре и потоп. Но известно ли вам, что многие почитают меня совсем за другое? Нет? Никому? Я был первым, кто оценил виноград так же высоко, как и мясо, и изобрел много способов выжимать из него сок и делать напиток. Вы еще слишком малы, чтобы пробовать вино, и одна из моих великих печалей состоит в том, что и я из-за него попал в неловкое положение. Хуже того, я согрешил против Господа и унизил себя, и это было уже после того, как я доказал свою верность послушанием. Крепитесь духом, чтобы не споткнуться точно так же.

Что же, позвольте мне приступить к настоящей истории, стоящей за всеми сказками, которые вы могли слышать обо мне, моей жене и моих сыновьях, а также обо всех тварях по паре.

Как и я, люди стали иметь помногу детей, поскольку мы все так долго жили. Земля все больше наполнялась людьми. Вам, возможно, будет трудно понять, но в те времена с небес были изгнаны непокорные падшие ангелы, которые стали жить на земле, среди людей. Они женились на человеческих женщинах против Божьей воли и Божьего закона. Господь увидел, что большая часть мира заселена нечестивцами, и решил укоротить срок их жизни до сто двадцать лет, чтобы они поняли свою нужду в Нем, или Он сотрет их с лица земли. Господь сказал: «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они плоть»¹.

Вскоре Господь увидел, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время, и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. Представляете! Тварь посмела грозить Творцу! И сказал тогда Господь: «И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их». Но, дети, я, Ной, почему-то обрел благодать пред очами Господа. Заметьте, что я не сказал, что Господь нашел во мне нечто хорошее, что сделало меня достойным. Я верил в Него, в то, что Он — Творец и мой Господь и единственный мой Спаситель от греха. Я простерся перед

¹ Быт. 6:3.

Ним и поклялся в верности и послушании. Это все, что мы можем сделать.

Вы должны понять — я сам не считал себя выдающимся человеком. Мы не были совершенны. Но по большей части мы уважали и почитали друг друга и наших жен. Они считались со мной как со старейшим и своим отцом. А я всей душой своей желал служить Богу.

Почему-то Господь счел меня праведным, и я ходил пред Богом. Но земля была развращена и полна зла. Однажды Он сказал мне: «Конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи».

Какая-то девочка подняла руку:

— А что такое дерево гофер и смола?

— Хороший вопрос, малышка. Деревя гофер больше нет на свете, но оно было похоже на кедр или кипарис. Понятно? А смола — это как деготь, такая липкая черная жидкость, которая не дает воде просачиваться через трещины в дереве.

Девочка кивнула, и Ной продолжал:

— И Господь научил меня, как сделать ковчег. Он сказал, чтобы длина ковчега была триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. Кто знает, что такое локоть?

Несколько детишек попытались ответить сразу вместе, убедив Рэйфорда в том, что они хорошо выучили свой урок.

— Это расстояние от среднего пальца до локтя взрослого человека!

— Именно так! Это примерно восемьдесят дюймов. И Господь сказал мне: сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай сбоку его; устрой в нем нижнее, второе и третье жилье. Вы представляете, насколько огромным было это сооружение? Оно было похоже на коробку, широкое, вот потому оно не перевернулось и не затонуло. И вы еще не знаете, сколько живых существ мы везли с собой!

Господь сказал: «И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни». Представляете, каково нам было такое услышать? Я был благодарен, что Бог нашел меня праведным, но страшно увидеть, как у Всемогущего Господа иссякает терпение и милость к человечеству. Мы с моей семьей были единственными, кому суждено было уцелеть. Бог сказал: «Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. Введи также в ковчег из всякого скота, и из всех гадов, и из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут. Из всех птиц по роду их, и из всех скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых с тобою, мужеского пола и женского. Ты же возьми себе всякой пищи,

какою питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею».

Только подумайте. Мои сыновья и я взяли на борт около семидесяти тысяч животных! Не говоря уже о миллионах насекомых и достаточном запасе пищи для себя и всех этих существ! Как вы увидите, нам потребовалось запаса пищи на целый год. Да, для осуществления этого предприятия потребовалось несколько десятилетий, но я сделал все, как Бог велел мне. Мне было уже шестьсот лет, когда Господь сказал: «Войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным предо Мною в роде сем; и всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского; также и из птиц небесных чистых по семи, мужеского пола и женского, и из всех птиц нечистых по две, мужеского пола и женского, чтобы сохранить племя для всей земли, ибо чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли».

И случилось так, что через семь дней на землю обрушились воды потопа. Видите, Господь помедлил еще неделю, и я уверен, что Он надеялся, что еще кто-нибудь раскается в своих грехах, но никто не раскаялся. Многие пересказывали эту историю в течение многих поколений, будучи уверенными, что сорока ночей и дней непрерывного ливня достаточно, чтобы затопить всю землю. Но правда в том, что разверзлись все источники великой

бездны, не только окна неба отворились. Вода как лилась сверху, так и била снизу!

Мы с семьей вошли в ковчег, а с нами все звери земли по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, и все летающие по роду их, все птицы, все крылатые, по паре мужеского пола и женского от всякой плоти, в которой есть дух жизни.

Вода увеличилась и подняла ковчег, и он поднялся над землей. Вода все усиливалась и ковчег плавал по поверхности вод. И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом, на пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись все высокие горы. Сама гора Арарат, к которой мы потом причалили, была около семнадцати тысяч футов высотой, но нам не надо было беспокоиться, что мы врежемся в нее или в какую другую гору, пока вода не начнет спадать.

Как вы понимаете, лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Бросать вызов Господу — это вам не игрушки. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, — все истребилось с земли, остался только я и что было со мной в ковчеге.

Как вы сами можете себе представить, для нас это было ужасное время, за которое

мы много передумали. Господь показывал Свою великую мощь и — да — Свой гнев. Хотя я был счастлив и благодарен за то, что я нашел милость в очах Его, представьте, как мы были одиноки, зная, что в конце концов нам предстоит стать прародителями всех грядущих поколений.

Не сомневаюсь, что вы слышали, что дождь шел в течение сорока дней и ночей, и вода пребывала на земле сто пятьдесят дней. Порой я думал, что Бог забыл о нас, но мы сохраняли веру. Наконец, Бог наслал на землю ветер, и вода перестала прибывать. И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба. И воды стали постепенно убывать в течение ста пятидесяти дней. Вам хотелось бы оказаться в тот момент с нами, моими сыновьями и их женами? Подумайте хорошенько прежде, чем отвечать. Представьте себе — сколько работы! И представьте себе вонь!

Дети засмеялись.

— О, не сомневайтесь, работать нам пришлось тяжело. Ковчег в седьмом месяце оставался на горе Арарат. Понадобилось три месяца, чтобы воды отступили настолько, чтобы показались вершины гор. И так случилось, что еще через сорок дней я открыл окно ковчега и выпустил ворона, который летал туда-сюда до тех пор, пока земля не обсохла. Я выпустил еще и голубя, чтобы узнать, ушла ли вода с земли. Но голубь не нашел места, чтобы сесть, и вернулся в ковчег, потому что вода еще стояла по всей земле. Я подождал

еще семь дней и снова выпустил голубя. Тем вечером голубь вернулся, и нес он в клюве свежий масличный лист. Так я узнал, что вода сошла с земли. Так что я подождал еще семь дней и снова выпустил голубя, и тот уже не вернулся.

Так и вышло, что через год после того, как начался потоп, земля обсохла. Я открыл кровлю ковчега, выглянул наружу и увидел, что поверхность земли и правда высохла. А еще через месяц высохла и вся земля.

Тогда со мной заговорил Господь и сказал: «Выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою. Выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле и пусть плодятся и размножаются на земле».

Мы вышли и выпустили всех живых существ. Потом я построил жертвенник Господу и принес всесожжение на жертвеннике. И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь: «Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его. Не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся». Он также сказал мне: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию. Вы же плодитесь и размножайтесь, и

распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней».

Вы понимаете, дети, что это значит? Это означает, что все вы, все до одного, — потомки мои и моих сыновей. Господь также говорил ко мне и моим сыновьям, сказав: «Вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными, и поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли. Вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами и между всякою душою живою, которая с вами, в роды навсегда: я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением вечного завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга Моя в облаке, и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душою живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти. И будет радуга Моя в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между землею и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле». Многие ли из вас видели радугу?

Все дети подняли руки.

— Тогда вы видели длань Господа, который по-прежнему блюдет Свой завет, заключенный Им тысячи лет назад со мною,

моими сыновьями, нашими женами и всеми животными.

Можете ли вы поверить, что после потопа я прожил еще сто пятьдесят лет? Я старейший из тех, кого вам доводилось видеть, но если вы будете верить в Бога и станете детьми Его, вы никогда не умрете. И в конце этого тысячелетия мы взойдем на небеса вместе с Господом и Его Сыном, Мессией. Я хочу, чтобы вы все были там со мной. Придете ли вы? Дадите ли вы мне обещание, как дал его Бог? Кто будет там со мной? Кто?

Тут и там по всему полю закричали детишки:

— Я! Я буду! Я тоже! И я!

Они вскакивали, махали руками, прыгали и кричали, и среди всего этого шума Ной отклонялся. Когда он шел назад через толпу тем же путем, что и пришел, толпа расступалась перед ним, как воды морские. Никто не касался его и даже не подходил к нему. Люди просто улыбались, махали руками или хлопали в ладоши.

Когда Ной уходил, Рэйфорд услышал, как тот прошептал:

— Хвала Богу отцов наших, вся Слава лишь Ему одному!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Кенни Уильямс не удивился, что остаток дня в ЦДС пошел наперекосяк. Половина детей ушла с родителями, остальные только и болтали о том, что увидели Ноя живьем и услышали его собственный рассказ.

Кенни пытался увлечь их построением модели ковчега, чтобы посадить туда игрушечных зверей, но это занятие пало под натиском безудержного веселья и игр. Он был возбужден не менее их. Оставалось только гадать, когда все придет в норму. А ведь придут и другие библейские герои! К счастью, никто не знал, когда это будет.

Екатерина была не менее взвинчена, и когда они шли домой, они постоянно держались за руки, даже на глазах у всех остальных. Кенни знал, что вскоре о них начнут судачить. Когда они пришли домой, ее родители явно все поняли, но ни жестом, ни словом не

дали этого понять. Надо будет спросить Кэт завтра, что они говорили, когда он ушел.

Когда они расставались, Кенни спросил Екатерину, по-прежнему ли она хочет перевода внутри ЦДС.

— Да, — сказала она. — Но я даже и пытаться не буду добиваться назначения в твой отдел. Не сейчас.

Кенни всю дорогу домой раздирали сомнения. Он не переставая думал о Ное и, конечно, о Кэт, но ему также необходимо было срочно поговорить с Рэйми. Он позвонил ему и назначил поздно вечером встречу дома у Рэйми.

Для Абдуллы настало время всерьез воззвать к Господу. Он делал это каждый день с тех пор, как признал, что ему нужен Спаситель. Но вся его иорданская миссия вгоняла его в тупик. Он молился вместе с Ясмин. Он молился один. Он позвал своих детей и попросил их молиться. Его не удивляло, что Бахира сочувствовала ему и обещала помолиться, а Заки захотел дать ему совет.

— Может, Бог сотворит чудо, и они не увидят, что ты старик... то есть не увидят твой возраст. Или, может, Он сделает тебя оборотнем, чтобы ты мог выглядеть как их ровесник. А ты-то как думаешь?

— Я думаю, что по-прежнему в замешательстве, и еще раз попрошу тебя горячо помолиться за меня. Я думаю, что вы, те, кто побывал на небе вместе с Господом и Иисусом, имеете как минимум преимущество в контакте с Ним. Пожалуйста, сделай это ради меня.

— Но, папа, я состою в маленькой группе, которая называет себя отрядом Тысячелетия, как ты с друзьями в былые времена. У нас есть свой человек в «ИС» в Париже. Может, он сможет тебе помочь?

— Возможно.

«Дети малые».

* * *

— Он все ей рассказал? — спросил Рэйми, явно раздосадованный.

Кенни мрачно кивнул.

— То есть ей-то доверять можно. Мы теперь вместе, и я ей доверяю.

— Вместе? С каких пор?

— С прошлого вечера.

— Ты понимаешь, что есть вещи, о которых ты не можешь ей рассказывать именно потому, что у Касима язык что помело?

— Я буду соблюдать все предосторожности, но, конечно, настанет день, когда я попрошу включить ее в состав отряда.

— Кенни, прошу тебя. Я уже почти готов распустить нашу группу. Дело выходит из-

под контроля. Касим даже не один из нас, и я сказал ему это крайне четко, и все же он рассказывает этим самым Жоспенам, что ты двойной агент, затем разбалтывает все в буквальном смысле человеку со стороны — по крайней мере, для него, — причем даже до конца правильно все не поняв!

— Екатерина ему не совсем чужая. Они вместе работали в ЦДС и прошлый вечер вместе гуляли, когда он ей рассказал все.

— Гуляли где?

— Ужинали вместе в бистро.

— Продолжай. Мне-то казалось, что это ты с ней гуляешь.

— Да, ну, их свидание было типа чтобы все расставить по местам.

— Значит, прошлым вечером она гуляла с ним, а после этого уже с тобой?

— Я знаю, что можно об этом подумать.

— Похоже, что нет. Ладно, как бы то ни было, я не буду поддерживать Касима, что бы там ни говорил Заки. Мы можем прямо постеры о себе развешивать, если Касим будет продолжать болтать о нас всем и каждому.

— А что, если со мной свяжутся Жоспены?

— И что?

— Если Касиму вообще можно верить, они считают, что я на их стороне и работаю тут под прикрытием. Мне попытаться водить их за нос?

Рэйми покачал головой:

— Не знаю. Мне это не нравится. Думаешь, им трудно будет выяснить, как ты бли-

зок со своими родителями, которые руководят этим центром? И что ты скажешь, если они спросят о Касиме?

* * *

Та Екатерина, которую Кенни провожал на работу утром в понедельник, была не той, которую он провожал домой в конце дня. Первая просто искрилась нежностью, рассказала, что родители заметили их чувство друг к другу и очень этому рады. Но вечерняя Екатерина была мрачной.

— Я редко вижу тебя такой, Кэт, — сказал он. — Поговори со мной. Твой перевод отклонили?

— Да нет. Я и не вспоминала о своем прощении с тех пор, как бросила его в почтовый ящик твоей матери.

— Тогда в чем дело?

— Ох, да в Касиме. Я поддразнила его, что он пропустил самый выдающийся день в ЦДС, а он только продолжал приставать ко мне, чтобы я опять пошла с ним прогуляться.

— Что ты ему ответила? Я должен это знать?

— Рассказала ему о нас, конечно же. Он поверить не мог, что все произошло так быстро. Он обвинял тебя в том, что ты оттер его, перебежал ему дорогу, как только узнал о нашем свидании. Я заверила его, что мы и

раньше дружили, еще до него, и что мы только недавно поняли, как относимся друг к другу.

— Не могу корить его за разочарование, Кэт. Я ведь тоже затосковал, когда узнал, что ты пошла с ним гулять.

— У меня никогда не было мальчика, а теперь из-за меня сразу двое сцепились.

— Я не дерусь. И не буду. Мне казалось, что это ты сделала выбор.

— Да, конечно, но я не думала, что это приведет к ссоре с ним. Я думала, что он останется мне другом и поймет меня. Похоже, что нет.

— Ладно, когда мама будет с тобой говорить о переводе, неплохо будет упомянуть об этом. Не стоит работать рядом с тем, кого ты раздражаешь.

Они дошли до ее дома и уселись перед ним.

— В том-то все и дело, Кенни. Не могу припомнить, когда в последний раз мне было так неловко с братом во Христе. Лет двадцать уже на самом деле. Я думала, что мы уже достаточно взрослые, чтобы подобное осталось в прошлом.

— Это заставляет тебя усомниться в его вере?

— Конечно, и мне это неприятно. Я хочу, чтобы с моим переводом было поскорее покончено, чтобы не надо было встречаться с ним завтра утром.

— Ты хочешь, чтобы я поговорил с мамой?

— Нет! Кенни, нет! Подумай, как это будет выглядеть?

— Я просто спрошу. Предложу.

— Я понимаю, спасибо. Но, пожалуйста, не надо.

— Без твоего разрешения не буду. — Ему хотелось рассказать ей, что Рэйми, наверное, уже поговорил напрямую с Касимом и сказал, чтобы он отделял себя от отряда Тысячелетия, но ему не хотелось, чтобы его обвинили в такой же несдержанности, которая навлекла неприятности на Касима.

Тем вечером дома он обнаружил у себя в электронном ящике сообщение от Игнаса Жоспена.

«Ура!»

В сообщении говорилось: «Рад услышать от нашего общего друга, что ты по-прежнему сохраняешь интерес к нашему общему делу и занимаешь стратегический пост. В приложении наш манифест, и мы будем рады любому ценному сообщению с твоей стороны».

И как Кенни должен был на это ответить?

«Рад получить от вас сообщение, — написал он. — Дайте мне пару дней».

«О'кей, — быстро пришел ответ. — Нас интересует информация по ключевым персонам».

Позвонила Бахира.

— Ты не знаешь, почему Заки так нервничает? — сказала она.

— Знаю, но тебе лучше поговорить с Рэйми.

— Ты просто скажи мне, Кенни. Мы достаточно давно знакомы, и я знаю, что Рэйми тебе доверяет и его не удивит, если ты мне расскажешь.

И он рассказал ей все.

— Что же, — сказала она, — мне лично кажется, что это дело с Касимом чересчур раздуто. Рэйми пытался заткнуть Касима уже давно. Это все Заки натворил и давно мог бы загладить свое фиаско. Значит, у тебя возникло впечатление, что Касим наконец-то понял, что он никоим образом с нами не связан?

— Я понятия не имею. Я просто догадываюсь, что Рэйми поговорил с ним, а после этого он поплакался Заки. Твой брат в бешенстве?

— Да, завелся с чего-то. Могу лишь предположить, что ты прав. Ты хороший друг и брат, Кенни. И я узнала хорошие новости о тебе.

— Правда?

— Ты будешь жеманиться или все же познакомишь нас?

— Это будет честью для меня, сестра!

На другой день Хлоя Уильямс разбирала почту. Она решила, что ей надо лично поговорить с Екатериной Ристо. Взаимно проти-

воречащие письма делали рутинный перевод делом, которое она должна была рассмотреть тщательно.

Екатерина пришла к ней в кабинет во время перерыва на ланч.

— Ты успела поесть? — спросила Хлоя.

— Нет, но это не важно.

— Чушь. Я хочу, чтобы тебе хватило сил справиться нынче с этой детворой. Вот бутерброд с сыром.

— Спасибо.

Они вместе перекусили, разговаривая по ходу дела.

— Екатерина, расскажи мне, почему ты хочешь перевестись.

— Думаю, что мне надо быть на передовой. Я всегда использую шанс помолиться вместе с детьми и в рекреационном отделе, но мне больше хочется их обучать и молиться с ними весь день, как в некоторых других отделах.

— Например, как в отделе Кенни.

— Да. Но я полагаю, вы заметили, что я особо подчеркнула, что не прошу и не жду назначения в его отдел.

— Ты этого не хочешь?

Екатерина покраснела.

— Честно говоря, хочу, мне очень бы этого хотелось. Но я на вашем месте этого не допустила бы, и мне кажется, что мы с Кенни оба смирились с тем, что такого не будет.

Хлоя улыбнулась.

— Ты права. А теперь расскажи, как ты себя чувствуешь в рекреации, если не счи-

тать того, что ты несколько стеснена в смысле наставничества?

— О, там очень хорошо. Но у меня небольшие неприятности с одним из парней, который во мне заинтересован больше, чем я в нем. Было бы хорошо разрешить эту неловкую ситуацию, но не это настоящая причина, почему я хочу перевестись. Я поговорила с ним откровенно, так что, думаю, он понял.

— Это хорошо. Но мне надо поговорить с тобой по поводу отзыва твоего руководителя.

— Мэтти? Она написала обо мне отзыв? Надеюсь, хороший. Мы хорошо ладили.

— На самом деле он меня беспокоил.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Я в смятении, — говорил Абдулла Абданех Ясмин. — Я был уверен, что слышал Господа — я даже знаю, что слышал, — но вывод я сделал совершенно неверный.

— Расскажи мне, — сказала она, когда они уселись за стол в их маленькой квартире в Аммане.

— Он открыто призвал меня к работе среди людей «Иного Света», и я, естественно, предположил, что должен работать против них.

— Конечно. Что ты хочешь сказать?

— Дело в том, что нет иного способа противостоять им — по крайней мере, я так подумал, — кроме как внедриться в их среду. Господь четко сказал, что я должен обратиться к ним напрямую.

— Я понимаю, что это будет сложно сделать, кроме как будучи среди них под прикрытием.

— Но я много к кому обращался, и все, что они мне говорили, свидетельствует о том, что это невозможно — так даже Зик говорит. Если уж он не может ничего, то это только Господу под силу. И Он помог мне.

— Сколько ты еще будешь тянуть, Абдулла? Говори уже! Что изменилось?

— Кажется, Иисусу надоело смотреть, как я суечусь и ни к чему не прихожу. Или Его это рассмешило. Во время утренней молитвы Он ясно дал мне это понять. Знаешь, что такое капеллан, а, Ясмин?

— Ну, помню, в прежние дни в некоторых христианских военных группировках были свои духовные наставники. Сейчас, конечно, у нас таких нет, потому что у нас есть священники, и судьи, и Сам Господь...

— И все же Он призывает меня стать капелланом.

— Для кого? Для чего?

— Для людей «Иного Света».

Ясмин отложила кусок хлеба и уставилась на него.

— Абдулла, я не смеюсь только по двум причинам. Во-первых, я знаю, что тебе это не понравится. Во-вторых, ты говоришь, что это исходит от самого Господа. Как у нехристианской и даже антихристианской группы может быть капеллан? Зачем он им и что они будут делать с ним?

— Они не наложат на меня руку, в этом я могу тебя заверить, ибо так сказал мне Господь. Он обещал дать мне все, что мне понадобится. Мудрость, знания, память, зна-

нения, слова и в особенности отвагу и уверенность.

— Не понимаю. Что ты делать-то будешь?

— Помнишь во времена Великой Скорби, ближе к концу этого времени, я изучал пророчества и Слово Божие?

— Да, ты мне рассказывал. И я в твоих знаниях не сомневаюсь.

— Я намерен ими воспользоваться — как пастор.

— Но для чего?

— Я найду, где здесь, в Аммане, встречаются иносветники. Честно говоря, я не уверен, что они уже собирались вместе. Возможно, Господь привел меня сюда прежде их просто потому, что знал, что они соберутся. Но как только они тут окажутся, я их найду и встану против них — но не в борьбе.

— То есть?

— Господь заверил меня, что их судьба — в Его руках. Они знают, против кого они выступают, и критика и предупреждения для них не новы — это не повлияет на их образ мыслей. Его новый план и нов, и стар, как Ветхий Завет. Я должен полюбить их и обращаться с ними так, как хотел бы, чтобы обращались со мной.

* * *

Хлоя Стил Уильямс достала из папки листок и протянула его Екатерине Ристо, вни-

мательно следя за ее реакцией. Девушка прищурилась и быстро читала строки. Она не находила слов.

— Ты знаешь, что мы здесь говорим откровенно, — сказала Хлоя. — Я хотела бы выслушать тебя.

— Я... ну... я даже не знаю, что и сказать. Либо я сошла с ума, либо одна из нас врет.

— Мэтти Кливленд — одна из лучших наших методистов, мисс Ристо.

— Я знаю! И она мне нравится! Но тут говорится, что она обсуждала со мной эти проблемы. Проблемы, о которых я даже сама тогда еще не знала. И я не помню, чтобы вообще разговаривала с ней по этому поводу. Мы вообще не разговаривали, если не считать обычных бесед во время работы в течение дня.

— Екатерина, это изложение ваших бесед. О том, что ты опаздываешь, слишком долго обедаешь, рано уходишь, что тебя трудно найти, когда по расписанию назначена командная поденная работа, что ты сидела с Кенни во время прихода Ноя без разрешения, спорила с ней на глазах у всего персонала.

— Я могу лично поговорить с ней?

— То есть ты хочешь очной ставки с обвинителем?

— Да.

— Но по этому отчету видно, что вы не раз говорили и твое поведение не изменилось.

Екатерина встала и начала расхаживать взад-вперед.

— Я не пытаюсь оправдываться, — сказала она. — И Господь знает, что я не совершенна. Но говорю вам — я не виновата ни в чем подобном. Даже насчет Кенни.

— Но я видела, что вы сидели рядом.

— Да! По разрешению Мэтти! Я сначала поговорила с ней и выяснила, что не понадоблюсь ей для присмотра за детьми.

— Хмм.

— Так я могу поговорить с ней в вашем присутствии?

— Полагаю, да. Да. — Хлоя вызвала Мэтти. — Она придет через пару минут.

* * *

— Я должен буду говорить от имени Иисуса, — сказал Абдулла. — Буду говорить то, что Он сам сказал бы, если бы встретился с такими людьми.

— Но Библия рассказывает, как поступит Иисус со Своими врагами в конце Тысячелетия, — заявила Ясмин. — Не будет ни милосердия, ни долготерпения. Не будет даже битвы, хотя враг и планирует нападение.

Абдулла развел руками:

— Все, что я знаю, — это то, что Он мне сказал. Я пойду к ним, скажу, что я капеллан, которого дает им Владыка мира. Я скажу им, чтобы они не боялись меня, что я не причиню им зла. Я буду говорить от имени Иисуса

о том, что я открыт для них, дабы служить их духовным нуждам — отвечать на любые вопросы, давать любые советы, учить их или что еще им нужно.

— Они рассмеются тебе в лицо и вышвырнут тебя из своей штаб-квартиры или что там у них. Или вообще нападут на тебя.

— О, это другое дело. Я волен предупредить их на этот счет. Я скажу, что поскольку я явился от имени Сына Божьего, то горе тем, кто восстанет на меня.

Когда Ясмин встала, чтобы убрать со стола, Абдулла стал помогать ей.

— Больше всего я боюсь, — сказала она, — что они просто не обратят на тебя внимания.

— Это будет трудно сделать.

— Уж мне ли не знать.

— Я попрошу у них должность.

— Должность христианского капеллана? А у них такая есть?

Он кивнул.

— И если они мне откажут, я поставлю стол и табурет прямо у входа.

— Зачем?

— Чтобы они могли обратиться ко мне в любой момент, когда приходят или уходят — особенно, полагаю, когда они занимаются вербовкой. Потенциальные новобранцы будут вынуждены пройти мимо капеллана прежде, чем записаться в их армию.

— При всем моем уважении, Абдулла, ты уверен, что не спятил?

* * *

Хлоя давно знала и любила Мэтти Кливленд. Это была высокая женщина с короткими рыжеватыми волосами и смеющимися глазами. Она вознеслась и вернулась на землю во время Второго Пришествия. К детям она прикипела сразу же. Она была деятельной и скрупулезной, и поскольку прежде она занималась многими видами спорта, дети, с которыми она занималась в рекреационном отделе, ее любили. Она работала с Кэмероном и Хлоей в ЦДС более девяноста лет.

— Привет, Хлоя, — сказала она, входя. Увидев Екатерину, она воскликнула: — О, Кэт! Как моя новая любимая помощница? С чего ты такая расстроенная?

— Из-за вашего отчета, — заявила Екатерина, когда все трое сели.

— Отчета?

Хлоя протянула ей листок. Мэтти, нахмурившись, прочла его, затем посмотрела на Хлою:

— Ты где его взяла?

— Он лежал в моем почтовом ящике с позавчерашнего вечера.

— Подделка.

— Извини?

— Подделка от первого до последнего слова. Я не видела его, не писала его, никогда не имела таких разговоров с Кэт. Я ничего об этом не знала. С Кенни она сидела с моего разрешения, а что до всего остального, то все

полностью сфабриковано. Я с первого дня пристально следила за ней, просто не верила, что она и вправду такая хорошая работница. Лучшего сотрудника трудно пожелать.

Хлоя выпрямилась, рассматривая обеих.

— Тогда почему она хочет перевестись из твоего отделения?

— Ой! — воскликнула Екатерина. — Я еще не говорила об этом с Мэтти.

— Извини, — ответила Хлоя, — но мне надо с этим разобраться, и прямо сейчас. Ничего страшного.

— Ты хочешь уйти, Кэт? — поинтересовалась Мэтти. — Почему?

Екатерина рассказала ей.

— Жаль, что ты ничего мне не сказала, милая. Я бы устроила тебе желаемую работу прямо на месте. Мне нужен человек, который бы подхватил знамя и понес его дальше, фигурально выражаясь, в духовном смысле. Мне тоже не очень нравится, что дети приходят к нам только играть и что духовное наставление они получают в другом месте. Что, если я поручу это тебе, сниму тебя со спортивных развлечений и ты сможешь ходить и разговаривать с теми детьми, у которых есть вопросы или какие-то нужды?

— Мне бы это было очень по душе, но как быть с проблемой Касима?

— Я заметила, что он очень запал на тебя, но не могла сказать, раздражает он тебя или привлекает, потому оставила все как есть. Если он тебя допекает, я поставлю его на место. Что скажешь?

Екатерина пожала плечами:

— Мне это нравится, но вы ведь понимаете, что основная-то проблема остается?

— Это точно, — сказала Хлоя. — Кто бы ни выкинул эту шутку, а уйти просто так им не удастся, они что, думали, что мы сто лет с тобой это не проверим, Мэтти? У этого человека очень дурное чувство юмора, или он вообще неверующий. Если кто-то быстро явится ко мне и признает, что это была дурная шутка, мне придется принять это за чистую монету. Если же это клевета, то это позор и свидетельство, что кто-то не любит Христа. Ладно, это моя забота. А пока, Екатерина, если ты принимаешь предложение Мэтти, может, останешься и займешься этим?

Рэйфорд и его команда пожали такой духовный урожай в Осазе, которого не было веками. Повсюду, куда бы они ни шли, Рэйфорд возглавлял сельскохозяйственные работы, строительство и развитие технологий. Когда Цион, Хаим и Брюс проповедовали, сотни тысяч людей возвращались к Господу, и молодежь обращалась к вере.

Проповедники были беспощадны. Они предостерегали, что Бог снова нанесет удар по этой земле, если люди отвернутся от Него. Но они также воодушевляли людей обещаниями Господа.

Цион Бен-Иегуда раз проповедовал одним прохладным вечером перед многотысячной толпой:

— Ибо только Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду. И воззовете ко Мне, и пойдете и помолитесь Мне, и Я услышу вас; и взыщите Меня и найдете, если взыщите Меня всем сердцем вашим¹.

Ибо вот Он, Который образует горы, и творит ветер, и объявляет человеку намерения его, утренний свет обращает в мрак, и шествует превыше земли; Господь Бог Воинств — имя Ему².

Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и к Нему прилепись, и Его именем клянись³. Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко. Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив⁴.

Услышьте же слово Бога Величайшего: Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших. Как дождь и снег нисходят с неба и туда не возвращаются, но напояют землю и делают

¹ Иер. 29:11.

² Ам. 4:13.

³ Второзак. 6:13.

⁴ Ис. 55:6—7.

ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, — так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его¹.

Тем вечером встреча была особенно успешной, и Рэйфорд заметил, что у всей его команды сна нет ни в одном глазу.

— Может, сегодня будем спать под открытым небом? Разведем костер и приготовим еду?

Все согласились, Ирэн вместе с женой Брюса занялись готовкой. Всем тоже нашлось дело — собрать дров, натянуть брезентовый тент от сияния пламенеющей луны, помочь с готовкой. Они пели, и молились, и разговаривали в ночи за едой.

Наконец, Цион сказал:

— Рэйфорд, ты понимаешь, где мы находимся?

— Да, старый друг. Мы неподалеку от того места, куда ты прилетел из Израиля так много лет назад. Расскажи об этом. Не думаю, чтобы Мак, Брюс или наши дамы слышали эту историю.

— Хаим, что скажешь? Ты ведь миллион раз уже слышал. Мог бы сам рассказать.

— Нет уж. Она всегда душу мне согревает.

¹ Ис. 55:8—11.

— Ну хорошо. Я высказал свою позицию совершенно ясно по международному телевидению, заявив, что я раввин, ученый, пришел к выводу, что все библейские пророчества, относящиеся к приходу Мессии, исполнились в одном человеке — Иисусе. Можете себе представить, какой вой поднялся. Моя семья была уничтожена, меня изгнали из страны.

Кэмерон помог мне бежать. Он провез меня на дряхлом автобусе через пустыню Негев, неподалеку от этого самого места. Мы пережили много опасностей и не раз были на волосок от гибели, и всю дорогу нас преследовали. Однажды Господь не дал им засечь меня потому, что зов природы заставил меня отойти, когда охранники вошли в автобус и точно нашли бы меня. Но самый драматический случай произошел неподалеку от контрольной точки, когда у меня не было времени выйти из автобуса прежде, чем власти его проверят. Кэмерон был на КПП, старался задержать их, но я упустил возможность выскользнуть наружу. Когда я услышал шаги, я смог только заползти под сиденье и молиться. Они, конечно, обязательно должны были заглянуть под сиденья, и никакой возможности быть незамеченным у меня не было, разве что Господь ослепит их.

И пока я сидел там, трясясь от страха, думая, что мне конец пришел, я увидел лучик фонарика, который обшаривал салон автобуса. Затем услышал шаги одного человека и понял, что это не Кэмерон — тот назвался бы.

Когда шаги приблизились, я увидел, что это человек в форменных ботинках и брюках. Вдруг он опустился на колени и осветил меня фонариком прямо в лицо. И Господь не ослепил его. Он встал на колени, держа фонарик одной рукой и продолжая светить им мне в лицо. Другой рукой он схватил меня за шиворот, подтащил к себе. Я подумал, что у меня сейчас сердце разорвется. Я уже представил, как меня волокут на КПП, трофеем молодого офицера.

Он хрипло прошептал мне сквозь стиснутые зубы на иврите: «Лучше тебе оказаться тем, о ком я думаю, иначе тебе конец». Что я мог сделать? Больше прятаться было негде, сделать вид, что меня тут нет, я не мог. И я ответил — юноша, я Цион Бен-Иегуда.

Он по-прежнему держал меня за шкурку и светил мне фонариком в лицо.

— Равви Бен-Иегуда, мое имя Анис. Молись, как никогда не молился, чтобы моему отчету поверили. А теперь — да благословит и да хранит тебя Господь. Да сияет лицо Господа тебе и да пребудет мир с тобой!

И Господь мне свидетель, этот молодой человек встал и вышел из автобуса. И я лежал там, молясь Господу в слезах, пока Кэмерон снова не сел в автобус и не увез меня.

Цион, отирая слезы, как и остальные, добавил:

— Он не знал, что случилось, арестовали меня или убили, пока огни пограничного КПП не растаяли позади, и он не выехал на дорогу. Он спросил тогда — Цион, вы в авто-

бусе? Выходите уже, где бы вы ни были. А я едва слово вымолвить мог, так я был ошеломлен. Я сказал — я здесь, хвала Богу Всемогущему, Творцу неба и земли. Странно то, что я так и не узнал, был ли этот юноша, Анис, ангелом или человеком, но я знаю, что его послал Господь.

Хаим сказал:

— Мне кажется, что он все же был не человеком, поскольку гораздо позже я видел его возле Гробницы в саду. Того же самого молодого человека. Может ли быть совпадением то, что его пути дважды пересекались с нашими?

— Это не было случайностью, — слышался голос, заставив Рэйфорда и прочих резко обернуться. Прямо за тентом стоял человек, луна очерчивала его силуэт, и отблески пламени плясали на его лице. — Я прикрывал вас в ту ночь, — сказал он, — как и сейчас.

И когда его образ растаял, все упали ниц, восхваляя и благодаря Бога.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В конце следующего дня Хлоя вызвала Кенни и Екатерину к себе в кабинет.

С ними пришла Бахира, дочь Абдуллы.

— Я только что познакомилась с его Кэт, — сказала она. — И я одобряю его выбор.

Екатерина была в шоке. Кенни ответил:

— Бахира! Во-первых, Екатерина не моя. И во-вторых, нечего тут одобрять.

— Спасибо, Кенни, — ответила Кэт.

— Пожалуйста, — ответила Бахира, подмигнув Хлое.

— Все садитесь, — сказала Хлоя. — Екатерина, как тебе твоя новая роль?

— Мы все еще пытаемся понять, как это сработает, и кое-кто очень завидует, что у меня собственная программа, но Мэтти, как и обещала, держит его подальше от меня.

— Касим? — выкатила глаза Бахира.

— На самом деле хорошо, Бахира, — сказала Хлоя, — что ты пришла, поскольку разговор будет неудобный. Еще до Тысячелетнего Царствия, не попади мы с отцом Кенни на небо, я могла бы представить такой разговор, вероятно, когда Кенни был бы где-то классе в девятом. Мне приходилось ловить слухи, кто с кем гуляет, кто что про кого сказал, и меня поражает, что в такие времена это звучит так по-детски. Писание говорит, что вы все будете считаться детьми, пока вам не исполнится сто лет, но поскольку вам сейчас в два раза больше, чем было моим родителям, когда я умерла... не знаю, мне казалось, что вы должны быть более зрелыми.

Хлоя не знала, удалось ли ей достучаться до них. Он сидели, мрачные, особенно Бахира, вероятно, потому, что ощущала, что это камень в ее огород.

— Это касается всех вас, — сказала Хлоя. — Екатерина единственная, кто еще живет с родителями, но вы все достаточно взрослые, чтобы уже идти своим путем. Но по вам этого не скажешь. Неужели мы не можем быть выше всех этих мелочей сейчас, когда Иисус правит своим Тысячелетним Царствием?

— Может, следовало сюда привести моего брата, — сказала Бахира. — Это он пытался проташить Касима в отряд Тысячелетия, и с этого все началось. Все знают, что это было неправильно. Рэйми это очень не радует.

— Как думаешь, откуда я получила всю эту информацию? — сказала Хлоя. — Я рада, что брат достаточно доверяет мне, но ему не

понравится, когда он узнает, что я взяла это дело в свои руки. Он прекрасно умеет решать свои дела. И, Бахира, он очень неровно к тебе дышит.

— Я тоже его люблю, сами знаете, но так, как мы должны любить друг друга на небесах. Без сложностей.

— Так и должно быть. Наши жизни теперь должны быть полны благодарности и хвалы Иисусу, а также посвящены свершению Его дела на земле. Здесь еще существуют миллионы молодых людей, которые не переживут своего сотого дня рождения, если только мы не будем продолжать свою работу. Вот зачем создан ЦДС. И если вы хотите создать отряд Тысячелетия, который является сколком с отряда Скорби, то здесь вы тоже должны быть целеустремленными. У нас была одна цель, одна миссия, и эта цель — ниспровергнуть Антихриста. И каким образом мы могли наилучшим образом это осуществить?

У всех был ошеломленный вид.

— Ну, давайте, я задала вам риторический вопрос. Или вы и правда не знаете? Кенни, я же чуть не довела тебя до могилы этим вопросом в течение последних ста лет!

— Тем, что приведем как можно больше людей в семью Господа.

— Вот именно. Вот чем должен заниматься отряд Тысячелетия, и в разговоре с Рэйми я поняла, что именно этим он и горит. Мне кажется, что все это свелось к пустому базару. А поскольку через девятьсот лет или около того вернется Сатана, все должно де-

латься целенаправленно. Я не вижу, что в нынешнем мире может сделать дело Сатаны привлекательным, так что остается одна плоть. Есть о чем подумать. Вы подумаете? Извините, что говорю сейчас как мамочка, но вы себя ведете как дети малые.

* * *

Однажды вечером, когда Абдулла изучал Писание, а Ясмин молилась, в дверь постучали. Ясмин быстро подняла взгляд.

— Кто-нибудь знает, что мы здесь? — сказал Абдулла.

— Только те, кто сейчас в Израиле, — прошептала она. — Но ты не бойся.

Ей-то легко было говорить, с преображенным телом и разумом. Абдулла подкрался к двери и приложил к ней ухо. И подскокил, когда с той стороны его окликнули.

— Я друг вашего сына и принес вам новости! Я могу войти?

— А как зовут моего сына?

— Заки Абданех, и у него есть сестра Бахира, она тоже мой друг!

— А как тебя зовут?

— Касим Марид!

Абдулла глянул на Бахиру, которая знаком велела ему открыть дверь. Она тут же встала, чтобы приготовить еду и питье.

Касим обнял Абдулла, который показал ему на кресло. Молодой человек не стал тра-

тить время и сразу же перешел к делу, когда к ним присоединилась Ясмин, принеся хлеба и вина.

— Заки рассказал мне о вашей миссии, и я могу предположить, что вы пытаетесь здесь проникнуть в ряды иносветников. Я могу вам сказать, кто тут главный, где они расположились, и даже могу помочь им поверить, что человек, выглядящий на ваши годы, может на самом деле быть их ровесником. Я проник в «ИС» на международном уровне и потому могу вас ввести туда.

— Я буду благодарен за информацию, но убеждать их в том, что я моложе, чем есть, нет необходимости, потому что...

— О да, прошу прощения, но это будет очень важно. Они с самого начала будут вас подозревать, и вы окажетесь в опасности. Вы не сможете туда внедриться, если мы не придумаем подходящей легенды — о травме, болезни, из-за которой вы выглядите на сорок или около того лет старше, чем они.

Абдулла рассмеялся.

— Я терпел такие обиды от моей собственной семьи и старых друзей, но теперь даже от их друзей?

— Я не хотел вас обидеть. Я просто реалист. Как представитель отряда Тысячелетия, я эксперт в таких делах.

— Ты просто скажи мне, кто там главный и где его найти, Марид. А дальше меня поведет Господь. А ты ни намеком не покажешь, что знаком со мной или говоришь от моего

имени, поскольку, если ты проболтаешься, нас в «ИС» сразу раскусят.

— Связь с вами повредит моему прикрытию? Но как?

— Потому что я не намерен скрывать, кто я такой. Я верующий, я служу Богу Живому, Христу. Они узнают это сразу и...

— Ваша жизнь будет под угрозой.

— Я полагаюсь на защиту Господа Бога.

— Если вы настаиваете, то я рад это узнать, чтобы действительно дистанцироваться от вас.

— Это было бы благоразумно. Ты по-прежнему готов дать мне нужную информацию?

— Конечно, но вы тоже поосторожнее насчет меня, как и я насчет вас.

— В этом я даю тебе слово, юноша.

* * *

Кенни все больше и больше доверял Екатерине. Она взяла на вооружение предостережение его матери и оказалась в духовном отношении куда более зрелой. Каждый вечер они проводила пора вместе, беседуя, пока не приходило время расходиться по домам. Они рассказывали друг другу о своей жизни настолько подробно, насколько могли припомнить. Кенни не был полностью уверен, лежит ли к нему сердце Екатерины, но что она украла его сердце, это точно. Он молился, чтобы

его любовь к ней не помешала его любви к Христу, и это было предметом его почти непрерывной молитвы.

Как-то вечером он пришел домой поздно и обнаружил еще одно письмо от Жоспенов. На сей раз писал младший, и это письмо было куда более нетерпеливым, чем прежде.

«В настоящий момент нам нужна надежная информация. Ты остаешься на стратегически важной позиции. Не заставляй нас сомневаться в твоей лояльности. Ты можешь быть важным для нашего дела. Если у тебя есть вопросы или сомнения — говори сейчас. В противном случае ожидаем от тебя скорой реальной информации. Пожалуйста, ответь и сообщи новости.

Если делу поможет твой приезд в Париж и контакт с нами, то мы можем это устроить. Мы понимаем, что такой вариант предпочтительнее нашего визита к тебе, поскольку нам становится все труднее перемещаться публично — все больше людей начинают понимать, откуда мы.

Мы очень ждем твоих сообщений. Не подведи нас. Во имя памяти нашей кузины и твоей подруги Сандрийон и верности “Иному Свету”,

Лотар Жоспен».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Хлоя быстро продвигалась в своих попытках узнать, кто подсунул поддельный отчет в ее ящик. Она начала опрашивать сослуживцев Екатерины, но после полудюжины тяжелых разговоров она поняла, что ее расследование приносит больше вреда, чем пользы. Уже почти сто лет ей не приходилось разбираться с проблемой сложнее взаимных обид между сотрудниками. Когда Иисус царит над миром, а царь Давид, Его князь, управляет Израилем из Храма, все проблемы закона и судебного разбирательства решались гладко и быстро.

Она вызвала Мэтти Кливленд и предложила списать этот кризис на дурную выходку и оставить все как есть.

— Надеюсь, это не вызвало слишком большой напряженности среди твоих сотрудников, верно?

Мэтти пожала плечами:

— На самом деле напряженность достаточно большая. Все только об этом и говорят, тычут пальцами и все такое. Я была бы рада сказать, что мы выявили виновника, разобрались с ним, заставили извиниться, и все. Но и так хорошо.

— Вали все на меня, Мэтти. Скажи персоналу, что это я решила, что дальнейшее расследование не имеет смысла.

— Как скажешь, Хлоя. Я согласна, что надо продолжать работу как ни в чем не бывало, но вот что я скажу: с того момента, как все это началось, Касим стал особенно заботлив.

— Это тот, кто так донимал Екатерину?

— Он реально загладил свою вину. Он оставил ее в покое и стал гораздо полезнее. Касим даже сочувствовал мне из-за этой всей суматохи.

— Но я даже не говорила с ним. Что он об этом знает?

— Думаю, не больше, чем все остальные. Он добился встречи со мной, посоветовал не принимать все так близко к сердцу, напомнил, как высоко весь персонал меня ценит. Был очень мил.

Хлоя кивнула.

— Это не очень в его духе?

Мэтти склонила голову набок.

— И все равно очень мил. Я бы поверила на слово.

* * *

Наконец, настал день, когда Абдулла понял, что пора действовать. Он сказал Ясмин, что идет к иносветникам, к их секретной штаб-квартире и попросил, чтобы она горячо помолилась за него, пока его не будет.

— Я буду молиться и не стану волноваться, — сказала она, — поскольку ты идешь от имени Бога Вседержителя.

— Истинно так, — заверил Абдулла. — Но хочу предупредить тебя, что я не дам им знать, что моя напарница по служению находится здесь, в Аммане, и ничем не намекает им, где живу.

— Это мудрое решение, но я не боюсь простых детей человеческих, особенно тех, кто решил не входить в царство.

* * *

Кенни извинился, что не будет обедать с Екатериной, потому что ему надо быстренько встретиться с Рэйми. Он сказал ей, что снова свяжется с ней в конце дня.

Рэйми встретился с ним в дальнем углу общей столовой, где они могли поговорить с глазу на глаз.

— Всего пара вопросов, — сказал Кенни. — Я хочу знать, как обстоят дела с Касимом. И я хочу знать, что, по-твоему, я должен

сделать с этими настоящими просьбами Жоспенгов. А еще нам надо поговорить о Екатерине.

Рэйми, который всегда казался Кенни человеком мудрым и решительным, не разочаровал его и на сей раз.

— Не знаю, успел ли Касим все растрепать кому-то еще, но я окончательно отмежевался от него вместе с отрядом Тысячелетия. Я сказал ему, что он не наш и, что бы он там ни делал относительно «Иного Света», мы не хотим от него ни донесений, ни даже информации, переданной через вторые руки, то есть через Заки.

— И как он отреагировал?

— Конечно, не обрадовался. Он был зол, раскрыв свое истинное лицо. Заки тоже был не рад. Мне пришлось сказать ему, что он вылетит следующим, если не понимает, что нам надо полностью дистанцироваться от Касима. Я боялся этим обидеть Бахиру, но она никогда не доверяла Касиму, и я полагаю, что ты знаешь, что у нас с ней нечто вроде общества взаимного восхищения.

Кенни улыбнулся.

— Мы с Кэт гадали, что могло бы выйти у вас двоих — в смысле пары, — если бы вы были стареющими.

Рэйми покачал головой и отвел взгляд.

— Я тоже об этом думал. И она тоже. Мы можем говорить об этом откровенно, поскольку вероятность этого равна нулю. Странно, что мы можем восхищаться друг другом, и почитать, и любить настолько глубоко, и все

равно ни о каких романтических отношениях даже мысли нет. Мы просто не связаны больше таким образом. Это позволяет нам проводить много времени вместе, как брату и сестре, вместе молиться, вместе учиться, строить планы на будущее. Не могу тебе и сказать, как много я от этого получаю.

— А я не могу тебе сказать, как здорово, что и в моей жизни есть такой человек, — сказал Кенни, — только прибавь к этому еще и романтику.

— Я рад за тебя. Правда.

— Да уж. Спасибо.

— Давай оставим «ИС» на закуску, и спроси меня, о чем хочешь касательно Екатерины.

Кенни промокнул губы и поерзал на стуле.

— В общем, похоже, что наши взаимоотношения действительно могут во что-то вылиться. Понятно, что она пока мне не жена — даже не невеста, — но в будущем это будет точно. Я почти обо всем ей рассказываю, Рэйми, и мало что мне хочется скрывать от нее. Я пока не прошу, чтобы ее приняли в члены отряда, но я должен сказать тебе, что часто спрашиваю ее совета о многом, о чем мы говорим.

Рэйми отодвинул тарелку и облокотился на стол.

— Понимаю, что не могу отговорить тебя от этого. Но я все равно советую тебе быть осторожным. Ты сам знаешь, что отношения не всегда завершаются так, как мы ожидаем. Что будет, если через год вы останетесь просто друзьями или знакомыми?

— Представить этого не могу, но понимаю, о чем ты. И все же настойчивость со стороны этих самых Игнаса, а теперь еще и Лотара, по сути дела, слишком тяжелы для меня, чтобы не говорить об этом с любимой женщиной. Она и так уже в любом случае чувствует, что меня что-то тяготит, и нечестно будет это от нее скрывать.

— И ты не скрыв.

— Нет.

— И что она сказала?

— Кэт сказала, что мне следует продолжать дело, выполнять его как следует и — в отличие от Касима — действовать с одобрения отряда. Другими словами, чтобы все остальные понимали, что я делаю, и могли молиться за меня, следить за мной и давать мне советы.

Рэйми выпрямился и скрестил руки на груди.

— Эта девушка мне все больше нравится. Может, она когда-нибудь и станет хорошим членом отряда.

— Может, нам надо собраться?

— Всем отрядом? Да, если ты намерен ответить этим парням. Как ты думаешь, не навредить ли их тебе во Франции?

— Либо это, либо начать сплавлять им ложную информацию, только чтобы держать их на поводке.

— Не знаю, — ответил Рэйми и вздохнул. — Если наша цель — не привлечь их на нашу сторону, то зачем?

— Чтобы не дать им привлечь на свою сторону колеблющихся.

— И как же мы этого добьемся, обводя вокруг пальца «ИС»?

Они встали, чтобы вернуться к работе.

— Все, что я знаю, — сказал Кенни, — если я не начну в скором времени играть в их игру, они поймут, что я не на их стороне. Может, это и неплохо. Я полностью займусь тем, что умею делать и что я делать должен, полагаю — завоевывать детские души прямо здесь.

Абдулла понимал, что нервничать ему незачем, но ничего не мог с собой поделать. Он отрастил бороду, затем тщательно подстриг ее, прежде чем насладиться долгим душем. Теперь он медленно одевался, отказавшись от белого одеяния, которое носил в Израиле, выбрав вместо него более традиционный иорданский гражданский костюм. Он надел белую длинную рубаху поверх бежевых шаровар, обулся в открытые сандалии и тщательно обмотал вокруг головы белый тюрбан.

Когда он вышел из ванной, Ясмин подняла брови.

— Что за выражение лица? — сказала она. — Все оделись, а идти некуда?

— За исключением того, что мне сегодня есть куда пойти. И я возбужден дальше некуда. Где моя Библия?

— Ты намерен явиться к ним на порог с Писанием в руках? — воскликнула она. — Никакой конспирации? Никакой осторожности?

— Я иду с верой в моего Испытателя. Я нервничаю, но не боюсь.

— А я боюсь, и, пока ты не вернешься, я с ума сходить буду, — сказала Ясмин. — Но я тоже верю, что если ты идешь за нашим Господом, то Он щедро благословит тебя.

Кэмерон разъезжал в гольф-каре по территории ЦДС, проверяя всех и вся, когда вдруг заметил человека, стоявшего у одного из входов, сложив руки перед собой. Кэмерон затормозил и стал рассматривать его где-то с расстояния ста ярдов. Человек был одет как священник, и вскоре он заметил Кэмерона и тихонько поднял руку.

Это было очень в духе Йерика. Тот либо отшагал более восемнадцати миль от Храма, либо каким-то образом был перенесен сюда. Как бы то ни было, Кэмерон чувствовал, что негоже подъезжать к нему в гольф-каре. Он припарковался и пошел к нему, надеясь, что священник принес известие об еще одном необычном посетителе.

Йерик обнял Кэмерона.

— Брат Уильямс, — сказал он. — Я принес тебе привет от имени Мессии и князя

Его. Господь благословляет твои достойные труды ради блага Царства Его.

— Спасибо. Могу ли я тебя угостить?

— Нет, спасибо. Позволь только задать тебе вопрос. Ты не мог бы завтра найти кров для Иисуса Навина и Халева?

— Конечно! А когда они прибудут?

Йерик виновато улыбнулся.

— Когда придут, тогда и придут. И — точно так же, как и в прошлый раз, никаких торжеств, никаких представлений.

— И заранее нас предупреждать не будут, верно?

— Нет, скорее всего, нет.

— Я скажу служащим.

— А я передам твое одобрение. — Йерик отвернулся с робкой улыбкой, и на глазах у Кэмерона словно растаял, сделав несколько шагов по направлению к Дороге Святости.

«С Ним не соскучишься».

Абдулла чувствовал себя странно у всех на виду, шагая по улицам Аммана под ярким солнцем в сияющих одеждах. Почти все, кого он видел, носили традиционные белые одежды, и его костюм привлекал взгляды, вероятно, потому, что он нес собой свою Библию. Это всегда вызывало улыбку, и он улыбался в ответ. Чем ближе

он подходил к нужному месту, тем больше он волновался.

Абдулла сверился с клочком бумаги, чтобы удостовериться, что он уже близко, и вскоре оказался у квадратного трехэтажного дома, над которым торчали антенны и спутниковые тарелки. Внутри он нашел список чиновников, среди которых были консультанты по сельскому хозяйству, гидрологи, компьютерщики и специалисты по связи. А, вот то, что нужно. Подвальное помещение было обозначено как «Институт теологического обучения». Он стал спускаться по лестнице.

* * *

Как только Кэмерон рассказал Хлое о визите, вести о следующих гостях разлетелись по всему ЦДС. Сотрудники тут же стали менять планы и корректировать расписание. Они раскопали все, что могли, об Иисусе и Халеве, и через пару часов дети уже знали все эти истории и разыгрывали приключения, строили модели стен, которые должны были пасть, запоминали стихи и распевали «Иисус победил при Иерихоне»¹. И как и в прошлый раз, Кэмерон знал, что об этой новости узнали и родители, и все жители соседних селений.

¹ Имеется в виду песня «Joshua fit the battle of Jericho», известный спиричуэл.

Кенни заглянул в центр связи и отправил по электронной почте сообщение Лотару Жоспену:

«У меня интересные сведения. Возможно, навещу тебя. Завтра в ЦДС большое событие, так что буду вне доступа. Скоро свяжемся».

По пути назад Кенни наткнулся на Касима Марида, который оттащил его в сторону и прошептал:

— Ты в контакте с Парижем? Они беспокоятся.

— Только что связывался. Я держу их в курсе. Полагаю, ты знаешь насчет завтра?

— А кто не знает? — ответил Касим. — Представляешь, а меня снова не будет. Сам поверить не могу.

— Да ты что! Переиграй свои планы! Что может быть важнее?

— Нет, не могу. А хотел бы. Расскажи мне потом, ладно? У меня есть обязательства, и я намерен их исполнить. Я надеюсь, что еще будут такие встречи. И на следующую я точно попаду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Внизу Абдулла увидел несколько застекленных помещений. Повсюду снова улыбчивый персонал. Однако часть здания, отведенная Институту теологической подготовки, была непрозрачной. Там, где должны были быть окна, находились крепкие стены и толстая деревянная дверь. На двери огромными печатными буквами было написано ИТП, но она была закрыта, и звонка нигде видно не было. Над входом находилась камера. Огонек ее горел красным.

Абдулла огляделся, постучал не сразу. Из соседнего офиса выглянула улыбающаяся женщина и подозвала его. Они открыли стеклянную дверь в ее кабинет.

— Могу я вам помочь чем-нибудь? — поинтересовалась она.

Он помахал своей Библией и произнес:

— Я ищу персонал Института теологической подготовки.

— Да Благословит вас Господь, — сказала она.

— И вас, — ответил Абдулла. — У них есть регулярные занятия? Или?..

— О нет. Единственные, кто входил и выходил, — это двое юношей, которые, как я думаю, руководят этим заведением.

— Юношей?

— Ну, один чуть поменьше другого, поскольку он толстенький и пухлый, ну, вы понимаете.

— Нет, не понимаю. Вы знаете, как их зовут, есть ли они на месте?

— Я бы просто постучала на вашем месте. Остальные посетители стучали.

— Но мне показалось, что вы сказали только о двоих...

— О да, не похожие на остальных, которые носят одинаковую одежду.

— Одежду?

— Они не носят одеяния праведных, если вы понимаете, о чем я. Я уверена, что они оба стареющие, и они носят... как бишь там? Армейскую рабочую одежду. Как Мудавар или Сарсур.

— Муда?..

— Вы спрашивали, как их зовут. Это их имена. Мудавар — толстый, Сарсур — тощий маленький парнишка. Ну, то есть они оба невысоки, но вы поймете, кто есть кто.

— Я постучу.

* * *

— Хлоя, ты возбуждена, как все, — сказал Кэмерон.

— Еще бы! — ответила она. — Что может быть лучше? Знаешь, когда я впервые услышала истории из Ветхого Завета, я была совсем ребенком и любила воскресную школу. Только когда я стала непослушным подростком, я начала отказываться ходить туда и постоянно спорила с моей мамой. Но даже когда я ушла из церкви и отдалилась от Бога, мне все равно нравилось эти истории вспоминать. Я сомневалась в их истинности, но не могла отрицать, что они великолепны. И я никогда их не забывала.

Даже сейчас временами я сожалею о том, сколько Господу пришлось приложить усилий, чтобы привести меня к себе, но тогда Он напоминает мне, что все время убеждал меня. Я не хотела умирать, не хотела покидать тебя и Кенни, но быть с Иисусом, как пишет Павел, много лучше. Это как глазурь на пирожном. Мы с тобой получили невероятную возможность служения, и теперь чудесные истории оживают у нас перед глазами.

— Значит, ты завтра не будешь брать отгул?

Хлоя улыбнулась и покачала головой.

— Кэм, иногда я думаю, что небеса совершенно тебя не изменили!

* * *

Абдулла вернулся в холл и еще раз рассмотрел большую деревянную дверь. Оглядываясь, он услышал тихое жужжание камеры и улыбнулся прямо в нее, когда она нацелилась на него. Он поднял одной рукой Библию и раскрыл ладонь другой, словно спрашивая, что ему делать дальше. Камера перестала двигаться, даже когда Абдулла переместился.

Он вежливо постучал. Тишина.

Он постучал громко.

Изнутри послышалось:

— Могу чем-нибудь помочь?

— Если вы — Институт теологической подготовки, то можете.

Он прислушался, нет ли какого шевеления внутри, и, наконец, дверь с трудом отворилась — похоже, на ней был не один замок, — и, как и говорила женщина, высунулся маленький худой человечек в старинной иорданской рабочей военной форме.

— Сегодня занятий нет.

— Просто открой дверь, Сарсур, — властно сказал Абдулла.

— Что вам надо?

— Я хочу поговорить с тобой и Мудаваром.

— Его тут нет.

— Тогда я буду говорить с тобой. Открывай.

Смуглый коротышка скривился и отошел от двери. Абдулла широко распахнул

дверь и вошел в захламленное, тесное помещение, в котором явно не было никаких классных комнат. Он увидел три крохотные комнатенки с несколькими стульями, столами, компьютерами и телефонами. Повсюду валялись стопки бумаг и книг.

— Мудавар! Опять власти пришли!

— Мне казалось, ты сказал, что Мудавара тут нет.

— Простите, ошибся. Вы поймали меня на лжи. И что теперь вы со мной сделаете?

— Значит, ты не человек истины? — сказал Абдулла. — Ты явно старик.

— Да, верно.

— Но ты не верующий, несмотря на то что написано у вас на двери.

— Так вы действительно пришли сюда ради изучения теологии? Сейчас никаких занятий нет.

— Еще одна ложь, опять ты сплеховал. Вы ведь никогда не занимались теологией?

— Ну, в определенном смысле слова, мы на самом деле иногда ведем занятия по теологии.

— Вернее будет сказать, антитеологии.

Появился Мудавар, который, оказывается, тоже жил в этом здании. Он был светлее, чем Сарсур, того же невысокого роста, но полный, лицо его сально блестело. Абдулла чуть было не протянул ему платок, чтобы отереть лицо.

— Это уже начинает надоедать, — сказал Мудавар. — Нас уже таскали в суд, даже угрожали депортировать в Израиль, чтобы

поставить перед одним из апостолов. Мы заявили, что у нас есть свобода выражения собственной воли и, что не будем высываться. Что, мы не достаточно тихо сидим или ваше начальство не сообщило вам?

— Мое начальство — Сам Иисус Христос.

— Ну, видать, мы важные птицы.

— Нет. Но Он — важен. Я пришел не за тем, чтобы арестовать вас или даже задержать. Я пришел предложить свои услуги.

На губах Мудавара появилась улыбка, он показал на кресло, кивнул, чтобы Сарсур убрал с него бумаги. Абдулла сел, толстяк уселся напротив него.

— Ваши услуги? — сказал Мудавар.

— Я капеллан. Я несу Слово Божие сердцам людским. Я учу. Я советую. Я молюсь. Я помогаю.

— И вы предлагаете свою службу нашему Институту теологической подготовки?

— Нет. Я предлагаю ее здешней ячейке «Иного Света».

— А, вижу. Значит, играем в открытую. Вы не делаете вида, что не знаете, кто мы, и не пытаетесь выдать себя за другого.

— А зачем? Человек моего возраста в вашу организацию никогда успешно не проникнет, разве не так?

Мудавар внимательно рассматривал его, прищурившись. Покачал головой:

— Нет, не проникнет. А теперь скажите... ну... я не запомнил вашего имени...

— Абдулла Абданех.

— Скажите мне, кхури¹ Абданех, зачем нам ваша служба?

— Это уж вам решать, кстати, можете называть меня мистер Абданех или просто Абдулла.

— О! Какая честь! С полным моим уважением должен отклонить ваше предложение, благодарю, что вы к нам зашли, и желаю хорошего дня.

— Значит, вы не дадите мне кабинет?

— Прошу прощения.

— Я вижу, что у вас яблоку негде упасть, но понимаю, что религиозных занятий вы тут не ведете. Возможно, вы могли бы немного расчистить бардак и найти местечко — как бы его назвать? — для моего предприятия.

— Это было забавное развлечение, сударь, но перерыв закончился. Вы можете идти.

— Но я не собираюсь уходить. Мне тут не дали кабинет, стало быть, придется принести столик из дому и устроиться у ваших дверей. Однако не думайте, я не буду дублировать функции вашего секретаря и сообщать визитерам, есть ли вы на месте.

— И что вы собираетесь делать?

— Учиться, читать, быть в доступе с теми услугами, которые я упомянул. Буду читать, советовать, молиться. Все, что будет нужно.

Мудавар расхохотался, в то время как его миниатюрный спутник смотрел на Абдуллу, откровенно озадаченный. Был ли он смущен словами Абдуллы или тем, что Му-

¹ Так называют арабов-христиан

давар смиренно переносил унижения, было непонятно.

— Ладно, — сказал Мудавар, вставая и протягивая руку. — Я уже ясно сказал вам, что мы отклоняем ваше предложение.

Абдулла не принял руки. Он показал в угол соседней комнаты.

— Мне будет очень удобно прямо здесь, и я буду у вас под рукой.

— Я теряю терпение, друг.

— О, мне нравится, что ты зовешь меня другом, поскольку ты враг Тому, Кому я служу. Разве не удобно, если я буду находиться в соседней комнате, когда вы в очередной раз будете писать письма своим друзьям? Вы сможете спросить меня, верно ли вы истолковали цитату из Писания, а то и из предания, которое критикуете.

У Мудавара по шее вверх, к потному лицу, поползла краснота.

— Значит, твой босс направил тебя терзать нас?

— На самом деле — любить вас.

— Любить нас. И это Бог, Который просто испарил двух своих горячих, честных оппонентов в Египте всего лишь потому, что они не пошли, как все остальное стадо, в Иерусалим для...

— Из Осазе, прошу прощения.

— Называй, как хочешь. Для меня эта земля навсегда останется Египтом. И твой так называемый любящий Бог — разве не Он уничтожил одного из наших, который просто хотел заняться любовью с одной из

его преображенок? Тот самый Бог, который убил миллионы, если можно доверять байкам Ветхого Завета.

— Мудавар, сядь, пожалуйста, и давай обсудим этот вопрос.

— Тут нечего обсуждать!

— Есть-есть. Мой первый долг как вашего капеллана — скорректировать ваши взгляды на Господа, особенно если вы считаете Его безжалостным и не имеющим любви.

— Что же, таким я Его и считаю!

— У тебя есть для меня еще одна минутка, друг мой? Я был бы рад обратить особое внимание на самые интересные, по моему мнению, моменты.

Мудавар сел и тяжело вздохнул:

— Еще одна минута, только не называйте меня другом.

— Это достаточно честно, хотя ты спокойно можешь меня таковым называть. Вот что мне показалось интересным: когда я был молод, моложе тебя, я считал все страшные предсказания о Божьем суде неверными, потому что все, что я слышал об Иисусе, говорило о том, что Он добр, любящ и миролюбив, всегда подставляет другую щеку, учит всех соблюдать золотое правило. Затем настает конец Его терпению и милосердию, Его народ уходит на небо, и следующие семь лет Он пытается привлечь внимание человека и убедить его в том, что Бог не желает ничьей гибели, а жаждет всеобщего раскаяния. И вот, сто лет спустя ты не способен принять Его любви.

Мудавар встал, хлопнув ладонями по столешнице. Абдулла и Сарсур аж подпрыгнули.

— Мне надо проверить голову, — сказал он. — Сарсур, расчисть угол в этом кабинете.

— Что?

— Ты меня слышал! Давай. Этот старый дурак не будет торчать у нас на пути, и кто знает — может, и вправду пригодится. И я попрошу его защищать его Бога, если у нас будет, что Ему предъявить. Он просто покажет, что его Бога невозможно защищать и что Он без всякой причины впадает в гнев.

— Однако причина есть, — сказал Абдулла. — Он полон любви и милосердия, а также совершенен и справедлив.

— Да, да, хватит. Если вы тут засядете, у вас будет полно времени изрыгать свои банальности. Мне нужно выйти, чтобы разослать информационный бюллетень, так что держитесь от меня подальше сегодня. Усекли?

— Конечно, но знай, что я готов вычитать его, чтобы ты не сбился с пути. То есть ты же не хочешь, чтобы тебе сказали, что ты воюешь с воображаемым противником?

— Сарсур, пусть он сядет здесь, и закрой дверь.

— Спасибо, друг, — сказал Абдулла, протягивая руку.

Мудавар слегка пожал ее.

— Да-да.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Иисус Навин и Халев прибыли в ЦДС поздним утром следующего дня, поздоровались с Кэмероном и пошли прямо к стадиону, где их собралась послушать огромная толпа. Преображенные тела двоих гостей выглядели примерно на один возраст, на взгляд Кэмерона, им было лет по сорок. Они были подтянутыми и крепкими.

Кэмерон шепнул им:

— Я, конечно, выполню ваши желания, но прежде, чем вы начнете, детишки хотели бы вам хором прочесть то, что заучили из Писания вчера. Это позволительно?

Иисус Навин и Халев переглянулись, пожали плечами.

— Прости нас, — сказал Иисус Навин, — но ты должен понимать, что даже спустя столько времени мы до сих пор изумляемся всему, что видим в новом мире. Жизнь

вовсе не та, что была прежде, особенно в наши времена.

— Особенно дети! — сказал Халев. — Но — да! Ради всего святого, мы желаем услышать их!

Кэмерон подал детишкам знак, и тысячи юных голосов заговорили:

— И воспылал в тот день гнев Господа, и поклялся Он, говоря: люди сии, вышедшие из Египта, от двадцати лет и выше, знающие добро и зло, не увидят земли, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, потому что они не повиновались Мне, кроме Халева, сына Иефоннии́на, Кенезеянина, и Иисуса, сына Навина, потому что они повиновались Господу¹.

— Да, да, аминь и еще раз аминь! — воскликнул Иисус Навин, и чудесным образом все услышали его. — Благодать вам, чада! Мы с Халевом благодарим вас. Вы верно сказали — гнев Господень воспылал. Он заставил Израиль блуждать в пустыне сорок лет, пока все поколения, содеявшие зло в Его глазах, не ушли. Многие считают, что сорок лет — просто сорок лет блужданий по пустыне, но из Писания вы увидите, что эти сорок лет были наказанием за маловерие. Если вы проследите путь евреев по карте, вы увидите, что мы просто бродили кругами, никуда не приходя.

Поверьте мне, я знаю историю, которую вы желаете от меня услышать, и я обещаю

¹ Числ. 32.

поведать ее. Но позвольте мне сначала попросить Халева рассказать вам о том времени, когда мы впервые повстречались и трудились вместе. Возможно, вам трудно будет поверить, но мы некогда были детьми, как и вы. Не надо смеяться, так было!

Халев выступил вперед. Голос его был выше, чем у Иисуса Навина, но столь же звучен и отчетлив.

— Мы с Иисусом родились в Египте в то время, когда наши родители и все дети Израиля были рабами. Даже взрослые, наши родители, тетки и дядя, звались детьми, ибо были они детьми Божиими, Его избранным народом. Мы с Иисусом пережили все, что выпало на долю нашего народа в пустыне после исхода. Иисус оказался могучим и отважным мужем, ставшим военачальником во время нашей войны с амаликитянами. Он также прислуживал нашему предводителю Моисею, когда тот отправился на гору Синай, чтобы получить от Господа десять заповедей.

Однажды Господь заговорил с Моисеем, сказав ему: И сказал Господь Моисею, говоря: «Пошли от себя людей, чтобы они рассмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них»¹. И Моисей послал нас из пустыни Фаран по повелению Господа, все мы были главные мужи у сынов Израиля. Среди них был и Иисус, которого тогда звали Осия, пока Моисей

¹ Числ. 13:2.

не изменил его имени и моего. Он сказал нам: «Пойдите в эту южную страну, и взойдите на гору, и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен? И какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? И каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях? И какова земля, тучна ли она или тоща? Есть ли на ней деревья или нет? Будьте смелы, и возьмите от плодов земли».

Я был рад, когда он упомянул последнее, потому, что было время созревания винограда. Итак, мы пошли и высмотрели землю, пройдя ее из конца в конец. Когда мы пришли в долину Есхол — это неподалеку от Хеврона, — мы срезали там виноградную ветвь с одною кистью ягод и понесли ее на шесте двое; взяли также гранатовых яблок и смокв.

Наконец, мы вернулись через сорок дней и принесли известия Моисею и брату его Аарону и всему собранию детей Израилевых. Перед всеми мы сказали Моисею: «Мы ходили в землю, в которую ты посылал нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее, но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие».

Я увидел, что слова наши встревожили народ. И поскольку говорили мы правду, я был уверен, что Бог был во всем этом и хотел, чтобы мы продолжали. Я успокоил людей перед Моисеем и сказал: «Пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее».

Но другие, которые ходили с нами, говорили: «Не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас». И распускали худую молву о земле, которую мы осматривали, между сынами Израилевыми, говоря: «Земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедающая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые. Там видели мы и исполинов, и мы были в глазах наших пред ними как саранча».

Теперь, чада, скажу, что хотя это было и преувеличение, но недалекое от истины. Но я по-прежнему верил, что мы должны положить на Господа и последовать за Ним в эту землю и там мы одержим победу. Но все общество подняло вопль, и плакал народ всю ночь. Они роптали на Моисея и Аарона, и все общество сказало им: «О, если бы мы умерли в земле Египетской или умерли бы в пустыне сей! И для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? Жены наши и дети наши достанутся в добычу врагам; не лучше ли нам возвратиться в Египет?»

И сказали они друг другу: «Поставим себе начальника и возвратимся в Египет».

И пали Моисей и Аарон на лица свои пред всем собранием общества сынов Израилевых. Но мы с Иисусом разодрали одежды свои и сказали всему обществу сынов Израилевых: «Земля, которую мы проходили для осмотра, очень, очень хороша! Если Господь милостив к нам, то введет нас в землю сию и даст нам ее, эту землю, в которой течет мо-

локо и мед. Только против Господа не восставайте и не бойтесь народа земли сей, ибо защиты у них не стало, а с нами Господь; не бойтесь их».

Но эти люди захотели побить нас камнями! Но тут слава Господня явилась в скинии всем сынам Израилевым.

Дети повскакали, весело улюлюкая. Халев на мгновение застыл, глянул на Иисуса. Но тот велел ему продолжать. Дети сели.

— И тогда Господь сказал Моисею: «Доколе будет раздражать Меня народ сей? И доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди его? Поражу его язвою и истреблю его и произведу от тебя и от дома отца твоего народ многочисленнее и сильнее его».

Но Моисей сказал Господу: «Услышат египтяне, из среды которых Ты силою Твоею вывел народ сей, и скажут жителям земли сей, которые слышали, что Ты, Господь, находишься среди народа сего, и что Ты, Господь, даешь им видеть Себя лицом к лицу, и облако Твое стоит над ними, и Ты идешь пред ними днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном. И если Ты истребишь народ сей, как одного человека, то народы, которые слышали славу Твою, скажут: Господь не мог ввести народ сей в землю, которую Он с клятвою обещал ему, а потому и погубил его в пустыне».

И продолжил Моисей: «Итак да возвеличится сила Господня, как Ты сказал, говоря: Господь долготерпелив и многомилостив и

истинен, прощающий беззакония и преступления и грехи, и не оставляющий без наказания, но наказывающий беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода. Прости грех народу сему по великой милости Твоей, как Ты прощал народ сей от Египта доселе».

И знаете ли, дети, что сделал Господь? Он изменил Свое решение. Да, такое бывает, и эта история это доказывает! Он сказал: «Прощаю по слову твоему, но жив Я, и всегда живет имя Мое, и славы Господней полна вся земля: все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвою обещал отцам их; только детям их, которые здесь со Мною, которые не знают, что добро, что зло, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам землю, а все, раздражавшие Меня, не увидят ее».

Иисус выступил вперед.

— Теперь позволь мне рассказать эту часть истории. Господь продолжал говорить с Моисеем. «Но раба Моего, Халева, за то, что в нем был иной дух и он совершенно повиновался Мне, введу в землю, в которую он ходил, и семя его наследует ее».

И снова дети запрыгали, хлопая в ладоши и весело вопя, но теперь оба — и Иисус, и Халев — подняли руки, призывая к тишине.

— Мы куда больше хотим вам рассказать, — улыбнулся Иисус. — Сядьте, пожалуйста.

Снова заговорил Халев.

— И взошел Моисей на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю. И сказал ему Господь: «Вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «Семени твоему дам ее»; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь».

И вот, чада, Моисей, слуга Господа, умер в земле Моав. Ему было сто двадцать лет, но глаза его были остры, и отвага его не уменьшилась. Мы, дети Израиля, оплакивали Моисея тридцать дней. Угадайте, кого Господь избрал в следующие вожди Израиля?

Многие из детей закричали:

— Тебя!

— Иисуса! — подхватили прочие.

— Некоторые из вас правы, — сказал Халев. — Иисус был полон духа мудрости. И случилось так, что Господь заговорил с Иисусом, помощником Моисея: «Моисей, раб Мой, умер; итак встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую Я даю им, сынам Израилевым. Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам, как Я сказал Моисею: от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши. Никто не устоит пред тобою во все дни жизни твоей; и как Я был с Моисеем, так буду и с тобою: не отступлю от тебя и не оставлю тебя. Будь тверд и мужествен; ибо ты народу сему передашь во владение землю, которую Я клялся

отцам их дать им; только будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих. Да не отходит сия книга закона от уст твоих; но поучайся в ней день и ночь, дабы в точности исполнять все, что в ней написано: тогда ты будешь успешен в путях твоих и будешь поступать благоразумно.

Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь».

Тогда Иисус приказал надзирателям народа: «Пройдите по стану и дайте повеление народу и скажите: заготавливайте себе пищу для пути, потому что, спустя три дня, вы пойдете за Иордан сей, дабы прийти взять землю, которую Господь Бог отцов ваших дает вам в наследие».

Иисус сказал народу: «Вспомните, что заповедал вам Моисей, раб Господень, говоря: Господь Бог ваш успокоил вас и дал вам землю сию. Жены ваши, дети ваши и скот ваш пусть останутся в земле, которую дал вам Моисей за Иорданом; а вы все, могущие сражаться, вооружившись идите пред братьями вашими и помогайте им, доколе Господь Бог ваш не успокоит братьев ваших, как и вас; доколе и они не получают в наследие землю, которую Господь Бог ваш дает им; тогда возвратитесь в наследие ваше и владейте зем-

лею, которую Моисей, раб Господень, дал вам за Иорданом к востоку солнца».

И народ ответил Иисусу: «Все, что ни повелишь нам, сделаем, и куда ни пошлешь нас, пойдем. Как слушали мы Моисея, так будем слушать и тебя: только Господь, Бог твой, да будет с тобою, как Он был с Моисеем. Всякий, кто воспротивится повелению твоему и не послушает слов твоих во всем, что ты ни повелишь ему, будет предан смерти. Только будь тверд и мужествен!»

Иисус послал двоих людей тайно осмотреть Иерихон. Они пришли в город и вошли в дом блудницы Раав и остались там. И сказано было царю Иерихонскому: «Вот, какие-то люди из сынов Израилевых пришли сюда в эту ночь, чтобы высмотреть землю». Тогда царь Иерихонский послал к Раав: «Выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в твой дом ночью, ибо они пришли высмотреть всю землю». Но эта женщина взяла двух человек тех и скрыла их и сказала: «Точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они. Когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли; гонитесь скорее за ними, вы догоните их». А сама отвела их на кровлю и скрыла их в снопах льна, разложенных у нее на кровле.

Как только преследователи ушли, ворота тотчас затворили. Прежде, нежели они легли спать, она взошла к ним на кровлю и сказала им: «Я знаю, что Господь отдал землю сию вам, ибо вы навели на нас ужас, и все жите-

ли земли сей пришли от вас в робость, ибо мы слышали, как Господь Бог иссушил пред вами воду Чермного моря, когда вы шли из Египта, и как поступили вы с двумя царями Аморрейскими за Иорданом, которых вы истребили. Ослабело сердце наше, и ни в ком из нас не стало духа против вас; ибо Господь Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу. Итак поклонитесь мне Господом Богом нашим, что как я сделала вам милость, так и вы сделаете милость дому отца моего, и дайте мне верный знак, что вы сохраните в живых отца моего и мать мою, и братьев моих, и сестер моих, и всех, кто есть у них, и избавите души наши от смерти».

Они сказали ей: «Душа наша вместо вас да будет предана смерти, если вы ныне не откроете сего дела нашего; когда же Господь предаст нам землю, мы окажем тебе милость и истину». И тогда она спустила их по веревке через окно. Они же сказали ей: «Когда мы придем в эту землю, ты привяжи червленую веревку к окну, чрез которое ты нас спустила». Вернувшись, они сказали Иисусу: «Во истину Господь Бог наш предал всю землю сию в руки наши, и все жители земли в страхе от нас».

На другой день встал Иисус рано поутру, и двинулись они от Ситтима и пришли к Иордану, он и все сыны Израилевы, и ночевали там, еще не переходя его. Через три дня пошли надзиратели по стану и дали народу повеление, говоря: «Когда увидите ковчег завета

Господа Бога вашего и священников наших и левитов, несущих его, то и вы двиньтесь с места своего и идите за ним. Расстояние между вами и им должно быть до двух тысяч локтей мерою; не подходите к нему близко, чтобы знать вам путь, по которому идти; ибо вы не ходили сим путем ни вчера, ни третьего дня».

Тогда Господь сказал Иисусу: «В сей день Я начну прославлять тебя пред очами всех сынов Израиля, дабы они узнали, что как Я был с Моисеем, так буду и с тобою, а ты дай повеление священникам, несущим ковчег завета, и скажи: как только войдете в воды Иордана, остановитесь в Иордане».

А Иисус сказал сынам Израиля: «Из сего узнаете, что среди вас есть Бог живой, Который прогонит от вас всех врагов: вот, ковчег завета Господа всей земли пойдет пред вами чрез Иордан, и как только стопы ног священников, несущих ковчег Господа, Владыки всей земли, ступят в воду Иордана, вода Иорданская иссякнет, текущая же сверху вода остановится стеною».

Чада мои, так и случилось! Когда мы выступили, чтобы перейти Иордан, и лишь только несущие ковчег завета Господня вошли в Иордан, и ноги священников, несших ковчег, погрузились в воду Иордана, вода, текущая сверху, остановилась и мы переходили по суше, доколе весь народ не перешел через Иордан.

Дети снова закричали, Но Иисус поднял руку, призывая к молчанию.

Халев продолжил:

— Сказал Иисусу Господь: «Возьми себе из народа двенадцать человек, по одному человеку из колена, и дай им повеление: возьмите себе отсюда, из средины Иордана, где стояли ноги священников неподвижно, двенадцать камней, и перенесите их с собою». И двенадцать камней потом поставил Иисус среди Иордана на месте, где стояли ноги священников, несших ковчег завета Господня, и мы спешно перешли реку. Около сорока тысяч вооруженных на брань перешло пред Господом на равнины Иерихонские, чтобы сразиться. В тот день прославил Господь Иисуса пред очами всего Израиля и стали бояться его, как боялись Моисея, во все дни жизни его.

Иисус приказал священникам: «Выйдите из Иордана». И лишь только стопы ног их ступили на сушу, вода Иордана устремилась по своему месту и пошла выше всех берегов своих.

Мы вышли из Иордана и встали лагерем в Галгале, у восточной границы Иерихона. И двенадцать камней, которые взяли мы из Иордана, Иисус поставил в Галгале. И спросил он тогда у сынов Израиля: «Когда спросят в последующее время сыны ваши отцов своих: “Что значат эти камни?”, скажите сынам вашим: “Израиль перешел чрез Иордан сей по суше”, ибо Господь Бог ваш иссушил воды Иордана для вас, доколе вы не перешли его, так же, как Господь Бог ваш сделал с Чермным морем, которое иссушил Господь, Бог наш, пред нами, доколе мы не перешли его».

И знаете зачем, чада? Слушаете? «Дабы все народы земли познали, что рука Господня сильна и дабы вы боялись Господа Бога вашего во все дни». Даете ли вы слово поступать так? Даете? Поднимите руки, если так!

Все дети на стадионе подняли руки, многие стали ими махать.

— Хорошо же, вернемся к истории, которой вы все ожидаете, и я знаю, что вы хотели бы услышать ее из уст ее героя.

Под аплодисменты Иисус поменялся местом с Халевом.

— Мы проблуждали в пустыне более сорока лет, и настало время обрести землю. Мы остановились в Галгале на равнине Иерихонской и ели то, что производила та земля, опресноки и сушеные зерна. Манна Господня кончила падать в тот же самый день, как мы вкусили плодов земли, и в тот год мы ели плоды земли Ханаанской.

Раз взглянул я, и вижу — вот стоит предомной человек, и в руке его обнаженный меч. Я подошел к нему и сказал ему: «Наш ли ты или из неприятелей наших?»

Он же ответил мне: «Нет, я вождь воинства Господня, теперь пришел сюда». Я пал лицом своим на землю, и поклонился, и сказал ему: «Что господин мой скажет рабу своему?»

Вождь воинства Господня сказал мне: «Сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято». Я так и сделал.

Жители Иерихона знали теперь, что мы близко, и заперлись от страха, и никто не вхо-

дил в город и не выходил из него. И Господь сказал: «Вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, и находящихся в нем людей сильных. Пойдите вокруг города все способные к войне и обходите город однажды в день, и это делай шесть дней. И семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом; а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами. Когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и стена города обрушится до своего основания».

Я созвал священников и рассказал им о том, что мне говорил Господь. А потом я сказал народу: «Пойдите и обойдите вокруг города; вооруженные же пусть идут пред ковчегом Господним. Не восклицайте и не давайте слышать голоса вашего, и чтобы слово не выходило из уст ваших до того дня, доколе я не скажу вам: “Воскликните!”».

Таким образом, ковчег завета Господня пошел вокруг города и обошел однажды, и мы пришли в стан и ночевали в стане. На другой день Иисус встал рано поутру, и священники понесли ковчег завета Господня, и делали это шесть дней, как повелел Господь. Вы же знаете, что случилось потом? Может, мне с другом моим уже уйти?

Дети вскочили, крича:

— Нет! Нет! Расскажите все до конца!

Иисус широко улыбнулся и знаком велел всем сесть и успокоиться.

— Хорошо, уговорили. В седьмой день мы встали рано, при появлении зари, и обошли таким же образом вокруг города семь раз; только в этот день обошли вокруг города семь раз. Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город! Город будет под закланием, и все, что в нем, — Господу сил. Только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрыла посланных, которых мы посылали. Но вы берегитесь закланного, чтоб и самим не подвергнуться закланию, если возьмете что-нибудь из закланного, и чтобы на стан сынов Израилевых не навести заклания и не сделать ему беды, и все серебро и золото, и сосуды медные и железные да будут святынею Господу и войдут в сокровищницу Господню.

Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ, и обрушилась стена.

Дети снова закричали.

— Затем мы вошли в город и предали закланию все, что в городе, все истребили мечом и огнем и пощадили лишь блудницу, которая была верна Господу, и ее семью.

Снова выступил Халев.

— Итак, чада мои, вы видите, что Господь был с Иисусом и слава его носилась по всей земле. И вы будете благословлены Господом, если останетесь тверды и отважны, будете верить в Господа всем своим сердцем, останетесь послушны и верны.

Иисус закончил встречу с детьми молитвой, но когда он закончил, дети устремились вперед. Они хотели прикоснуться к нему, засыпать его вопросами. Больше часа, пока Кэмерон не восстановил порядок, дети суетились вокруг, тянулись к Иисусу, и на их лицах читалось, что они так долго ждали этого момента встречи с этими героями.

В отличие от визита Ноя очень мало детей остались с родителями, когда все закончилось. Девочки и мальчики осаждали Кенни, одни желая услышать ответы на свои вопросы, другие хотели разыграть сцены событий, о которых только что услышали. Некоторые спрашивали, можно ли им построить каменные монументы, и Кенни пообещал найти достаточно небольших камней, чтобы все, кто хочет, мог участвовать.

Однако больше всего его впечатлили дети, которые решили, что предводителем войска Господнего был Сам Христос. Один маленький мальчик сказал:

— Мистер Уильямс, а я хочу быть в армии Иисуса.

— Но разве ты не знаешь, — сказал Кенни, — что Он принимает только тех, кто верит в то, что Он простил их грехи и ведет их к спасению?

— Я буду верить.

— Будешь? И как ты это сделаешь?

— А я Ему скажу.

— Прямо сейчас?

— А можно?

— Да, и тебе даже не надо идти в храм. Просто помолись Ему и скажи, что осознаешь, что ты грешен и просишь у Него прощения. Затем попроси Его стать твоим Спасителем и поблаговари Его за то, что Он умер на кресте за твои грехи. Ты ведь знаешь эту историю, верно?

— Конечно, все знают. Ну, тут, по крайней мере.

— Ты понимаешь, что Иисус хочет, чтобы ты сам решил следовать за Ним?

Мальчик кивнул, и Кении помолился вместе с ним. Ему не терпелось рассказать об этом Екатерине, и он был уверен, что она тоже расскажет ему нечто подобное.

* * *

Абдулла сидел в своем новом крошечном кабинете в закоулках штаб-квартиры «ИС» в Аммане, читая Библию и делая заметки к уроку, который он был готов дать по первой просьбе. Он поднял взгляд, когда заметил, что Сарсур пристально смотрит на него из соседней комнаты.

— Тебе что-то нужно? — спросил Абдулла.

Молодой человек, жилистый и шустрый, покачал головой, но язык тела выдавал его. Он делал вид, что читает развешанные по стенам материалы, но все они были старыми и выцветшими, и, наверное, он сам их и развешивал, так что Абдулла понял, что молодой человек просто стесняется. Абдулла вернулся к чтению, держа ухо востро. Он начал напевать про себя старинный гимн, а потом тихо запел.

— О, любовь, что меня взыскала.

Кровь, что меня искупила.

Милость, в стадо меня возвратила.

Чудная милость, что в стадо меня возвратила¹.

Наконец, Сарсур сел. Абдулла отодвинул в сторону Библию и свои бумаги и вопросительно посмотрел на него.

— И вы во все это верите, да? — сказал Сарсур.

— Да. А ты — нет?

— Конечно, нет. Я иносветник.

— Твои родители должны были быть верующими.

— Да. Но это не для меня. Они пытались воспитать меня в вере, но как только я начал читать другие источники и говорить с другими людьми, я понял, что Библия — не единственная идея.

— А как же все те пророчества, что исполнились, все воскресшие люди, те, кто уже побывал на небесах? А как же тот факт,

¹ Сл. У. Спенсер Уолтон, муз. Адонирам Дж. Гордон. <http://hymnal.calvarybaptistsv.org/440.html>

что Иисус сейчас находится среди нас и восседает на троне, дабы судить народы?

Сарсур пожал плечами:

— Он как командующий оккупационного корпуса. А мы сопротивление, вот и все. Мятежники.

— И ты не ощущаешь себя обреченным?

— Нас просто слишком мало. Мы изгой, отверженные, подонки. Но мы не оставим надежды до самого конца. И тогда увидим, кто победит.

— Твои соратники, те, кто достигает возраста ста лет, умирают ежедневно.

— Я знаю.

— И хоть одно исключение тебе известно?

— Нет.

— И это ни о чем тебе не говорит?

— Это лишь доказывает, что Бог не Таков, каким Он себя выставляет.

— И из чего ты это выводешь?

— Он зол, не знает любви, не умеет прощать, Он жесток и нетерпим. Не согласен с Ним — умри.

— Он не хочет ничьей гибели. Даже твоей, Сарсур.

— Вот не надо, ладно?

— Хочешь, я расскажу тебе мою собственную историю? Я не всегда был верующим, знаешь ли. Я вообще в рамках другой религии был воспитан.

Сарсур снова пожал плечами и отвел взгляд.

— Мне это не нужно.

Абдулла склонил голову набок.

— А мне иногда просто надо выговориться. Давай я буду говорить, а ты, если хочешь, слушай.

— Я уже сказал, мне этого не надо!

— А я тебе сказал — мне надо выговориться. Я был женат на прекрасной женщине, у меня было двое любимых детей. Я был заслуженным летчиком-истребителем иорданских королевских ВВС.

Сарсур встал было и уже намеревался уйти, но последние слова остановили его.

— Вы были летчиком?

— Да. Можно сказать, звездой. Я хорошо учился и получал лучшие задания. Я считал себя верующим, потому что выполнял все догматы моей религии. Держался в отдалении от нечистых вещей. Пытался вести себя правильно. Молился, как было предписано, каждый день. Затем с моей женой кое-то случилось...

Абдулла замолчал. Сарсур снова сел.

— Что? Что с ней случилось?

— Тебе это не обязательно знать.

— Ладно, если вам надо выговориться, то продолжайте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

В течение нескольких следующих дней Кенни метался между восторгом взаимоотношений с Екатериной — они оба не скрывали своей любви и начали обмениваться краткими поцелуями вечером — и страхом перед тем, что ему придется общаться с Игнасом и Лотаром Жоспенами. Скоро от них уже не удастся отмахиваться.

У него была идея, забавная идея, которая понравилась бы Екатерине и помогла бы ему получить ценный совет. Он хотел поговорить с Брюсом Барнсом, старым другом родителей, о них с Кэт и спросить, не хочет ли он обвенчать их. Но, возможно, Брюс сможет ему дать и хороший совет. Кенни взял у матери телефон Брюса и позвонил ему в Осазе. Брюс был занят каким-то проектом, но пообещал перезвонить вечером.

* * *

Хлоя тревожилась. Она думала, что история с подложным отчетом о работе Екатерины Ристо забылась, и хотя она была весьма раздосадована тем, что не сумела выяснить, откуда он взялся, она никак не могла выбросить это из головы. И чем больше она узнавала Кэт, тем больше она радовалась за Кенни. Было понятно, что их дружба переросла во взаимную любовь, и они с Кэмероном просто обожали Кэт. Хлоя надеялась, что Кенни звонил Брюсу по тому вопросу, который она подозревала.

Но в тот день в ее почте оказалось еще одно тревожное сообщение. Конечно, без подписи. Кэмерон сказал ей, что ей надо придерживаться следующей политики — просматривать в первую очередь, подписаны ли предложения или жалобы, а если нет — выбрасывать в мусорный ящик, «раз человек не готов подписаться под тем, что говорит...».

В этой записке было следующее: «Подложный отчет о Ристо — дело рук Кеннета Б. Уильямса».

Конечно, это не имело никакого смысла. Абсурд. И все же Хлоя протаскала смятую записку с собой все утро. Что она должна была с ней делать? Наконец, она сообщила на пейджер Кэмерону. «Это не срочно, — писала она. — Но если у тебя найдется минутка...»

вал к Господу: «Ты действительно хочешь этого от меня? У меня такое ощущение, что я занимаюсь пособничеством и подстрекательством».

Но Абдулла ощущал, что Бог убеждает его любить этого человека так же, как Иисус любил бы его. Никакие доводы людей не могут опорочить имя Господа.

В глубине души Абдулла ощущал намерение на то, что эти люди меняют свое мнение относительно его. Он и правда полюбил их, заботился о них и молился. У Мудавара был любимый напиток — особенно густой, крепкий черный кофе, который можно было купить только у одного уличного торговца. Каждый день он приходил, принося его с собой и смакуя. И каждый день Абдулла поздним утром выходил и приносил ему еще одну чашку.

Чтобы завоевать Сарсура, рассказывая ему каждый день истории из своей жизни и жизни своей вознесшейся жены, Абдулла выяснил, что Сарсур любит определенный сорт хумуса, смесь пасты из нута и кунжута с добавлением чеснока и лимона. Когда он выходил за кофе для Мудавара, он также приносил хумус для Сарсура.

Было понятно, что молодые люди не знают, как себя вести с Абдуллой, но с каждым днем они становились все более обходительными с ним.

Во время обеденного перерыва Сарсур, бросив взгляд на закрытую дверь кабинета Мудавара, пододвинул стул к стулу Абдуллы.

— Значит, вы развелись с женой, когда она уверовала, и обратились против собственной веры, стали пить и гулять. Когда она с вашими детьми была взята на небо, вы выкопали ее старые письма. И что там было?

Абдулла снова сел и внимательно посмотрел на юношу.

— Это слишком личный вопрос.

Сарсур поднял руки.

— Я не хотел совать нос в вашу личную жизнь. Но вы сами начали рассказ. Я просто хочу услышать его конец.

— Вот что я тебе скажу, — ответил Абдулла. — В понедельник я принесу самые сильные ее письма и дам тебе прочесть.

* * *

— Ты знаешь, как я отношусь к такому хламу, — сказал Кэмерон. — Выброси его.

— Да я понимаю, дорогой, — ответила Хлоя, готовая к такой реакции. — Но у нас еще не бывало такой беды, и я не хочу, чтобы было впредь. Разве это не способ выяснить, кто это делает?

Кэмерон вздохнул.

— До Восхищения я бы все списал на козни дьявола, который любым способом отвлекает нас от важного. Но беда как раз в том, что он к этому отношения не имеет. Это все плоть. Почему бы тебе не спросить Кенни,

нет ли у него каких врагов, у которых есть причина желать ему неприятностей?

— Да меня с души воротит от одной мысли показать ему это.

— Тогда выброси и забудь.

Но Хлоя знала, что не сможет.

Кенни провожал Екатерину домой, когда ему позвонил Брюс.

— О, привет, пастор, — сказал он. — Вот как раз сейчас я не могу говорить.

— Она рядом? — спросил Брюс.

— Как вы догадались?

— А зачем бы тогда ты стал мне звонить?

— На самом деле есть еще пара причин. Я позже перезвоню, пастор.

— Пастор? — переспросила Екатерина, когда Кенни закончил разговор. — Что за пастор?

— О, это просто старинный друг моих родителей.

— Брюс?

Кенни вспыхнул и кивнул.

— Мне нужно мнение постороннего человека по поводу того, как мне вести себя с Жоспенами.

Это, похоже, удовлетворило Кэт, и они поужинали вместе с ее родителями, открыто обсуждая свое будущее. Пока официально

они ничего не заявляли, конечно же, но уже разговаривали о том, как будут организовывать свой дом. Кенни хотел сделать официальное предложение в особо торжественной обстановке.

Тем вечером Рэйми созвал отряд Тысячелетия. Были видно, что Заки раздосадован.

— Ты по-прежнему дуешься из-за своего приятеля? — сказал Рэйми. — Я не понимаю тебя. У всех нас, за исключением Кенни, преображенные тела и разум, и ты до сих пор обижен тем, что мне пришлось сказать Касиму.

Заки покачал головой.

— У меня ощущение, что вы все сговорились против меня, и Касим чувствует себя так же. Я хочу официально заявить, что вы перегнули палку и что у вас нет права не допускать его на наши встречи.

— Он не в нашем отряде! — ответила Бахира. — Он никогда не состоял в нем, и Рэйми сразу дал понять, чтобы он не думал выступать от нашего имени, но он продолжал это делать! Он называет себя нашим специалистом по внедрению в «ИС»!

— Он просто пытался помочь!

Кенни помнил те времена, когда эти встречи были радостны и состояли в основном из молитв за нерешительных, до которых они так хотели достучаться.

— Я не могу сегодня задерживаться надолго, — сказал он. — Мне надо позвонить.

— Но ты сам предложил собраться.

— Да, и я очень благодарен. Мне кажется, что нам надо оставить обсуждение Касима и поговорить, что нам делать с Жоспенами.

— Пора действовать, — сказал Заки. — У тебя есть шанс подобраться к ним поближе и выяснить, что творится. Еще одно промедление или неверный шаг — и они вовсе перестанут тебе доверять.

— С этим поспорить не могу, — сказал Рэйми. — Бахира?

— Хотя я терпеть не могу соглашаться с братом...

— Эй!

— Шучу! Я согласна, что пора действовать.

— Полагаю, что мы даем зеленый свет, — сказал Рэйми. — Будь осторожен и держи нас в курсе.

— Конечно, — сказал Брюс. — Для меня это будет большая честь, Кенни. И я понимаю, что это дело деликатное — попытаться увязать твое венчание с венчанием твоих родителей. Но ты должен поговорить с Екатериной. У нее может быть своя идея на этот счет. Этот звонок должен был быть от нее. В любом случае я не обижусь.

Пока они общались через сотовые импланты, Кенни рассказал Брюсу все о ситуации с «Иным Светом» в Париже.

— А стоит ли овчинка выделки, Кенни? Разве это главная цель отряда Тысячелетия?

— Мы хотим знать, к чему они стремятся. Мы хотим опережать их. Мы их не боимся.

Они не смогут причинить вред нам или другим верующим. Наша миссия, наша цель — те, кто еще не сделал выбор.

— Пока это способствует вашей миссии, я с вами.

* * *

Утром в понедельник, когда Абдулла вышел из кабинета, чтобы принести любимую еду двум юношам, он спросил Мудавара, не против ли тот их разговоров с Сарсуром во время перерыва на еду.

— А почему вы меня спрашиваете? Он и так большую часть рабочего времени проводит рядом с вами. Но вы не беспокойтесь. Все в порядке. Понимаете, это шутка такая — верующий и оппозиционер работают вместе. Если подумать — то глупость страшная, но мне не смешно. На самом деле я использую вас. Я кое-что усвоил от вас — как лучше излагать нашу позицию, а кроме этого я не допускаю вас к более важным делам — не даю вам добраться до сердец и умов, до которых мы сами пытаемся достучаться. Но не думайте, что я позволю вам сидеть тут во всей красе, когда к нам придут посетители.

— Меня удивляет, что я пока ни одного еще не видел. Ради чего им приходиться сюда и почему тут пока еще ни одного не было?

— Они приходят сюда ради ежемесячного инструктажа по стратегии, и иногда у нас

бывают посетители из отделений в других частях света. И ваше присутствие здесь во время их визита запрещено!

— И когда же это будет?

— Пока еще не решено, но, поверьте мне, будет.

* * *

— Кенни, — сказала Хлоя, — я решила вызвать вас обоих, потому что знаю, что ты все равно рассказал бы Екатерине.

Они с Кэт переглянулись.

— Что я должен ей рассказать?

Хлоя положила анонимку на стол так, что оба смогли ее прочесть.

— О господи... — пробормотала Екатерина.

— Ну правда, мама! Ну почему ты траишь время на такую ерунду? Ты же сама понимаешь, что это чушь! Я люблю эту женщину и хочу жениться на ней! И ни в коем разе не желаю причинить ей зло!

— Я знаю. Извини. Я просто хотела, чтобы вы знали, с чем мне приходится иметь дело. Как вы думаете, кто способен на такое?

— Только Касим, — сказал Кенни. — Но Мэтти говорит, что он полностью исправился.

— Это правда, — добавила Кэт. — Он был настоящим джентльменом с тех пор, как я приступила к новой работе. И не думаю, что он прикидывается. Больше не исчезает, ког-

да нужна помощь. Выглядит так, словно он свернул с кривой дорожки и старается изо всех сил.

— А как насчет духовной части? — поинтересовалась Хлоя. — Теперь он больше говорит с детьми о Господе?

— Не могу этого сказать, но мы не так часто встречаемся в рекреации. К тому же сейчас все вроде бы как оставляют это для меня. И мне это нравится. У меня больше возможностей.

— Ладно, — сказала Хлоя, — но проповедь Благой Вести — наша главная задача. Потому мы и здесь. Я хочу, чтобы люди, которые работают у нас, даже в вашем отделе, заботились о сердцах и душах этих детей.

Они немного посидели молча. Наконец, Кенни сказал:

— Давай просто забудем эту анонимку, мама. Честное слово, не стоит тратить на нее времени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ясмин разрешила Абдулле показать ее письмо любому, кому он сочтет нужным, но он уже пожалел о своем обещании показать его Сарсуру. Оно было таким личным и, честно говоря, приносило боль...

Но все же если он мог как-то направить упрямое сердце к Господу, то выбора не оставалось.

Когда они с Сарсуром снова уселись напротив друг друга, выражение лица и поведение юноши было таким, как в первые дни их знакомства.

— Что случилось, сынок?

— Не знаю, — сказал Сарсур с набитым ртом, хотя по его тону было понятно, что знает. — Мне кажется, что будет честно сказать, что вы ни на йоту не изменили моего мнения. Вы интересный человек, и забавные истории я люблю, как и все. Но не думайте, что вы до меня докопались.

— Это честно. Но я не о твоём мнении забочусь, Сарсур. О твоём сердце. Этого и Бог хочет.

— Вы говорите прямо как мои родители.

— А они знают о твоей миссии, твоей работе?

Юноша покачал головой:

— Было бы жестоко им рассказывать. Они знают, что я неверующий, что у меня к Богу много вопросов и обвинений. Им и этого хватает. Не хочу забивать последний гвоздь в крышку их гроба.

— Но они-то не умрут, сынок.

— В точку.

— Но это правда! Они вошли в Царство, искупленные Господом, и хотя они и старятся, им обещана вечность с Господом. И из этого Царствия они перейдут в другое. Тебе сколько лет, Сарсур?

Молодой человек пожал плечами.

— Давай-давай, свой возраст все знают.

— Я на два месяца младше Мудавара.

— А ему сколько?

— Почти сто.

— Сарсур, давай не будем тратить время. Вам надо образумиться и прийти к Господу. Признать всю вашу дурь юношеским бунтарством и вернуться к истине, вы же сами все понимаете.

— Ничего такого я не понимаю!

— Скажем так — положим, что ты прав. Положим, несмотря на то что иносветовцы умирают в сотый день рождения, вы как-то сумеете передать свой факел через столетия по мере роста населения. В последнее сто-

летие Тысячелетнего Царствия вы соберете огромную армию, ладно, и вопреки всему, вопреки предсказаниям и пророчествам самого Слова Божьего, ваша сторона победит. И вот, положим, все, кто это планировал, создавал стратегию, все равно мертвы и находятся в аду, и у ваших вождей нет силы, чтобы вас воскресить. Переубеди меня.

— Ну, Люцифер вернется на свое законное место. Он будет царем, будет всем повелевать, будет на престоле.

— И унаследует силу Самого Бога?

— Ну да. А почему бы и нет?

— Да потому, что не получается так. Если он почти бог, почти таков же, как и Иисус, если он недооцененный такой, почему же он позволил сбросить себя с небес? Почему он не стал сражаться? Да потому, что у него не было силы для этого, и сила ему не будет дана, что бы ни случилось во время последнего столкновения. Только подумай — какова ирония! Ваша сторона побеждает, но вы все равно в проигрыше.

— Это чушь.

— Как и ваша тупая упертость на том, что вы победите. Вы не сможете найти ни единого пророчества в Библии, будь то Ветхий или Новый Завет, который не исполнился бы в точности, как было предсказано. Ни одного! И тебе хватает безрассудства говорить мне, что, когда дойдет до последнего момента истории человека как вида, какая-то горстка мятежников последнего тысячелетия вот так возьмет и все изменит?!

Сарсур встал и подошел к окну, отведя взгляд. Он отодвинул шторы и поднял жалюзи.

Абдулле пришлось сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

— И как видок? — сказал он. — Из подвала-то. — Он посмотрел следом за Сарсуром на кирпичную стену. — Хороший денек, не правда ли?

Сарсур быстро обернулся.

— Ладно, хорошо, я не такой умный и красноречивый, как вы, и не умею как следует излагать свои аргументы. А вот Мудавар умеет. Вам надо с ним спорить, а не со мной.

— О, друг мой, послушай меня. Проблема не в том, что ты не умеешь излагать аргументы. Проблема в том, что ты не прав. Когда я злился на свою жену, я был так же горд, как и ты. Я честно верил, что она ошибается и что я как-то смогу вернуть ее к здравому смыслу. Я был в бешенстве. Я был уверен в своей правоте, хотя моя жизнь шла вкривь и вкось.

Абдулла охватили эмоции. Губы его дрожали, голос стал глухим.

— Я почти опоздал увидеть это собственными глазами! Представь, что было бы, если бы я погиб в том хаосе, который последовал за Восхищением! Я бы погиб навсегда. Господь даровал мне милость отыскать письма моей жены, и я вспомнил, что она мне говорила. Сарсур, это твой шанс! Второго не будет. Если ты умрешь в сто лет, для тебя не останется надежды.

Сарсур вернулся к своему столу. Он рассматривал Абдуллу, словно бы изучал его.

— А почему вас это так волнует? Ну оставили бы меня с моей безнадёжностью, ошибками, моей — как вы это называете — дурью. Что я вам?

— Ты мне друг.

— Йа бек, я ваш враг. Я не согласен ни с единым вашим словом. Я смеюсь над вашим Богом. Я обвиняю Его. Я считаю, что Он во всем виноват!

— А мне велено возлюбить врагов моих и молиться за тех, кто смеется надо мной.

Сарсур покачал головой:

— И вы еще говорите, что это я дурак.

— Я не знаю, что еще тебе сказать, Сарсур. Если уж ты так уперся... — Абдулла тщательно сложил письмо Ясмин и стал укладывать его между страницами Библии.

— Дайте мне прочесть, — протянул руку Сарсур.

«Абдулла, я верю — и я уверена, что ты с этим согласен, — что Бог ненавидит разводы. Я не хотела этого, и не моя новая вера привела к распаду нашего брака. Это был твой выбор, но я признаю, что оставаться с тобой и позволять тебе влиять на наших детей также было для меня невозможно, пока ты относишься ко мне так, как сейчас.

Я знаю, что это письмо приведет тебя в ярость, хотя этого я тоже не хотела. Мы много раз говорили с тобой о различиях

между исламом и христианством, но, пожалуйста, будь ко мне снисходителен и позволь изложить мои мысли по порядку. Надеюсь, Господь поможет мне изъясниться как следует

Я не ожидаю, что ты вдруг увидишь истину за моими словами, но я молю, чтобы Бог открыл твое сердце и однажды явил Себя тебе. Как я не раз повторяла, разница между тем, что ты называешь “нашими религиями” в том, что у меня — не религия. Я пришла к выводу, что религия — это попытка человека угодить Богу. Я всегда была связана правилами, проявлением служения и добрых дел. Я, как могла, пыталась заслужить благосклонность Аллаха, чтобы в конце концов обрести рай на земле.

Но я никак не могла стать достаточно хорошей, Абдулла, и ты тоже, несмотря на то что ты много лет был для меня замечательным мужем. Это стало ясно после твоей необоснованной реакции на то, что я пришла к вере в единственного Истинного Бога и Отца Иисуса Христа. Для тебя я стала отщепенкой, несмотря на то что и ты сам отошел от догматов ислама.

Я уверена, что для тебя мое обращение в другую веру стало публичным унижением. Мне очень жаль, но я не могу скрывать свои настоящие чувства и веру, точно так же, как не могу просить тебя оставить полеты.

Позволь мне сказать еще раз: христиане верят, что Библия учит, будто все рождены во грехе и кара за грех — смерть. Но Иисус заплатил своей безгрешной жизнью и смертью, принеся себя в жертву за всех, кто верит. Абдулла, ты должен признать, что ты никогда в жизни не встречал совершенного человека, и мы оба знаем, что не совершенны. Мы грешны и нуждаемся в спасении. Мы не можем спастись сами, не можем себя изменить. Я очень воодушевлена твоей дисциплинированностью и твоими усилиями. Теперь ты больше похож на того человека, за которого я вышла замуж, но разве ты не понимаешь? Ты никогда не станешь достаточно хорошим, чтобы попасть на небеса, потому, что тебе придется стать абсолютно совершенным.

Однажды, когда ты будешь готов — а я надеюсь, что еще не будет слишком поздно, — просто помолись и скажи Господу, что ты осознаешь, что ты грешник, что ты раскаиваешься и хочешь быть спасенным. Проси Его руководить твоей жизнью. Грядет день, предсказанный Писанием, когда Иисус вернется в облаках и заберет всех истинно верующих в одно мгновение. Никто этого не увидит, кроме тех, с кем это случится. Те, кто останется, просто осознают, что все было правдой. Христиане по всему миру исчезнут. Я надеюсь, что это не

станет трагедией — хотя для нас, кто уйдет, это ни в коем разе не станет трагедией, — поскольку тебе придется забыть о гордости, разобраться в себе, унизиться перед Богом. Конечно, если это произойдет до того, как ты придешь к истинной вере, ты поймешь, что случилось. И прощения тебе не будет. Я просто молюсь, чтобы ты не лишился жизни в последующем хаосе прежде, чем успеешь уверовать — не в религию, а в личность. В Иисуса Христа.

С теплыми воспоминаниями и глубокой любовью молюсь за тебя.

Ясмин».

Сарсур вернул письмо Абдулле.

— И вы сделали то, что она просила? Уверовали?

Абдулла кивнул.

— И она вместе с вашими детьми исчезла? И вы не виделись с ними до тех пор, пока они не вернулись с небес? Мои родители точно так же встретились со своими друзьями.

— Сарсур, и кто мог это свершить? Как враг может надеяться победить такого Бога?

Молодой человек поджал губы и покачал головой.

— Мне надо работать, — сказал он. — Через несколько дней к нам прибудет делегация из Франции.

— Значит, все, Сарсур? Конец нашей дискуссии?

— Это была не дискуссия. Это была проповедь. Зачем вы тратите время на нас двоих? Почему бы вам не проповедовать массам? На свете куда больше колеблющихся, чем здесь, и эти люди наверняка более восприимчивы, чем мы, иносветники. Мы уж знаем. Они — наша аудитория, наша надежда.

— А моя надежда — ты, — сказал Абдулла. — Я здесь по воле моего Господа Христа, Который знает все лучше меня.

* * *

Екатерина расплакалась, узнав, что Кенни на несколько дней уезжает во Францию.

— Мне хотелось бы поехать с тобой.

— Мне тоже. Молись за меня, пока меня не будет.

— Я все время за тебя молюсь, любовь моя. Конечно, я буду молиться.

— Я слил Игнасу и Лотару кое-какую безвредную информацию о ЦДС. Я просто сказал им, где он находится, сколько у нас детей, сколько персонала и что сейчас самое большое событие — посещения библейских героев. Это на них не произвело впечатления. Игнас прислал тут же ответ, в котором говорилось: «Сообщи что-нибудь, чего мы еще не знаем. Что-нибудь, что неизвестно всем и каждому. И лично». Мне кажется, что он по-настоящему удивился, когда я сообщил, что буду у них завтра. Я уверен, что они уже начали подозревать меня.

* * *

— Знаешь, чего мне не хватает? — сказал Брюс как-то поздним вечером, когда они с Рэйфордом сидели у костерка в пустыне Негев. — Темноты.

Остальная команда спала в большом трейлере. Под лучами яркой, как день, луны от предметов тянулись черные тени.

Рэйфорд хмыкнул.

— Ты сам знаешь, что говорит об этом Библия. Люди любят тьму больше света, ибо деяния их темны.

— Да, и, сдается, я сам тебя этому учил, Рэй. И вот оно, зло. Я.

— Я понимаю, о чем ты, Брюс. Мне не хватает звездной ночи, чтобы уснуть. Но ты-то побывал на небесах. Разве ты устал от них?

Брюс покачал головой:

— Это совсем другое. И я не могу дожидаться, когда все книги будут открыты и все верующие пойдут туда. И пусть этот мир и это царство великолепны, они не выдерживают сравнения с царством будущего века.

Они долго разговаривали в ночи, строя планы на грядущие недели их миссии. Брюс рассказал Рэйфорду о звонке Кенни.

— Вот и скажи — кто бы мог подумать, что я буду повторно венчать вас самих, твою дочь и ее сына?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Кенни взял несколько отгулов, чтобы выполнить свою тайную миссию в Париже, но почти сразу же, как он туда прилетел, ему позвонила Екатерина и спросила, не может ли он вернуться и отложить поездку.

— Зачем? Что случилось?

— Твой отец только что сказал, кто следующим из героев посетит нас. Кенни, это твой любимец!

— Давид? Нет!

— Сам князь!

— Поверить не могу! И когда?

— Через пару дней.

— Я не планировал вернуться до субботы.

— Я знаю. Вот потому я и спрашиваю, не мог бы ты...

— Но я молился об этом, милая. Я знаю, что Господь хочет, чтобы я был здесь, и мне

кажется, что, если я пойду на такую жертву, Он как-нибудь устроит такую встречу для меня.

— Но как?

— Кто знает? Может, устроит мне аудиенцию с Давидом, как было с моим дедом. Думаю, когда-нибудь у меня будет сколько угодно времени, чтобы поговорить со всеми библейскими персонажами.

— Я понимаю, что ты прав, Кенни. И ты говорил мне, что Господь ценит послушание даже выше жертвы. Просто сейчас мне трудно, потому что я надеялась, что это известие заставит тебя вернуться ко мне.

— Я скоро вернусь.

— Да? Кстати, Кенни, этот визит Давида будет отличаться от всех прочих. Мы вообще никому ничего не сказали.

— Ты даже и мне не должна была говорить?

— Но ты же из персонала. Но мы не рассказывали ни детям, ни родителям, ни друзьям. С нас взяли слово хранить тайну. Тот священник, друг твоего отца, похоже, сказал ему, что если хоть один человек со стороны появится, то встречи не будет.

— И мы даже не знаем, когда это будет.

— Точного времени не знаем.

— Могу поспорить, Касим точно туда придет.

— Вообще-то он тоже взял отпуск до конца недели.

* * *

Абдулла тихонько постучал в дверь Мудавара.

— Да?

Он медленно отворил дверь.

— Извини, что вторгаюсь. Просто Сарсур упомянул, что скоро прибудет с визитом делегация и...

— И вы интересуетесь, не испариться ли вам?

— Напротив. Я хочу предложить свои услуги еще и им. Если они ваши друзья, то и мне они тоже друзья, и я готов сделать для них все, что им нужно.

— Да им ничего не нужно, Абдулла. И они мне не друзья. Это мое руководство. Более того, это мои наставники, те, кто вовлек меня в это дело. Я преклоняюсь перед ними и хочу произвести на них хорошее впечатление, и сейчас я не представляю, как смогу это сделать, если вы будете торчать в одном из моих кабинетов. Они приезжают через два дня, и если вы действительно хотите мне помочь, я хочу, чтобы к этому времени все эти помещения сверкали чистотой.

— С удовольствием помогу.

— А потом я хочу, чтобы вы убрались на пару дней. Чтобы и духу вашего тут не было. Чтобы на вашем столе ничего не осталось.

— А вот этого я не сделаю.

— То есть?

— Ты меня слышал, Мудавар. Повторю свое заявление от начала до конца. Я здесь

по приказу Господа Всемогущего. Ты можешь тешить себя иллюзией или обманом, что в какой-то момент гениального безумия ты позволил мне сюда войти. Но на самом деле так предопределил Господь.

— А вы не думаете, что я просто вышвырну вас отсюда?

— О, я знаю, что ты это можешь. Но ты знаешь, что я просто поставлю свой столик у твоих дверей и раскрою на нем Библию. Сяду там, улыбаясь, и буду приветствовать твоих гостей при входе и выходе. А ты сам знаешь, что людей тянет ко мне почему-то.

— Да! Просто из нездорового любопытства! Вы реликт, Абдулла, вот и все.

— Да что бы там ни было, меня слушают. А как только я завладею их вниманием, я начну говорить о Господе. А остальное — Его дело, я лишь недостойный Его сосуд.

— Вы чокнутый.

— Апостол Павел назвал бы меня безумцем Христа ради¹.

— Ну и что? Если вы, осел такой, будете торчать что внутри, что снаружи, я в глазах моих наставников буду выглядеть как идиот!

— Это, полагаю, в любом случае отразится на тебе. Ты не советовался со мной уже некоторое время, тогда как Сарсур был по крайней мере искренен...

— Вот этого я и боялся!

— ...но вот тебе, мудрому, совет: на твоём месте я бы выдал мое присутствие в твоём офисе за собственную идею, за проблеск

¹ 1 Кор 4 10

гениальности, за нестандартность мышления. И если тебе не удастся убедить свое начальство в том, что в этом есть выгода, что ты убедил меня сидеть здесь, вместо того чтобы пытаться агитировать вашу целевую аудиторию, то, видимо, ты не годишься для той роли, на которую назначен. Подумай об этом.

* * *

На следующее утро Кенни был в своем номере отеля в Париже, когда ему сообщили, что на ресепшне его ждет письмо. «Встреча через 30 минут, по адресу, указанному на обороте. И. и Л.».

Добраться туда общественным транспортом оказалось легко. Игнас и Лотар сидели за кованым чугунным столиком в уличном кафе и, когда он перешел улицу, приветственно закивали ему.

— Привет, ребята, — сказал Кенни, делая вид, что не заметил их унылых лиц.

— Садись, — произнес Игнас. — Ты с кем игры ведешь, а?

— Не понял.

— Не понял он. Ты на похоронах нашей кузины вел себя так, словно ты один из нас, ты писал нам по электронке, мы нифига от тебя не получили, хотя твой приятель Касим головой нам клялся, что ты с нами. Ты думаешь, сложно было узнать, что твои родители — *родители* — основали ЦДС? А теперь

ты пытаешься парить нам мозги, что ты на стороне «Иного Света»?

Попался. И что им сказать? Он молча взмолился. «Господи, теперь-то что делать?»

«Иди в атаку», — услышал он ответ в душе.

— Да думайте что хотите! — сказал Кенни. — Но какого хрена вы время мое тратили, вытаскивая меня сюда, чтобы просто сказать, что не верите мне? В других ячейках «ИС» полным-полно людей, которые мне *доверяют*. А насчет того, где я работаю — а где вы получите лучшую информацию?

Братья переглянулись, Игнас кивнул. Лотар достал компьютерную распечатку из кармана пиджака и огляделся по сторонам прежде, чем положить ее на стол. В ней был список работников ЦДС, их адреса и даже заработная плата.

— Видишь, что мы можем добыть и без тебя?

— Ладно, у вас есть список, который вы не должны иметь, но в нем нет ничего секретного. И что вы с ним будете делать? Начнете убивать всех по списку? Вы же знаете, что они неуязвимы, даже стареющие.

Игнас подался к нему, вздохнув и знаком показав Лотару убрать распечатку. Рыжий снова засунул ее в карман.

— Послушай, мы понимаем, что порой лучшее, что мы можем сделать, — это устроить неприятности. Мы хотим получить доступ к этим детям, к этим неокрепшим умам. Пока мы пытаемся достучаться до старших, твои родители и все в ЦДС промывают моз-

ги невинным душам, и они никогда не получают шанса услышать мнение другой стороны, если мы не постараемся. В настоящий момент мы стараемся устроить заваруху в их руководстве, чтобы они отвлеклись от своей миссии и дали нам шанс. Возможно, мы даже сумеем выдвинуть альтернативу. Теперь понял?

— Не до конца, но полагаю, что вы все продумали.

Игнас бросил взгляд куда-то за спину Кенни и тихонько помахал рукой. К ним подошла молодая женщина, необыкновенно похожая на Сандрийон.

— Это еще одна наша кузина, — сказал Игнас.

— Николетт, — представилась она, садясь. У нее был хрипловатый голос. — Рада познакомиться.

Кенни небрежно приветствовал ее.

— Она расскажет тебе, что происходит в некоторых других местах.

— В Мехико, — сказала она. — Наркотики, вечеринки, спиртное. Мы тихо распространяем наше послание, и дети, которые ощущают себя под гнетом родителей, или общества, или церкви, приходят пачками. Мы подписываем их на нашу рассылку и бомбим интеллектуальными доводами.

— Ты серьезно?

Все трое уставились на Кенни, подняв брови.

— А есть какая-то проблема, Уильямс? — сказал Игнас.

— Да, есть. Ты их заманиваешь выпивкой и травкой, а убеждать хочешь разумными доводами? И насколько разумными у вас получатся последователи?

— Ну а ты как бы до них докапывался?

— Начал бы именно с обоснований! Вы что, своих слушателей не уважаете? Вам не нужны люди с мозгами? Такими темпами, когда мы доживем до последнего столетия Тысячелетия, у вас будет банда тупых алкашей против армии Бога. Мозгами-то пошевелите.

На мгновение воцарилось молчание, но стало понятно, что им не понравилось, что их ругают.

— Ладно, — протянула Николетт, смерив взглядом братьев прежде, чем продолжить, — значит, тебе не понравится, что мы делаем в Турции.

— Так будь добра, расскажи.

— Гашиш.

— Блестяще. Это же самые лучшие новости, противник от этого прямо на месте со страху умрет! Вы спокойно можете смириться, сдаться и передать будущее в руки верующих. В последней битве им придется сражаться с обкуренными лузерами! Я прямо в восторге от того, как все обернулось! Я-то думал, что «Иной Свет» — это ученые, интеллектуалы, которые, обдумав все, пришли к альтернативному выводу, и что вы хотите не дать молодежи стать тупыми леммингами, которые следом за родителями прыгают с обрыва.

— Очень похоже, кстати, — сказал Игнас.

— Только вот они у вас с утеса падать не будут, а просто сами без чувств повалятся, и все.

— У тебя есть идея получше?

— Конечно! Верующих надо бить их же собственным оружием! Вырастить ярких, харизматичных, полных собственного достоинства молодых людей, которым общество верит, но которые не согласны с будущим. Разве это не более привлекательно для ваших потенциальных новобранцев, чем простая возможность получать через вас незаконный товар?

Лотар, прищурившись, посмотрел на Кенни:

— Но как ты это сделаешь? Как ты до них достучишься? Как мы можем сделать себя привлекательными?

— Это не должно быть так сложно. Если вы правы, то вы будете убедительны. И вы должны напирать на возраст ваших слушателей. Они ваши ровесники. И если они уже не уверовали, то, значит, они ищут, задают вопросы. Мыслят, желают воспользоваться своими мозгами. Они будут восприимчивы к посланию, которое направлено против остального общества. Быть революционером — это же романтично! Вы об этом подумайте.

Все трое сели, словно задумавшись, и Игнас, наконец, кивнул:

— Возможно, в этом что-то есть.

— Знаешь, — начал Лотар, — что-то такое делается в...

— ... в Иордании, — сказала Николетта. — Эти туповатые с виду ребята из Аммана.

— Ты здесь до субботы, да, Уильямс?

Кенни кивнул.

— Мы с Лотаром так или иначе собирались наведаться к ним на следующей неделе. Как насчет того, чтобы поехать вместе? Может, ты сумеешь их вдохновить.

— Я никогда не бывал в Иордании. Надо заполнить этот пробел.

В конце дня Мудавар вызвал обоих — Сарсура и Абдуллу.

— Ладно, — сказал он, — вот как мы сделаем. Когда придут иносветовцы из Европы, мы скажем, что я подобрал Абдуллу на улице, он показался мне полезным. Я взял тебя на слабо — кто будет более убедителен. И ты купился. И я ввел его в наш маленький круг, чтобы он не светился перед нашей аудиторией. То есть ты сейчас ровно там, где я хочу, чтобы ты находился.

— Им это покажется отличной идеей, моделью для остальных ячеек.

— Мне это нравится, — сказал Сарсур.

— А мне нет, — заявил Абдулла. — Но я сам подтолкнул тебя подумать о том, как поставить себе в заслугу мое нахождение здесь, а ты явно планируешь это сделать. Но — одно предостережение. Я не смогу постоянно врать. Если кто меня спросит, что я здесь делаю, я расскажу всю правду о том, как на самом деле обстоят дела.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Когда Давид, князь Иисусов и царь иерусалимский, вступил на территорию ЦДС, Кэмерон позвонил Хлое, и они тут же занялись делом. Весть быстро разошлась среди персонала, и надо было собрать всех детей и привести их в назначенное место.

— Мир вам, мир вам, — говорил Давид. — Благодарю, что пригласили меня, благодарю за ваше внимание. Под конец нынешнего дня у меня будет много дел в Храме, так что давайте я сразу же приступлю к рассказу. Начну с той поры, когда мне было столько же лет, что и вам. Вряд ли вы можете представить, какая была тогда моя жизнь, но мне было хорошо! Представляете, каково стеречь стадо и оберегать его от диких зверей? Я не знаю, почему Господь дал мне отвагу и силу, но так было. Мы, пастухи, как вы знаете, считались изгоями, и часто я таковым чувствовал себя

среди своих братьев, пока Господь меня не возвысил.

Я был младшим из восьми братьев, мы выросли в окрестностях Вифлеема, но мы были из низкого сословия. Воистину для подростка — да порой и для взрослого — ниже занятия и не сыщешь. Но я любил Господа всем сердцем и старался услужить Ему. Я научился играть на арфе и всегда воздавал славу Господу моему, как умел.

Я также научился быть сильным и храбрым, защищая овец от диких зверей. Я много дней ждал, когда смогу служить царю Саулу, как трое моих старших братьев. Как только наши самые ближайшие враги, филистимляне, собрали войска для битвы у Скохофа, что в Иудее, Саул и мужи Израиля, включая моих братьев, стали лагерем в долине дуба и выступили в боевом порядке против филистимлян. Представьте себе теперь: филистимляне стоят на одной стороне горы, а израильтяне — на другой стороне, и между ними долина.

Из рядов филистимлян выступил единоборец, по имени Голиаф из Гефа, ростом в шесть локтей и одну пядь. Из рассказа Ноя вы узнали, что такое локоть. Пядь где-то в половину локтя, так что в нынешних мерках Голиаф был ростом почти три метра!

Дети ахнули в один голос.

Давид рассмеялся.

— Поверьте мне, я-то знаю, поскольку его видел, а я ведь был тогда совсем мальчишкой! На нем был огромный медный шлем, он был

в чешуйчатой броне весом сто двадцать пять фунтов, то есть пятьдесят семь килограммов. Я сам столько в то время не весил! На нем еще были медные поножи, у него были меч, кинжал и копье с наконечником весом пятнадцать фунтов. При нем был и щит, причем такой здоровенный, что перед ним шел оруженосец, который этот щит нес.

Голиаф крикнул войскам Израиля:

— Зачем вышли вы воевать? Не филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне, если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам. Сегодня я посрамлю полки Израильские; дайте мне человека, и мы сразимся вдвоем¹.

Весь Израиль ужаснулся, даже говорили, что сам Саул был в ужасе и великом испуге, поскольку Голиаф в течение сорока дней выходил и кричал так, и никто не осмеливался выступить против него.

Как-то раз отец велел мне: «Возьми для братьев своих ефу сушеных зерен и десять этих хлебов и отнеси поскорее в стан к твоим братьям, а эти десять сыров отнеси тысяченачальнику и наведайся о здоровье братьев и узнай о нуждах их».

Я встал утром, поручил овец сторожу, и, взяв ношу, пошел, как приказал отец, и пришел к обозу, когда войско выведено было в

¹ Цар 17 8

строй и с криком готовилось к сражению. Я оставил свою ношу обозному сторожу и побежал в ряды и, придя, спросил братьев о здоровье. А когда я говорил с ними, единоборец, по имени Голиаф, филистимлянин из Гефа, выступает из рядов филистимских и говорит те слова. И все израильтяне, увидев этого человека, убегали от него и весьма боялись. И говорили они — если бы кто убил его, одарил бы того царь великим богатством, и дочь свою выдал бы за него, и дом отца его сделал бы свободным в Израиле.

Я ушам своим не верил. И хотя был почти ребенком, я сказал: «Что сделают тому, кто убьет этого филистимлянина и снимет поношение с Израиля? Ибо кто этот филистимлянин, что так поносит воинство Бога живого?»

Мой старший брат услышал мои слова и разгневался на меня: «Зачем ты сюда пришел и на кого оставил немногих овец тех в пустыне? Я знаю высокомерие твое и дурное сердце твое, ты пришел посмотреть на сражение».

Бывало ли, чтобы ваши старшие братья или сестры так одергивали вас? Я сказал: «Что я такого сделал?»

Я обернулся к остальным и сказал, что никто не смеет поносить воинство Бога живого. Ну, кто-то пошел и доложил Саулу, царь прислал за мной и спросил, что я хочу этим сказать. И я ответил: «Пусть никто не падает духом из-за него, я пойду и сражусь с этим филистимлянином».

Царь сказал мне: «Не можешь ты идти против этого филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей».

Но я сказал: «Я, твой раб, пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его. И льва и медведя убивал я, и с этим филистимлянином будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого. Господь, Который избавлял меня ото льва и медведя, избавит меня и от руки этого филистимлянина».

Тогда сказал Саул: «Иди, и да будет Господь с тобою». Он хотел облачить меня в собственные доспехи, но они оказались слишком велики для меня. Я снял их, взял свой посох, взял из ручья пять гладких камней и положил в мою пастушескую сумку и с пращей в руке выступил против филистимлянина.

Дети сидели, замерев, в мертвой тишине.

— Итак, гигант выступил вперед и начал приближаться ко мне, а перед ним шел его оруженосец со щитом. Представляете, что он подумал, увидев меня, невысокого мальчишку с румяным лицом? Он сказал: «Что идешь на меня с палкою и камнями? Разве я собака?» И он проклял меня своими богами. «Подойди ко мне, и я отдам тело твое птицам небесным и зверям полевым!»

Я ответил: «Ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя

во имя Господа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил! Ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя и сниму с тебя голову твою! И ныне отдам я трупы войска филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле! И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает Господь, ибо это война Господа и Он предаст вас в руки наши!»

Когда Голиаф подошел ближе, я побежал ему навстречу. Я достал из сумки камень и метнул его из пращи филистимлянину в лоб, так что камень вошел туда, и филистимлянин упал лицом на землю. Я победил его даже без меча!

Дети захлопали и завопили.

— Тут я подбежал и, наступив на филистимлянина, взял меч его и вынул его из ножен, ударил его и отсекал им голову его. Филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали. И поднялись мужи израильские и иудейские, и воскликнули, и гнали филистимлян до входа в долину и до ворот Аккарона. Вся дорога была усеяна ранеными и убитыми филистимлянами. И возвратились сыны Израилевы из погони за филистимлянами и разграбили стан их. А я взял голову филистимлянина и отнес ее в Иерусалим Саулу.

Дети снова завопили, но Давид успокоил их.

— Я много о чем мог бы рассказать, — сказал он, — о том, как царь Саул в конце концов обратился против меня, возненавидел

меня и пытался убить. О его сыне Ионафане, ставшем лучшим моим другом. О том времени, когда я совершил великий грех против Господа и в унижении и печали предавался раскаянию, пока Он не простил меня. Потом я стал царем Израиля, и в конце царствования моего я жил в доме своем, и Господь дал мне отдохновение от всех врагов моих. И сказал я своему пророку Нафану: «Вот, я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром».

Той же ночью, позже, Господь явился Нафану и велел ему сказать мне не строить Ему дома, где бы Он мог обитать. Он велел Нафану сказать мне: «Я не жил в доме с того времени, как вывел сынов Израилевых из Египта, и до сего дня, но переходил в шатре и в скинии. Я взял тебя от стада овец, чтобы ты был вождем народа Моего, Израиля и был с тобою везде, куда ни ходил ты, и истребил всех врагов твоих пред лицом твоим, и сделал имя твое великим, как имя великих на земле. И Я устрою место для народа Моего, для Израиля, и укореню его, и будет он спокойно жить на месте своем, и не будет тревожиться больше, и люди нечестивые не станут более теснить его, как прежде, с того времени, как Я поставил судей над народом Моим, Израилем; и Я успокою тебя от всех врагов твоих. И Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом.

Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставляю после

тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих, но милости Моей не отниму от него».

Потом Господь сказал Нафану обо мне: «И будет непоколебим дом твой и царство твое навеки пред лицом Моим, и престол твой устоит вовеки».

Как вы сами можете представить, я был потрясен. Я пошел и предстал пред лицом Господа, и сказал: «Кто я, о Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил?»

Теперь же, о чада, хочу я, чтобы вы встали, и я научу вас, как должно восхвалять Бога воинств, Иегову, Мессию.

Давид воздел руки и лицо к небесам и сказал:

— Что еще могу я прибавить пред Тобою? Ты знаешь раба Твоего! Господи! Для раба Твоего, по сердцу Твоему, Ты делаешь все это великое, чтобы явить всякое величие.

Господи! Нет подобного Тебе, и нет Бога, кроме Тебя. И кто подобен народу Твоему Израилю, единственному народу на земле, к которому приходил Бог, чтобы искупить его Себе в народ? Ты соделал народ Твой Израиль Своим собственным народом навек, и Ты, Господи, стал Богом его.

Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь — твердыня моя и прибежище мое,

Избавитель мой, Бог мой, — скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое.

В тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему воззвал. И Он услышал от святого чертога Своего голос мой, и вопль мой дошел до слуха Его. И воссел на Херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра. Он простер руку с высоты, и взял меня, и извлек меня из вод многих; избавил меня от врага моего сильного и от ненавидящих меня, которые были сильнее меня. Они восстали на меня в день бедствия моего, но Господь был мне опорой.

Он вывел меня на просторное место и избавил меня, ибо Он благоволит ко мне. Воздал мне Господь по правде моей, по чистоте рук моих вознаградил меня, ибо я хранил пути Господни и не был нечестивым пред Богом моим; ибо все заповеди Его предо мною, и от уставов Его я не отступал.

С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним — искренно, с чистым — чисто, а с лукавым — по лукавству его, ибо Ты людей угнетенных спасаешь, а очи надменные унижаешь.

Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою. Непорочен путь Его, чисто слово Господа; щит Он для всех, уповающих на Него.

Ибо кто Бог, кроме Господа, и кто защита, кроме Бога нашего? Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня.

Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои.

Жив Господь и благословен защитник мой! Да будет превознесен Бог спасения моего! За то буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду петь имени Твоему, величественно спасающий царя Своего и творящий милость помазаннику Своему и потомству его вовеки!¹

И когда Кэмерон, дети и все служащие подняли взгляд после молитвы, Давид исчез.

¹ Псалом 17.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Если не считать того, что Кенни Брюс Уильямс родился в старых Соединенных Штатах Америки и скитался вместе со своими мотавшимися по свету родителями во время Скорби, он почти все свои девяносто семь с хвостом лет провел в Израиле. Остальные, кого он знал, особенно члены его большой семьи, любили странствовать. Но его никогда не привлекала перспектива быть вдалеке от той самой страны, где физически присутствовал и царил Царь Царей и Владыка Владык.

С другой стороны, несмотря на все тревожения работы под прикрытием, Кенни понравился Париж. Конечно, исторический ландшафт не уцелел, но были предприняты попытки воспроизвести некоторые из самых знаменитых достопримечательностей — Эйфелеву башню, Лувр и даже несколько крупнейших соборов.

Перспектива поехать в Амман очень занимала Кенни хотя бы потому, что там родились и выросли его друзья Бахира и Заки, а также из-за смутных воспоминаний о местной культуре и кухне. Вряд ли ему придется повидать много того и другого, но, возможно, что-то в его путешествиях как-то поможет его работе с детьми в ЦДС.

Сидя в салоне самолета вместе с Игнасом, Лотаром и Николетт, Кенни впервые ощутил пристальные и даже гневные взгляды со стороны людей — по большей части, стареющих и некоторых преобразенных, которые опознали их альтернативную одежду как черту иносветовцев.

Кенни в своей жизни встречал мало негатива — конечно, время Скорби он едва помнил, поскольку все кончилось со Вторым Пришествием, когда ему было без четырех месяцев пять лет, — что он привык к улыбкам даже со стороны незнакомых. Но сейчас все было иначе. Его якобы соратники были мятежниками, неудачниками, изгоями. Они держались своим кружком, смотрели сурово и на чужой взгляд отвечали угрюмыми, злыми взглядами. Кенни понял, что сам он так просто не сможет, потому почти постоянно смотрел в пол.

Игнас, который сидел рядом с Кенни, большую часть двухтысячемильного полета что-то царапал в своих бумагах, которые, видимо, получил от различных глав ячеек «ИС» со всего мира. Но каждый раз, когда Кенни пытался в них заглянуть, Игнас прикрывал их и сердито косился на него.

Наконец, когда до приземления оставалось минут двадцать, Игнас собрал свои бумаги и наклонился вперед.

— С Амманом ситуация следующая. Мы там недавно, так что, хотя в тамошней нашей штаб-квартире у нас два самых блестящих новобранца, дел за ними числится немного. Они прикрываются названием Института теологического образования, но свободомыслие в Иордании вещь практически невиданная, потому они сидят тихо и ведут работу по преимуществу через Интернет. Они создают базу данных по людям, которые как минимум готовы задавать вопросы, так что мы хотим понять, как это работает. Честно говоря, мы подталкивали их к организации тайных встреч, куда ребята, которые сыты всем по горло и задают вопросы по положению дел, могли бы приходить и чувствовать себя сопротивлением. Мы советовали Мудавару — это новобранец, который пришел к нам через мой собственный международный блог и является нашим главным в Аммане, действительно одаренный парень, — предлагать им контрабандный товар. Но чем больше мы с Лотаром думали над твоей идеей, насчет широкой дороги, тем больше нам кажется, что это имеет смысл. То есть я не вербовал Мудавара, а он своего помощника при помощи наркоты, бухла, баб или чего бы там ни было еще. Как ты и говорил, мы взывали к разуму. И именно такие новобранцы нам и нужны. Короче, если мы пройдем все формальности и получим от них отчет о де-

лах, ты произнесешь им свою зажигательную речь, хорошо?

Кенни кивнул. Хуже и быть не может. Он-то пару дней назад всего лишь хотел уйти от подозрений. И сделал это так хорошо, что вдохновил их на другой подход к вербовке. И совершенно точно он не хотел отвечать за то, что к ним притекут новые массы отступников.

* * *

Кэмерон и Хлоя сидели в кабинете, разбирая послужные списки персонала.

— Странно, — сказал Кэмерон. — Касим Марид отсутствовал все три раза во время посещений героев Библии.

Хлоя подалась вперед, посмотреть на отчеты.

— Это какое-то совпадение, Кэм.

— Нет, это нечто большее. Каковы шансы? Впечатление создается такое, что он просто не хотел присутствовать при их визитах. Но кто же не хочет их видеть?

— Эй, — сказала она, — ты куда дел список персонала?

— Который?

— Ну, распечатку всех фамилий персонала с адресами.

— Ты же знаешь, что я в твоих файлах не роюсь, Хло. Ты же держишь копию на диске?

— Конечно, но никто не должен был иметь доступ к распечаткам. Кэм, неужели

нам придется ставить замки на двери? После сотни лет без происшествий!

* * *

Мудавар и Сарсур приятно удивили Абдуллу. Впервые со дня их знакомства они были чистыми и опрятными. Да, Мудавар по-прежнему лоснился от пота, тут уж ничего не поделаешь. Но он причесался, и его форма, как и у Сарсура, была чистой и отглаженной. Весь предыдущий день они убирали помещения и теперь осматривали кабинеты, чтобы не упустить ничего. Каждая стопка книг или бумаги была опрятной и ровной.

Абдулла понимал, что стал им еще ближе, помогая с уборкой.

— Могу сделать предложение? — спросил он.

— Конечно. А что? — ответил Мудавар.

— Ты же не хочешь, чтобы этот порядок показался искусственным? То есть ты же хочешь, чтобы твое начальство считало, что ты тут действительно работаешь, верно?

— Ну и?.. Мы не будем тут нарочно свинячить, чтобы создавать жилой вид.

— Нет, я просто хочу сказать, что когда они приедут, то не надо тут стоять, словно позируешь для школьных снимков. Вы должны заниматься каким-нибудь важным проектом.

— Хорошая идея. Когда они тут будут, Сарсур, води себя поживее. Не сиди, будто тебе делать нечего.

— Но я и так не буду сидеть! Что может быть важнее, чем принимать гостей?

— Да просто изображай бурную деятельность! А вы, старикан, — я еще не решил, что по вашему поводу говорить, — просто не отсвечивайте, пока не скажу. Понятно?

* * *

Еще один молодой человек и девушка — Игнас представил их как оперативников «ИС» из Аз-Зарки с северо-запада Аммана — забрали братьев Жоспен, Николетт и Кенни в аэропорту и усадили в простой белый фургон. Кенни поразило, как коллеги приветствуют друг друга. Он не увидел ни теплоты, ни искренней радости. Все было по-деловому.

— Кстати, — сказал Кенни, — я могу вернуться в Израиль прямо отсюда. Тут же не более сорока миль. Какой дорогой лучше отсюда ехать?

Водитель ответил:

— Я могу вас подвезти. В любом случае у нас есть дело в Вирсавии.

— Правда? — сказал Кенни. — Еще одна ячейка?

— Единственная в Израиле. Как сами понимаете, они там просто параноики. Прямо на вражеской территории.

— Вы можете меня подбросить поближе к дому, но, как понимаете, я не хочу светиться.

— Это нам как дважды два, — сказал водитель. — Подбросим куда скажете.

* * *

Когда Абдулла услышал громкий стук, они с Мудаваром и Сарсуром немедленно бросились к мониторам телекамер, чтобы посмотреть на посетителей.

— Это братья, — сказал Мудавар, — а девушка, наверное, та самая, о которой они мне рассказывали. Остальных я не знаю.

— Открыть? — спросил Сарсур.

— Выдохни, парень, — ответил Мудавар. — Не надо слишком спешить.

Абдулла замер. Что делать? Куда спрятаться? Если глаза его не обманывают, это сын Кэмерона и Хлои, Кенни! Что это может означать? Он бросился к своему столу, сунул Библию, бумаги и прочие личные вещи в сумку и быстро подошел к передней двери. Когда Сарсур ее открыл, Абдулла спрятался за дверью и, когда было покончено с формальными представлениями, выскользнул наружу.

Он поднялся по ступеням на улицу и пошел к себе домой, охваченный необъяснимым страхом.

Через несколько минут он расхаживал по маленькой комнатке, а Ясмин упрашивала его присесть.

— Не могу! — отвечал он. — Просто не могу. Я же знал этого милого мальчика с самого рождения! Что мне делать с этой информацией? Спросить его родителей? Или я должен рассказывать им?

— Сначала тебе лучше до конца в этом удостовериться, Абдулла. Или ты не сомневаешься?

— Это он был, он! Я мельком увидел его живую и услышал голос. Никаких сомнений.

— Странно.

— Более чем странно, Ясмин. Это катастрофа, и последствия будут страшными.

— Спроси Бахиру и Заки. Они его друзья.

Абдулла передал сообщения на телефоны обоих ребят, попросив их перезвонить ему в конце рабочего дня.

— Ясмин, как звали их внедренца? Он должен знать. Возможно, Кенни связан с ним.

— Да, именно так! — Ясмин стала искать контакты Касима Марида. Нашла.

Абдулла позвонил ему.

— У меня к тебе очень деликатный вопрос, господин Марид. Если ли в «ИС» еще один человек из отряда Тысячелетия?

— Наш человек где? — осторожно спросил Касим.

— Не прикидывайся. В «ИС», конечно же.

— А почему вы спрашиваете? И о ком вы говорите?

— Да перестань! Если знаешь, то скажи.

— Ладно, но прежде всего я вынужден просить вас поклясться хранить тайну.

— От кого?

— От всех! От ваших друзей, даже детей. Могу я на вас в этом смысле рассчитывать?

— Если это касается безопасности человека, о котором я говорю, то да, конечно.

— Я могу быть уверенным, что вы не будете ни с кем об этом говорить, пока я не скажу?

— Да, да, конечно!

— Да, я бы сказал, у нас был еще один человек, это так.

— Какое облегчение! Это?..

— Пожалуйста, никаких имен кроме как при личной встрече. Плохо то, что этот человек, как я только что узнал, предал нас.

— Предал?

— Сейчас он полноправный член «ИС». Он полностью купился на их философию.

— О нет!

— Это печально, но правда. Сейчас я занимаюсь ликвидацией последствий. Сделаю, что смогу, и должен вам сказать, чтобы вы держали ухо востро. Пожалуйста, еще раз повторите, что вы никому ни единым словом не обмолвитесь. Пока снова не поговорите со мной.

Абдулла едва мог говорить.

— Даю слово, — проговорил он.

Амманская штаб-квартира «Иного Света» выглядела достаточно внушительно, подумал Кенни, хотя ее хозяева казались до-

вольно странными. Игнас расписывал их как сообразительных, но они казались, скорее, подобострастными. Главный, толстый парень Мудавар, прямо вился вокруг Игнаса, порой останавливаясь, чтобы перевести дух — так быстро он говорил.

Игнас остановился по ходу осмотра и посмотрел на чистый стол в углу третьей комнаты.

— Тут кто-то работает? — спросил он.

— О... да... то есть нет. Никто. То есть иногда у нас бывают специальные проекты, понимаете. Я работаю здесь, когда мне нужно побольше места. И тебе тоже, Сарсур, разве не так?

— Что?

— Что ты работаешь здесь, когда нужно побольше свободного места. Мы держим этот стол свободным для... сам знаешь. Ты ведь работал здесь? Верно?

— Давно. Но с тех пор как...

— Я поставил этот стол здесь недавно для одной из моих ночных работ с письмами. И Сарсур здесь тоже работал... по крайней мере, прежде. Недавно.

Наконец, свита Игнаса забилась в кабинет Мудавара. Кто-то сел в кресло, кто-то на стол, остальные подпирали стенки. Игнас попросил Мудавара сообщить им, как продвигаются дела по набору новых новобранцев и как продвигается их стратегия, затем напомнил, что «Кенни здесь единственный из наших двух оперативников, внедренных в районе Иерусалима. Ячейка в Вирсавии

обладает реальным потенциалом, но это требует времени».

— Кенни имеет интересные идеи по поводу привлечения новобранцев, которые я хотел бы вкратце вам изложить не потому, что вы в этом нуждаетесь, и не потому, что вы действуете неверно. Напротив, вы в этом отношении действуете даже успешнее нас, и мы не понимали этого, пока Кенни нам не указал.

Мудавар просиял:

— Правда?

— Да. Кенни?

— Что же, я только что сказал Игнасу и остальным, что, на мой взгляд, лучшей стратегией привлечения юных душ, недовольных нашим обществом, является не попытка заманить их на вечеринку, чтобы поймать на крючок нелегальщины и наркотиков. Нам нужны их умы, и вот это должно стать нашей целью...

В течение нескольких минут все оживленно делали заметки, а Кенни переживал мощный когнитивный диссонанс. Он понимал, что должен продолжать в том же духе, чтобы не выдать себя, но он никогда себе не простит, если его совет окажет тот самый эффект, которого так жаждет «ИС», — создание лучшей, более хитрой сети из более умных последователей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Кенни был счастлив, как никогда, попав домой на день раньше, чем рассчитывал. Он знал, что и Екатерина будет довольна. Он надеялся застать ее врасплох и подождать ее у нее дома, когда она вернется с работы.

Но он был ошеломлен, когда ее родители встретили его более чем холодно. Они были мрачны, делали вид, что заняты. Кенни не терял оптимизма, радуясь изменению в своем расписании, которое позволило ему прийти сюда.

— Что-то не так?

— Ну, мы не в курсе, — сказал господин Ристо. — Екатерина была очень обеспокоена, сказала, что мистер Стил собрал срочную встречу какой-то вашей маленькой группы и попросил ее прийти.

Кенни чуть не выпалил название отряда Тысячелетия, но его удивило, что Рэйми

пригласил Екатерину. Что такое случилось, почему Рэйми ничего ему не сказал? Рэйми знал, что Кэт известно об отряде, потому что Кенни сам ей рассказал.

Супруги Ристо качали головами.

— Мы этого не понимаем, знаешь ли, — сказал отец Екатерины. — Весь этот период должен быть стать временем мира и спокойствия. Я не знаю, чего хочет эта ваша маленькая группа, но ничего хорошего, наверное, раз требуются чрезвычайные встречи, о которых ее члены — конкретно ты — ничего не знают и на которые зовут посторонних людей — конкретно Кэт, после чего она находится в диком беспокойстве. Она и так была на грани срыва из-за твоего отъезда. Теперь что?

— Я не знаю, но выясню. Спокойствие Кэт — моя главная задача, так что я все выясню, как только смогу.

По дороге домой Кенни пытался всем дозвониться, начав с Екатерины. По ее номеру он услышал автоответчик, так же как по номерам Рэйми, Бахиры и Заки. Наконец, войдя в дом, он сумел дозвониться до матери.

— О, Кенни! Ты где?

Он ответил.

— Что происходит, мам?

— Сама бы хотела знать. Похоже, наш кабинет взломали.

— Что ты хочешь сказать?

— То, что такие нелепости, как поддельный отчет о работе Кэт и та идиотская анонимка о тебе могли прийти откуда угодно по

внутренней почтовой сети. Но кто-то украл список нашего персонала, а теперь у нас еще одно дурацкое сообщение.

Значит, тот список, который Кенни видел в Париже, не был результатом компьютерного взлома — кто-то дал им настоящую распечатку. Он даже не хотел говорить об этом матери.

— Что за дурацкое сообщение?

— Это такая бомба, что я даже не буду пытаться рассказывать тебе об этом по телефону, только лично. Мы с папой можем увидеться с тобой сегодня вечером?

— Да, конечно, но я сейчас ищу Кэт. Она, полагаю, на собрании отряда Тысячелетия, но где — я не знаю.

— Ты не знаешь? Тогда просто позвони Рэйми и...

— Я, по-твоему, не подумал об этом сразу? Ладно, давай о сообщении.

— Я сказала, что это не телефонный разговор.

— Ты хотя бы скажи, о чем оно?

Она помолчала.

— О тебе. Но сейчас я только это и могу сказать.

Кенни бросил вещи у себя в комнате и тут заметил кое-что странное. Кто-то отодвинул стул от компьютерного стола. В этом Кенни был педантичен. Он всегда придвигал стул, и мышка всегда оставалась в одном и том же положении. Она тоже лежала не так.

Он снова попытался всех обзвонить. Не могли же они взять и отключить свои теле-

фоны просто так! Они не хотят с ним говорить? Почему? Они даже не могли знать, что он прибудет домой раньше, иначе его позвали бы на собрание. Или нет?

Отчаявшись от беспомощности, он пошел к бистро «Долина». Отряд не всегда встречался там, но стоило попытаться. По крайней мере, Кэт знала это место, и, возможно, они ради нее собрались именно здесь.

Кенни нашел их в задней комнате, и там, паче чаяния, оказался и Касим Марид. Кенни сразу же понял, что что-то не так. Рэйми был бледен и мрачен. Заки был словно контуженный, как и Бахира. Касим явно не ожидал увидеть Кенни, но, конечно, Кенни прежде всего интересовала Екатерина. У нее было красное лицо и распухшие глаза. Как только она его увидела, она схватила несколько листов, и ему показалось, что в руках у остальных были такие же. Она бросилась прочь из бистро.

Кенни кинулся за ней, но она бежала быстро.

— Кэт! — крикнул он. — Подожди хоть минутку!

Она остановилась, обернулась, показывая на него.

— Я не желаю разговаривать с тобой, Кеннет Уильямс! Я даже видеть тебя больше не желаю!

Он шагнул к ней.

— Кэт, подожди! Я должен знать...

— Не смей! — воскликнула она. Отвернулась и пошла прочь.

Кенни, шатаясь, вернулся в бистро и вошел в заднюю комнату.

— Я хочу знать, что происходит, — сказал он. — Прямо сейчас.

Только Бахира смотрела ему в лицо. И была она бледнее смерти.

— Мы тебя разоблачили. Все кончено, — сказала она.

— Разоблачили?

Рэйми поднял взгляд.

— Мы знаем, кому ты на самом деле служишь, — сказал он. — Можешь больше не играть.

Кенни упал в кресло, которое освободила Кэт.

— Я слушаю, — сказал он. — В чем вы меня обвиняете?

— Можешь взять мой экземпляр, — печально сказал Рэйми. — Больше мне нечего сказать. — Он пододвинул листок к Кенни и встал. Остальные тоже встали. — Прочти, и если тебе будет что сказать, ты знаешь, где нас найти.

— Хорошо, но?..

— Мы уходим, Кенни. Дальше дело за тобой.

— Мы что, не можем об этом поговорить, что бы там ни было?

Рэйми покачал головой. Остальные ушли.

— Не сейчас. Не тот момент.

Кенни взял листки и посмотрел на первую страницу. Подошла официантка и спросила, не хочет ли он чего-нибудь заказать.

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б ДЖЕНКИНС

Он сумел только помотать головой, читая отчет, датированный тремя дня раньше.

«Игнасу Жоспену, исполнительному
директору
Международной организации “Иной
Свет”

Париж, Франция

От оперативника 88288 Кеннета Брю-
са Уильямса

Израиль

Ответ: О ходе дел

Во-первых, Игнас, я очень рад был увидеться с тобой и твоим братом, несмотря на печальные обстоятельства смерти вашей кухни. Мы слишком давно не виделись, а личное общение никогда не заменит переписки, особенно когда нас связывают такие узы.

Я с нетерпением жду встречи с тобой и Лотаром в Париже и заранее благодарен тебе, что снова смогу увидеть прелестную Николетт. Иначе мне было бы по ночам так одиноко в чужом городе, особенно таком красивом, как ваша столица.

Ты будешь рад узнать, что мои родители в полном неведении. Хорошо, что они настолько наивны. Не сомневаюсь в их искренности, но слепая преданность родителей-верующих своим отпрыскам позволяет с легкостью их обманывать. Моя недалекая матушка по-

прежнему уверена, что я разделяю ее веру и талдычит, что “привела” меня к Иисусу. Ладно, матушка, думай так, если хочешь.

Я уверен, что распечатку ты получил. Моя мать беспокоится, что надо поставить замки на двери — но что я имею доступ в ее кабинет, ей никогда в голову не придет.

Мой дядя Рэйми ничего не подозревает. Я уверен, что он в курсе ситуации с Ристо, и знает о последнем обвинительном анонимном письме. Им даже в голову не приходит, что оба документа состряпал я сам.

Не бойся, твои страхи насчет новой подружки безосновательны. Это не Николетт, но она довольно мила и еще наивнее моей матушки. Ее родители — неотесанные черножопые, которые целуют землю, по которой я хожу. Ее папаша некогда был рядовым торговцем, а мамаша — клуша и домоседка. Они не будут помехой. Я, возможно, даже пойду на брак с этой девицей, что еще больше облегчит мою работу в ЦДС. Она из другого отдела, что расширит мне поле действия.

Я сгружу другую важную информацию, когда приеду. Разогрей для меня Николетт. Скоро буду.

С вечной верностью “Иному Свету”,
КБУ».

Кенни чуть не стошнило. Как можно оправдаться против такого тщательно подготовленного, убийственного документа? Он сгреб листки и встал. Его шатало, он

чувствовал себя совершенно одиноким. Сегодня вечером к нему придут родители. Это было глотком свежего воздуха. Они не поверят ни слову обвинения!

Но кто же мог такое написать? И где они взяли информацию? Эти все тонкости, подробности — от них только хуже становилось. И все же это было настолько целенаправленно, что Кенни удивился, что никто этого не заметил. Ведь почти каждая строка обвиняла его.

Кенни, естественно, никогда в жизни не сталкивался с таким кризисом, но в прошлом, когда ему выпадали мелкие, смешные неприятности, он первым делом бежал к матери, затем уже к Рэйми или отцу. К кому ему обратиться сейчас? По этому документу они знали только то, что он — предатель. Вряд ли хоть кто-то не поверил.

— Господи, теперь у меня только Ты остался, — молился Кенни по дороге домой. — Пожалуйста, скажи, что Ты все еще со мной.

Он чуть не разрыдался от облегчения, ощутив спокойствие, которое мог даровать один Иисус, но по-прежнему он и понятия не имел, как из этого всего выбраться.

А что это за машина выехала из-за угла впереди? Вроде тот самый фургончик, что доставил его в Израиль. Когда он остановился, развернулся и поехал к нему, Кенни удивленно остановился. Стекло опустилось, и из окна машины выглянула Николетт.

Кенни захотелось удрать, крикнуть, чтобы она держалась от него подальше, но он

не мог раскрыться, пусть даже они стояли за попыткой уничтожить его.

Она выскочила из фургона и подбежала к нему.

— Мы пропустили поворот, — сказала она. — Игнас захотел, чтобы мы летели из Тель-Авива.

— Возвращайтесь тем же путем, — сказал Кенни, у которого голова по-прежнему шла кругом, и этого скрыть он не мог. — Выедете на главную трассу до Тель-Авива и аэропорта.

— Ты просто молодец, — сказала Николетт, целуя его в щечку.

— Да-да, встретимся, — сказал Кенни, осознав только тогда, когда она отстранилась от него, что из окна высовывается Лотар, фотографируя их поцелуй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Кэмерон Уильямс с застывшим взглядом, мрачный, сидел в комнате Кенни. Хлоя плакала. Он не знал, что и думать. Его сын все отрицал, виновен он был или нет. По общему признанию, документ, который, как утверждал Касим Марид, был им похищен из стола Игнаса Жоспена в Париже, содержал в себе столько вопиющих обвинений, что он легко мог оказаться подставой. Но кто мог такое сделать и кто мог знать столько подробностей, чтобы его состряпать?

— Я ни на йоту не сомневаюсь, что за всем этим стоит Касим, — говорил Кенни. — Но как мне это доказать?

— Можешь называть меня типичной мамашкой, — ответила Хлоя, умоляюще глядя на Кэмерона, — но я ему верю.

— Конечно, да и мне хотелось бы верить.

— Хотелось бы, папа? Для тебя недостаточно моего слова? Ты всегда учил меня жить так, чтобы, если кто-то в чем-то меня обвинит, никто не поверил бы ему. Так что я такого сделал, как я жил, что никто, кроме моей матери, мне не верит?

— Да, Кэм, — сказала Хлоя. — Это хороший вопрос.

Кэмерон вздохнул.

— Возможно, я знаю то, чего не знаешь ты, Хлоя.

— Великолепно! — воскликнул Кенни. — Есть что-то еще?

— Мне сегодня позвонил Абдулла. Он был в шоке. Он сказал, что видел тебя в штаб-квартире «ИС» в Аммане, Кенни.

— Что? А он что там делал?

— Значит, ты там все-таки был? — сказала Хлоя.

— Конечно был! Разве здесь всем и каждому не известно, где я был и что делал? Я работал под прикрытием, внедрялся в «ИС».

— И... — начал Кэмерон.

— О нет, пап. Что еще?!

— Касим предоставил распечатку записки в ЦДС. Мы с Рэйми проверили ее с компьютерным техником. Она была отослана с твоего компьютера, Кенни.

Кенни просто сидел, качая головой.

— Но должно же быть объяснение, — сказала Хлоя. — Кенни, я хочу его услышать!

— А что мне сказать, мама? Это был не я. Ты же знаешь, что здесь мы никогда не запираем дверей. Это мог сделать кто угодно.

Кэмерона раздирали противоречия, как никогда с момента Второго Пришествия. Как же ему хотелось поверить Кенни! Но свидетельства против него продолжали громоздиться.

— К кому мне осталось обратиться, папа? Могу ли я в этом случае предстать перед судьями?

— Только если кто-то обвинит тебя в преступлении. Кто-нибудь это сделал?

— Если бы это сделал Касим! Только он выигрывает от обвинений.

— И в чем же?

— Он опорочил меня. И отнял у меня Кэт.

— Кстати, где Екатерина? — спросила Хлоя.

— А как ты думаешь? Где угодно — только не здесь. Она не отвечает по телефону, не желает меня видеть. Я не должен ее винить, но мне казалось, что мы достаточно знаем друг друга.

— Хорошо, — сказала Хлоя, — но то, что ты пишешь о ее родителях...

— Да *не писал* я этого! Я люблю ее родителей. Послушайте, тут есть кое-что еще, и мне нужна ваша помощь. — Кенни рассказал о Николетт и снимке, который сделал Лотар. — Я знаю, что они подкинут его Кэт. Раз уж я не могу к ней подойти, может, вы ее предупредите?

— Не знаю, — сказал Кэмерон.

— Конечно, предупрежу, — ответила Хлоя. — И она хочет знать, что теперь будет с работой. Я заверю ее, что она может приходить и не опасаться встретиться с тобой.

— Почему это? Вы тоже считаете меня виноватым?

— Считай это временным отстранением от должности, — сказал Кэмерон. — Пока мы все не выясним.

— И что мне делать, папа? Пройти тест на детекторе лжи? Ты же знаешь, что будет, если все это правда. Я отступник, я неверный. Это означает, что я умру, когда мне исполнится сто лет, и пойду в ад. Ты действительно веришь, что я таков?

— Нет, — ответил Кэмерон. — Нет. Но я не знаю, что делать с твоей репутацией сейчас или что противопоставить всем этим свидетельствам.

Они долго сидели молча. Наконец, Кенни заговорил:

— Мне кажется, что все, кого мы знаем, все, с кем работаем, все мы имеем больший доступ к духовной силе, чем прочие. Если все, кто работал с тобой, верил в тебя и помогал тебе, объединятся в молитве, то Иисус не даст несправедливости победить. Что скажете?

Кэмерон и Хлоя переглянулись. Затем Кэмерон обратился к сыну.

— Но им придется все узнать, Кенни. Им придется увидеть все эти свидетельства.

— Папа, мне нечего скрывать. Что я теряю? Я верю, что Иисус с нами, что Он на Своем престоле и что ложь будет открыта. Я готов ко всему.

Но в ту ночь Кенни не мог уснуть. Он сел за компьютер и составил письмо отряду Тысячелетия. Копию отправил Екатерине.

«Дорогие друзья, вы не можете знать, через что мне пришлось пройти. Но, возможно, сумеете представить. Попробуйте поставить себя на мое место, будучи совершенно невиновным. А я невиновен. И вы это знаете. И я с самого начала заявляю об этом официально. Я признаю, что я уязвлен, что я глубоко задет тем, что вы считаете меня предателем. Думаю, все, что я могу сейчас сделать, — это потерпеть годика два до моего столетнего юбилея. И когда я после своего дня рождения останусь жив, вы поймете, что я верующий, что я принадлежу Христу, и хотя я несовершенен — поскольку я стареющий, — это не моя вина».

После отправки письма Кенни стало не сильно лучше, потому он написал Екатерине отдельно.

«Моя любовь, я могу лишь представлять, каким лживым и пустым покажется тебе сейчас мое письмо. Ты уверена в моей вине, и я не знаю, как мне оправдаться. Возможно, в глубине твоей души еще осталась любовь ко мне, которая тоскует по всему, что было у нас с тобой и жаждет верить всему, как говорит Библия.

Кэт, я полюбил тебя почти с первого взгляда. Я даже не помню, да и не хочу вспоминать жизнь до встречи с тобой. Я благодарю Бога каждый день и жду

того великого дня, когда мы поженимся и сможем провести вместе всю нашу оставшуюся жизнь.

Пожалуйста, сделай для меня нынешним вечером одолжение — прочти главу о любви из Первого послания апостола Павла Коринфянам, 13-ю главу. И поскольку тебе сейчас тяжело и больно, я понимаю, что и эти слова могут показаться тебе пустыми, но я хочу, чтобы ты знала — когда в будущем откроется правда, я не буду пенять тебе, что ты мне не верила. Мне хочется думать, что я сам не поверил бы таким обвинениям против тебя, какими бы убедительными они ни казались, но я не уверен. Как бы то ни было, я прощаю тебя, так что пусть ничто не мешает тебе вернуться ко мне. Что бы ни случилось, ты всегда останешься моей любовью навеки, и другой у меня не будет.

Твой всей душой,

Кенни».

Потом он лежал на спине с открытыми глазами, глядя в потолок. Он не понимал, почему ему так отчаянно надо уснуть, хотя утром ему не надо было идти на работу. Наконец, он встал и взял свою Библию, снова лег и начал читать тот отрывок, который просил прочесть Екатерину.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан.

А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше».

Кенни плакал. Он жаждал небес, где Иисус обещал отереть все слезы с его глаз.

— Господи, Ты нужен мне, — сказал он. — Мне нужна Твоя помощь.

«Я всегда с тобой, до скончания времен».

И наконец, Кенни смог задремать.

* * *

Прежде чем прийти в штаб-квартиру «Иного Света» в Аммане на другое утро, Абдулла позвонил туда.

— ИТП, — ответил Сарсур.

— И тэ дэ, — сказал Абдулла. — Ваши гости уехали? Я могу вернуться?

— О, господин Абданех! Да! Вы даже не представляете, насколько Мудавар хочет вас увидеть! Он так вам благодарен за то, что вы согласились вчера выполнить его просьбу и не дали попасть в неловкую ситуацию. Из всего, что вы для нас сделали, это самая большая услуга! Короче, возвращайтесь, будьте добры!

* * *

Когда Кенни проснулся, он не чувствовал себя выспавшимся, но по-новому смотрел на все. Как будто Господь во время сна говорил с его сердцем. Это было странное ощущение — такое, которое людям вроде него никогда не понять, не пройдя через испытание подобное

тому, которое он проходил сейчас. Он начал понимать — хотя весьма отдаленно и ни в коем разе не в такой степени, — каково было Иисусу, когда Его предали и оставили все Его друзья. Конечно, над Иисусом насмехались, плевали в Него и били, надели на голову терновый венец и предали смерти. А Он был более чем невинен. Он был совершенен, безгрешен. Кенни, вне всякого сомнения, о себе такого сказать не мог, но он знал, что сможет пережить этот день. Его душу терзало чувство потери любимой, он мог лишь молиться о том, чтобы правда и время шли об руку и чтобы, в конце концов, Екатерина вернулась к нему.

Между тем у Кенни возникло ощущение, что Господь вселил в его душу необходимость не тратить времени зря. Защищаться и упиваться жалостью к себе — это делу не поможет, и Иисус такого не делал никогда. Хотя Кенни и не был голоден, он заставил себя собрать свежих фруктов и овощей и съесть их с хлебом и вином. Обычно эта щедрость Господа его радовала, и хотя он был благодарен за пищу, сейчас ел он только потому, что это было необходимо. Ему нужны были силы, чтобы действовать правильно, и он хотел заполнить свое время — до своего оправдания, конечно же, — какой-нибудь работой на благо Царствия.

Сегодня он будет составлять планы, писать и составлять учебный курс для того, чтобы лучше преподавать Библию своим юным подопечным в ЦДС, стать для них лучшим наставником — он молился, чтобы на-

стал день, когда ему снова доверят опеку над ними. Только Бог сможет помочь ему сосредоточиться на работе и не думать о Екатерине и своих проблемах.

* * *

Впервые с того момента, как Абдулла начал свою странную миссию в Аммане, его встретил тепло не только Сарсур, но и Мудавар. Последний даже выскочил из своего кабинета, улыбаясь во весь рот, и пожал руку Абдуллы обеими руками.

— Зайдите ко мне на минутку, господин, — сказал Мудавар. — Садитесь. Должен вам сказать, что я не понимаю вас. Я не согласен с вами. Вы должны быть моим врагом, и во многих отношениях вы и есть мой враг. Но вчера вы сделали мне одолжение своим отсутствием. Должен сказать, что я вряд ли оказал бы вам такую же любезность и от вас ее не ожидал. Более того, вы предупредили меня, что ничего подобного не сделаете. На самом деле, когда я под конец дня провожал моих гостей до их машины, я ожидал, что вы будете сидеть перед нашими дверями, готовый опозорить меня. Теперь скажите мне — почему вы так не сделали и где вас носило?

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

То уникальное пасторское поручение, которое Господь возложил на Рэйфорда и его друзей в Осазе, шло намного глаже, чем любой другой проект, который помнил Рэйфорд, но сам факт, что пришлось отправиться в эту миссию, постоянно не давал ему покоя. Может, он ошибся, поверив, что этот период, это Тысячелетнее царство с Иисусом на престоле, должно быть временем полнейшего мира?

Все, очевидно, было не так, как прежде. Но хотя и казалось, что в каждом городе, деревне, отдаленном поселении люди горячо жаждали услышать слово Господа и сотрудничать с теми, кого Он прислал, отчаянно желали, чтобы их молодежь сделала выбор в пользу Христа, посещение ангела — Ани-са — и вдохновляло и в то же время смущало Рэйфорда.

Если Сам Господь сейчас у власти, то зачем Рэйфорду и его маленькой команде нужен арьергард? От кого их надо защищать?

Засуха и голод, возникшие в результате непокорности Египта, повлияли на всех. И потому везде, куда шли Рэйфорд и остальные, все менялось почти по мановению руки. Проповедники проповедовали, строители строили, консультанты консультировали, и все члены команды получали шанс буквально каждый день приводить кого-нибудь к спасению.

Однако вскоре Рэйфорду стало понятно, что все, кто имел не преображенное тело — он сам, Хаим и Мак, — были не столь выносливы, как преображенные. И, не посоветовавшись ни с кем, Рэйфорд начал планировать долгий отдых после предполагаемого большого митинга в Сиве следующим вечером. Стареющим нужен был отдых и, возможно, передышка успокоит его тревоги.

Хотя работа шла успешно, она была не легкой, отчасти потому, что Рэйфорд и прочие продолжали жить в их доме на колесах. Они не могли себе позволить задерживаться надолго где бы то ни было, и хотя в их трейлере было тесно, это казалось самым разумным использованием их ресурсов.

Сидя на планерке после особо напряженного, хоть и успешного дня, Хаим сказал, что комитет по встрече в Сиве ожидает самой большой толпы за всю миссию.

— Предполагается, что там будут и протестующие, — сказал он. — Но прежде мы

никогда не тревожились по поводу оппозиции.

Во время их консультаций из Израиля пришли ужасные новости о Кенни. Рэйфорд раздал документы всем остальным, затем позвонил Хлое, чтобы узнать подробности. Он рассказал ей о том, что планирует передышку, и пообещал вернуться домой как можно скорее.

Пока остальные читали документ, а Рэйфорд рассказывал им то, что сообщила Хлоя, он добавил:

— Несомненно, что Ирэн, моя дочь и я сам — заинтересованная сторона, потому я прошу вас ответить на призыв моего сына о совместной молитве, чтобы Господь разрешил этот конфликт.

Рэйфорд, Ирэн, Хаим, Цион, Мак и Барнсы опустились на колени в молитве. Начал Цион, затем продолжил Хаим, и вскоре все уже молились одновременно. Через несколько минут они еще раз все по очереди помолились, но Рэйфорд ощутил какую-то перемену. Они начали сбивчиво, прося Господа о мудрости, прося Его пролить свет на истину, а теперь они уверенно просили за Кенни, просили даровать ему силу и стойкость. Один за другим те, кто обладал преображенным разумом и телом, — те, кто побывал на небесах, — высказывали в молитве то, что обвинения против Кенни не отзываются в них.

Наконец, миссис Барнс завершила молитву.

— Господи, — сказала она, — я едва знаю этого мальчика, но я знаю Тебя, а Ты знаешь его, и Ты вложил мне в душу, что он тоже принадлежит Тебе. Я молю о быстром правосудии для него и тех, кто хочет уничтожить его. Во имя Иисуса...

— Аминь! — хором ответили все.

* * *

Почему-то сколько бы Рэйфорд ни жил в обновленном мире, ему все равно непривычно было выходить из их мобильного отеля с зашторенными на ночь окнами под свет луны, которая была ярче, чем прежнее солнце. Но в широкополой шляпе и темных очках можно было как-то притвориться, что вокруг темная ночь. Часто полуночная прогулка упорядочивала его мысли.

Однако этой ночью, шепотом сказав Ирэн, что пойдет прогуляться, он вылез наружу и понял, что ночь не сильно прохладнее дня. Он закатал рукава и неторопливо пошел, пытаясь по дороге молиться, думая о будущем и — несмотря на всю новизну, насыщенность и простор для трудов, которые давало Тысячелетнее Царствие, — мечтая о небесах. Такие вещи, как явно сфабрикованное обвинение против Кенни, не смогут существовать в раю.

Рэйфорд много узнал о Господе и будущем, но Бога он до сих пор не понимал. По-

чему иногда Он казался даже ближе, чем Его престол в Израиле? Почему иногда Он отвечал Рэйфорду еще прежде, чем он успевал высказать свои мысли в молитве, а в иные дни — как сегодня — Он был далеким и молчаливым? В предрассветные часы мимо Рэйфорда проехали легковушка и грузовик, один водитель остановился, спросив, не подбросить ли Рэйфорда: По дороге назад Рэйфорда с изумлением не увидел фургона на том месте, где он, по его предположению, должен был оказаться. Он пожал плечами и решил, что просто ошибся с оценкой расстояния и фургон вот-вот покажется на горизонте за следующим поворотом. Он опустил голову и продолжил свой бег трусцой.

Он поднял голову на звук, и тут же перед ним затормозил черный седан. Он остановился в туче пыли по другую сторону дороги, стекло опустилось, из окна высунулся какой-то тощий египтянин и прохрипел надтреснутым старческим голосом:

— Вы Рэйфорд Стил, человек Божий?

Рэйфорд хотел было пошутить, что он почти наполовину прав, но человек казался настолько встревоженным, что Рэйфорд ответил:

— Да, это я.

Человек быстро выскочил из машины и перешел дорогу, оставив дверь открытой.

— Я Ишмаэль, — сказал он, крепко обняв Рэйфорда и затем пожав ему руку. — Вы нужны мне.

— Но как вы меня нашли и...

— Я спрашивал людей, а затем остановился возле вашего фургона. Мне сказали, что вы, скорее всего, на дороге. Вы должны поехать со мной. Преследуют верующих и нападают на колеблющихся!

— Где? И что я могу сделать?

— Едем! Едем! — говорил Ишмаэль, таща Рэйфорда к другой стороне машины и открывая дверь.

Рэйфорд заметил темно-зеленые покрывала, укрывающие что-то объемное на заднем сиденье.

— Куда мы едем?

— Недалеко, но надо торопиться. Спаси вас Господь! Садитесь впереди, у меня сзади провиант.

Рэйфорд сел и уже застегивал ремень безопасности, когда Ишмаэль скользнул на водительское кресло. Прежде чем тот успел захлопнуть дверь, Рэйфорд почувствовал, как ему в шею уперся холодный ствол. Он повернул голову и увидел молодых мужчину и женщину, вынырнувших из-под покрывала.

— Это что еще?

— Не сопротивляйтесь, и вам не причинят зла, — сказал Ишмаэль. Его голос теперь тоже звучал куда моложе. Он положил руку на лицо и снял резиновую накладку и парик. Лицо его оказалось молодым и гладким.

Машина развернулась, подняв облако пыли, и рванула на дорогу. Человек за спиной у Рэйфорда сказал:

— Положи руки на затылок и переплети пальцы.

Рэйфорд не торопился подчиниться.

— Быстро, — слышался женский голос, и Рэйфорд увидел наручники.

Рэйфорд все равно тянул.

— Можешь выбить мне мозги, или я выпрыгну из машины, и Господь все равно спасет меня, — сказал он. — И вы это знаете.

— Ну так попробуй, — сказал Ишмаэль.

Рэйфорд подумал. Отличный будет пример! Он уже видел, как катится по дороге в пыли, а затем встает целый и невредимый и возвращается к остальным. Но тут он услышал тихий голос Бога. «Подчинись. Это Мое дело».

Но как такое может быть? Это сделал Бог?

Рэйфорд сплел пальцы на затылке, и молодая женщина защелкнула наручники. Он сбил шляпу, когда клал руки на колени, и теперь пытался сохранить равновесие, упираясь локтями, когда машину кренило на бездорожье среди вздымаемой пыли.

— Значит, ты обманул моих товарищей, как и меня, — сказал Рэйфорд. — Они поверили, что я помогаю тебе в каких-то срочных духовных делах?

— Вряд ли, — сказала женщина.

Ишмаэль заставил ее замолчать, подняв руку.

— Не разговаривай с заложником, — сказал он.

— Значит, я заложник? И с кого же вы будете трясти выкуп?

— Нам не нужен выкуп, — сказал Ишмаэль. — Нам нужен только ты.

У Рэйфорда левый наручник оказался слишком тугим, и он повертел кистью, чтобы ослабить давление. Молодая женщина тут же перегнулась через сиденье и сама проверила наручник, расстегнула его и ослабила прежде, чем застегнуть снова.

— Рехема! — прикрикнул Ишмаэль на молодую черноволосую женщину. — Ты что делаешь?

— Незачем так туго застегивать, — сказала она извиняющимся голосом.

— Он тут не для того, чтобы мы с ним цацкались!

— А для чего тогда? — спросил Рэйфорд.

Ишмаэль не отрывал глаз от дороги. Они шли сейчас на скорости больше ста миль в час.

— Ты здесь, значит, там тебя не будет.

Там?

— А где это — там?

— В Сиве.

— Вы ходите запереть меня на весь уик-энд?

— Может, дольше.

— А для чего, осмелюсь спросить?

— Чтобы доказать, что наш бог выше вашего!

Рэйфорд не удержался и хихикнул.

— Ну, удачи.

— Пока получается.

— Хорошо, не пустите вы меня в Сиву. И что?

— Ты сделал ошибку, заявив, что едешь туда.

— Мы всегда оповещаем о наших визитах. Мы хотим, чтобы люди об этом знали и могли подготовиться сердцем и душой, не говоря уже о командах волонтеров, которые собираются, чтобы помочь нам улучшить их города.

— Да вы просто заставляете людей верить в вашего Бога, запугивая их, будто их убьет на месте, если они не подчинятся Его желаниям.

Рэйфорд покачал головой.

— Так это Сам Бог их в этом убеждает. Значит, вы — из «Иного Света».

— Нет, мы себя не так называем.

— Да? Вы не «ИС»? Я не знал о других мятежных группировках.

— Мы «ИС» — но «И» означает не *иной*. Оно означает *истинный*. Считай нас боевиками. Противниками компромиссов. Мы утверждаем, что мы не боремся с вашим Богом. Мы просто считаем, будто Его нет.

— Тогда вы полные идиоты.

Рэйфорд увидел, что Рехема прикрыла в ужасе рот.

— Вы не в том положении, чтобы оскорблять нас, мистер Стил.

— Да ладно. Ты родился в Тысячелетнем Царстве, но историю-то ты наверняка знаешь, ты видел силу Бога, видел Иисуса на троне.

— И владыки должны заставлять нас верить.

— Но ты же не уверовал.

— Нет. И мы это покажем. Мы тоже устраиваем свои представления. Мы рас-

пространили сообщения, что наш бог не даст вам появиться в Сиве, и этим раз и навсегда докажем, что вы представляете капризного, несправедливого и несуществующего Бога.

— Он не существует и Он капризен и несправедлив? Вы ничего не докажете, задержав меня. Бог делает то, что Он считает нужным.

— Но сердца людей больше не поколеблются. Или если поколеблются, то в нашу сторону.

— В сторону Люцифера.

— Да, они склонятся к нашему богу, который победит!

— Что и кого? Бога, которого, как вы говорите, не существует?

— Он поведет нас к победе против всех, кто осмелится выступить против нас. Даже сейчас, за столетия до его освобождения, уже идет массовая подготовка.

— И кто же его освободит?

— Мы верим, что он освободится сам.

— Из чьего заточения?

— Он сам заточил себя, чтобы доказать это.

Рэйфорд расхохотался:

— Если он это сделал, это лишь подтверждает мои слова!

— Какие слова?

— Что вы идиоты. И кто же теперь капризен? Вы действительно верите, что ваш всемогущий предводитель заперся на тысячу лет и в свое время выйдет, чтобы показать, что он тут главный?

Ишмаэль покачал головой.

— Когда вы увидите, что вершится во имя его, вы не будете так надменны.

Наконец, Ишмаэль медленно снизил скорость где-то в полумиле от заброшенного перекрестка, затем повернул направо на дорогу, по обе стороны которой стояли вооруженные солдаты в черной форме. Они стояли навытяжку и салютовали проезжающему мимо седану. Ишмаэль махал им рукой в ответ. Дорога привела к подземному въезду, достаточно широкому для машины, и Рэйфорду стало любопытно, куда они попали, когда они нырнули в полную тьму и прохладу, которой он не видел уже много лет.

Они спустились, наверное, сотни на три ярдов, но Рэйфорд вскоре перестал пытаться прикидывать, насколько глубоко под землей они могут находиться. Они остановились перед небольшим сооружением, которое напомнило ему сборный домик, и Ишмаэль дал знак, чтобы Рэйфорда вытащили из машины.

— Когда вы последний раз ели? — спросил Ишмаэль.

— Часов шесть назад.

— Хорошо. Пусть посидит еще часиков восемнадцать. Дайте еды ровно столько, чтобы протянул. И заберите его рубашку, ботинки и носки. Вам холодно, мистер Стил?

— Конечно.

— Вам хватит брюк и майки. На холодке не заснете.

Рэйфорда подвели к какому-то входу в пещеру, который совершенно не соответствовал стенам, на которых были размещены огромные плазменные панели, стояли высокотехнологические пульта управления и терминалы, но все пространство было окружено грязными камерами с решетками. В каждой камере сидели люди — мужчины, женщины, подростки, все на металлических койках. На лице у каждого были страх и покорность.

И перед каждой камерой стоял вооруженный охранник.

Рэйфорд был чрезвычайно рад, что его охранницей оказалась Рехема.

— Вы знаете, что означает ваше имя? — спросил он, когда она осторожно завела его внутрь, сняла наручники и закрыла дверь камеры.

— Скажите, — прошептала она. На лице ее была написана скука, но глаза сверкали.

— Жалостливая. И вы уже это доказали.

Она пожала плечами и села спиной к решетке, сунув карабин между коленями. Рэйфорд сел на металлическую койку. Его уже начала бить дрожь, и он говорил так, чтобы только она могла его слышать. Он попросил ее рассказать о себе. Но она отказалась.

— Давайте же, — сказал он. — Вы же умная девушка. И вы любопытны. У вас же на лице написано, что вы все понимаете.

— Я сижу спиной к вам, — ответила Рехема, повернув голову так, чтобы он слышал ее. — Теперь вы скажете, что это у меня по всему телу написано?

— Что вы имели в виду под «вряд ли», когда я спросил Ишмаэля, не обманул ли он моих товарищей?

— С вас достаточно будет знать, — сказала она, — что мы их даже не нашли.

— Тогда как?..

— Мы следили за вами. Не было и недели, чтобы вы не выходили ночью на прогулку. Мы просто поджидали вас. Мы отправили одну команду нейтрализовать ваших людей и перехватили вас.

— Мои люди тоже схвачены?

— Нет, я уже сказала, мы не смогли их найти.

— Вы видели, как я выходил из фургона и потеряли его след? Это же большая, громкая, медленная машина...

— Я в курсе. Ишмаэль просто на взводе. Не говорите ему, что я что-то рассказала вам.

— Ну да, я обязательно расскажу и устою вам проблемы.

Она хихикнула.

— Что здесь происходит, Рехема?

— Мониторим. Отслеживаем. — Она показала на экраны, на которых Рэйфорд увидел разворачивание огромного производства. — Миллионы заводов по всему миру. Буквально в каждой стране.

— И все это для большой войны в конце Тысячелетия?

Она кивнула.

— Армагеддон по сравнению с этим покажется детской игрой.

— Иисус с этим разберется.

— Значит, вы хотите, чтобы мы уверовали.

— А зачем наращивать арсеналы?

— Для Люцифера, который возглавит атаку.

— Против несуществующего Бога?

Рехема ссутулилась. Словно опять подавляя смех.

— Я знаю, как это звучит, — сказала она. — Но это битва против приверженцев Бога, Которого здесь нет.

— Но мы верим так глубоко, что подчиняемся Его запрету на оружие. Значит, вы нападете на безоружных?

— Береженого... сами знаете.

— Но ведь вас там даже не будет. Сколько вам лет?

— Девяносто.

— Еще ребенок. Разве для вас ничего не значит, что все ваши старшие товарищи мертвы? Это ни о чем вам не говорит?

Она замолчала.

— Говорит ведь, верно? И как это объясняют ваши бесстрашные лидеры? Господь, Который, как вы утверждаете, не существует — и против Которого вы все-таки выступаете, — каким-то образом делает так, что те, кто отвергает Его, умирает в сто лет, и никто так ничего и не понимает?

Она медленно покачала головой.

— Понятно, почему вы называете нас идиотами.

— Тогда не будьте идиоткой, Рехема. Включите мозги.

Опять она замолчала на несколько минут. Рэйфорд знал, что до утра не проголодается, но осознание, что не получит никакой еды до обеда следующего дня, вызывало голодные спазмы. А еще его била дрожь. Он растирал руки и прижал колени к груди, обхватив их руками.

— Мы не атеисты, понимаете, — сказала Рехема.

— Конечно. А как же иначе?

— Я не атеистка. Вы правы. Я видела, как умирают друзья и родственники, точно в срок. Это только дурак может отрицать.

— Значит, вы верите в Бога.

— Я верю, что Он существует. Просто Он мне не слишком нравится.

— Поговорим об этом?

— Лучше не надо.

— Тогда я буду говорить, а вы будете слушать.

— Ничего, если я поем? Я должна есть у вас на глазах, это часть спектакля.

— Конечно, мне будет неприятно, но переживу.

Но Рэйфорд недооценил власть простого сэндвича. Он чувал его так, словно тот лежал у него прямо под носом, и представлял себе каждый кусочек. Он отвел глаза, стараясь думать о чем-нибудь другом. Он сосредоточился на рассказе об истории — особенно, своей. Он рассказывал о своей жизни, о семье, о Восхищении, о том, как он был оставлен здесь. И хотя Рехема вроде слушала с интересом и даже порой просто увлеченно, она

украдкой пропихнула остатки своего сэндвича ему в камеру.

Рэйфорд жадно проглотил их, беспокоясь, что камеры могут показать, что она сделала, и тогда у нее будут проблемы.

— А что они могут мне сделать? — сказала она. — Я им нужна. Мы по-прежнему в меньшинстве, а история доказывает, что я проживу еще всего лишь десять лет.

Рэйфорд улыбнулся.

— На чьей вы стороне? Вы ведь подтверждаете мои слова.

Когда Рэйфорд начал рассказывать ей о своем собственном спасении и опыте, пережитом во время Скорби, Рехема, наконец, повернулась к нему лицом. Он сам удивлялся, сколько же он запомнил из Писания за эти годы, и по ходу рассказа он цитировал пророчества, показывая, как они один за другим исполнились, в точности согласно предсказаниям.

Наконец, Рехема сказала:

— И как же можно после этого сомневаться в Боге?

— Так они и не сомневаются, — сказал Рэйфорд. — Чтобы встать против Него, надо признать Его существование, но они просто хотят идти своим путем. Как и вы.

Рехема встала, отвернулась и принялась расхаживать перед его камерой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ирэн разбудил прямо перед рассветом тихий стук в дверь.

— Простите, — сказал Хаим. — Я искал Рэйфорда.

Ирэн села и подняла шторы, зажмурившись от света.

— Он где-то в полночь вышел прогуляться, — сказала она. — Не помню, чтобы он возвращался.

— Я уверен, что он где-то поблизости, — старик улыбнулся. — Вроде мы никуда не уезжали.

Рэйфорд не удивился бы, если бы ему сказали, что уже полдень, сколько бы он ни говорил, сколько бы ему ни было неудобно и

насколько усталой ни смотрелась бы юная Рехема. Она была более светлокожей, чем большинство обитателей бункера, хотя у нее были темно-карие глаза и такие черные волосы, что казались крашеными, хотя явно были такими от природы.

Однако на часах Рэйфорда было семь утра. Сейчас его отряд начнет его искать, волноваться, молиться за него. Куда же они уехали, если он сам не сумел найти фургон, и отряд Ишмаэля их упустил? Не в их правилах было куда-то трогаться после того, как они расположились на ночь.

Рехема казалась усталой. Рэйфорд, конечно, тоже устал, но тревога и серьезность ситуации поддерживали его.

— Когда кончается ваша смена? — сказал он.

— О, — ответила она, — мы на посту круглые сутки, и моя смена только началась, когда мы схватили вас.

— Вы шутите! Вы схватили меня где-то в полночь?

Она кивнула.

— Бедняжка. Вы узнаете обо мне больше, чем я сам, потому что я намерен говорить, пока могу.

Она хмыкнула.

— Тогда я хоть не усну. И не вляпаюсь в неприятности. Но я сама должна говорить с вами, агитировать вас, говорить о нашей неминуемой победе в конце, что должно подкрепляться всем, что вы видите на экранах. И это будет продолжаться столетиями, пока мы не станем непобедимы.

— О, милая, — сказал Рэйфорд, — вы уже проиграли. Победа за нами. На самом деле у вас очень мало времени. Следуйте за своим сердцем и разумом, измените свой путь, присоединяйтесь к воинству Единственного Истинного и Живого Бога, пока еще можно.

Рехема обернулась к Рэйфорду.

— Вы милый и добрый человек. Но это ваше время кончается. — Она посмотрела на часы. — Не пройдет и семнадцати часов, как все увидят, что ваш Бог не способен освободить вас из наших рук до начала встречи. Вот тогда и посмотрим, чей бог чего стоит.

— Я уже знаю, и вы тоже. А теперь я расскажу вам о моих детях.

— О! Мне интересно будет послушать о них. У меня тоже есть сын.

— Нет. Вы слишком молоды. Я даже не думаю, чтобы вы были замужем.

— Я и не говорила этого.

— Сколько ему лет?

— Четыре года.

— И вы хотите, чтобы он прожил всего сто лет?

Рехема стиснула зубы и отвернулась.

— Расскажите мне о ваших детях, — сказала она.

* * *

Абдулла сидел напротив Мудавара в его кабинете.

— Значит, как ты сказал, ты считаешь, что должен мне? — подался он вперед.

— Да. Вы это заслужили. Один ноль в вашу пользу. И чего вы хотите?

— Я не знаю, что у тебя на уме. А ты знаешь желание моего сердца — чтобы вы с Сарсуром пришли к вере.

— Хватит, Абдулла. Это было бы не одолжение, а капитуляция, поражение. И мы оба знаем, что такого не случится. Так что пользуйтесь моей щедростью. Я мыслил скорее в том смысле, чтобы дать вам список наших новобранцев. Распродажа, только сегодня, спешите! У вас единственная возможность пообщаться с теми самыми людьми, о которых вы так печетесь. Это честно, не так ли? Я не боюсь, и — как я уже сказал — вы это заслужили. Конечно, я хотел бы видеть то, что вы им скажете, прежде, чем дам добро.

— Я был бы глупцом, если бы упустил такую возможность, так что я согласен и благодарю тебя. Но у меня есть еще одна просьба.

— Ну, попробуйте.

— Я хочу признаться, что вчера ушел не ради твоего блага.

— Правда? Ну, как бы то ни было, это все равно оказалось мне на руку, так что наша сделка по-прежнему действительна.

— Дело в том, что мне показалось, будто бы я узнал кое-кого из прибывших, и я не хотел, чтобы он меня увидел.

Мудавар выпрямился и уставился на Абдуллу.

— Тот, из Израиля?

— Он самый.

Мудавар кивнул.

— Вы его знаете?

— Мне так показалось.

— Откуда?

— Давнее знакомство. Я друг его семьи.

— И ты хочешь мне сказать, что они не знают, будто он работает на нас?

Абдулла потерял дар речи, даже сдвинуться с места не мог.

«Значит, все правда».

— Ну, — сказал Мудавар, — это он самый и есть. Если вы его знаете, то вы знаете и где он работает. Так что вам несложно будет понять, что он крот, двойной агент, если использовать шпионский лексикон. Он заставил своих поверить, что работает на них, внедрившись к нам, а на самом деле все наоборот.

— Знай, что я выдам его, — сказал Абдулла. — Я не могу позволить такой урон Царствию и людям, которых я люблю.

— О, господин Абданех, неужто вы и правда такой наивный? Неужели вы думаете, что после того, как вы столько пробыли в нашем учреждении, оказывая нам всякие услуги, ваши вам хоть вот на столечко поверят? Думаете, наши камеры ближнего обзора и стационарные камеры не дадут достаточно материала, чтобы выдвинуть против вас непробиваемое обвинение в том, что вы переметнулись к нам?

— Не глупи. Мне гораздо больше ста лет. Старики моего возраста прошли отбор Го-

спода. То, что я жив, подтверждает, что я с Ним, а Он — со мной.

— И вы, значит, не способны согрешить? Это очень удивит верующих, даже повергнет их в ужас. Но как вы это объясните? Вы не носите одежд праведных. Вы даже на иврите не говорите, по крайней мере с нами. Эти камеры и звук пишут, знаете ли.

— Но все, что я сказал здесь, обвинит вас, не меня.

— Все? А вы не думаете, что мы сможем найти что-нибудь за все ваше время пребывания здесь, что выставит вас скорее нашим другом, а не врагом? Короче, вы можете всем и вся рассказывать, что мы позволили вам здесь открыть вашу лавочку, прекрасно зная, кто вы такой и какая у вас цель. Кто в здравом уме этому поверит? Да вы сами этому не поверили бы!

Абдулла отчаянно молился в душе. Авдрут эта идея — на самом деле его собственная, а не внушенная Господом? Вдруг его глупость повредила Царствию?

— Ладно, почему бы вам не заняться тем посланием, которое вы хотели донести до людей из нашего списка? Когда закончите, я посмотрю.

Абдулла быстро встал, опасаясь, не сказал ли он чего такого, что только ухудшит ситуацию. Когда он отворил дверь, Сарсур — который явно подслушивал у дверей — быстро отскочил. Абдулла подошел к столу на ватных ногах, сел и закрыл лицо руками. Он поверить не мог в то, что случилось, и в то, что он сам этому помог.

Действительно ли Господь хотел, чтобы он принял предложение Мудаваара? Мысль обратится к аудитории «ИС» была слишком хороша, чтобы упустить эту возможность, но не найдет ли Мудавар способ обратить ее против него? Конечно, найдет.

Разум Абдуллы был слишком растревожен, чтобы думать о послании. Скоро настанет время, как всегда, сбегать за кофе для Мудаваара и закуской для Сарсура. Продолжать ли ему прислуживать врагам из любви к ним после того, как они вонзили ему нож в спину?

* * *

Хлоя была в отчаянии. Она все же пыталась работать, в то время как ее мысли были заняты Кенни. Она знала, что в глубине души Кэмерон тоже верит ему, но манера Кэма вести себя отстраненно просто убивала ее. Она не успокоится, пока Кенни не будет оправдан.

Во время утреннего перерыва к ней зашла Екатерина. Как только женщины увидели друг друга, они разразились слезами.

— Простите меня, миссис Уильямс, — сказала Екатерина, — но вы выглядите примерно так, как я себя чувствую.

— Это как смерть в семье, — ответила Хлоя. — И лучше бы у нас смертей больше не было.

— Я рада, что вы рассказали мне о фотке прежде, чем мне ее прислали по электронной почте вчера вечером.

— Кто прислал?

— Откуда мне знать? Как бы то ни было, я пришла к вам, чтобы сказать, что я попросила Мэтти отпустить меня после обеда. Я не могу работать, не могу сосредоточиться. Сейчас от меня здесь больше вреда, чем пользы.

— Дома тебе будет еще хуже, Кэт. Что ты будешь делать?

— Если я вам скажу, то вы обещаете, что никому не расскажете?

Хлоя кивнула.

— Никому?

— Как ты скажешь, Кэт.

— Я хочу повидаться с Кенни.

— Это хорошо. Мне кажется, это хорошо. Значит ли это, что ты решила?..

— Это ничего не значит. Я до сих пор не знаю, что думать, но я обязана поговорить с ним наедине.

Абдулла медленно шел по улице к торговцу кофе, не осознавая, что происходит вокруг. Он сам загнал себя в угол, и Господь молчал. Означает ли это, что Он разочарован в Абдулле? Он уже много лет такого не ощущал.

Он аж подскочил, когда Сарсур тронул его за плечо и прошептал:

— Мы можем поговорить там, за углом?

— Конечно, сынок. В чем дело?

Они нашли столик под раскидистым деревом. Сарсур выглядел чрезвычайно взволнованным, лицо его было мрачно. Он все время озирался, словно боялся, что за ними следят.

— Мудавар приказал мне следить за вами, не спускать с вас глаз. Полагаю, он боится, что вы ушли, чтобы настучать на нас, и что лучше бы вам совсем отсюда уйти.

— Может и такое случиться, Сарсур. Я полагаю, ты слышал наш разговор.

Молодой человек опустил взгляд и кивнул.

— Я знал, что вы вернетесь. Вы не забрали свою Библию. Кроме того, вы никогда не допускали, чтобы что-то мешало вам быть добрым с нами, даже в этом случае. Если вы вернетесь с кофе для Мудавара, это же прямо как воздать добром за зло?

Абдулла не мог скрыть удивление.

— Сейчас ты мне Писание цитируешь?

— Я же рассказывал вам, в какой семье я воспитывался. Пока я не ушел из дома, родители постоянно брали меня на поклонение.

— И тебе это обрыдло.

— Ну да. Но это не значит, что я не запомнил кое-чего.

Абдулле было понятно, что у Сарсура что-то на уме. Он все озирался украдкой, набирал воздуха, словно чтобы начать говорить, затем передумывал.

— В чем дело, сынок? Говори спокойно.

Сарсур вдруг выпрямился и облокотился на стол, закрыв лицо руками.

— Прошлым вечером я был у родителей.

— И?..

Он жалко кивнул.

— Я как раз хотел уже постучать в дверь, как увидел сквозь занавески, что они молятся.

— Правда?

— Они стояли на коленях рядом друг с другом возле постели. Не могу описать, что было со мной. Как будто я не видал такого в жизни сплошь и рядом. Они оба любили читать Писание, я часто это видел. Но стоять у входа и видеть их такими... На меня просто накатило, я понял, что они молятся за меня.

— А как ты это понял?

— Да не знаю. Накатило — и все. Я ощутил себя такой дрянью. Мне было стыдно, господин Абданех. Я ощущал себя виноватым, ничтожеством.

— В чем виноватым?

Сарсур отнял руки от лица и фыркнул.

— Вы знаете, чем я занимаюсь, и еще вопросы задаете?

Абдулла положил руку на плечо Сарсура, улыбнувшись.

— Ну, мы оба знаем, что я знаю, что ты виноват и ничтожен. Я хочу знать, что тебя натолкнуло на эту мысль.

Молодой человек глубоко вздохнул и выдохнул.

— Я давно уже не ощущал, что Бог говорит со мной.

— А теперь ощутил? И что Он сказал, Сарсур?

— Да ничего особенного. Я просто ощутил Его присутствие.

— Конечно! Твои родители, наверное, благодарили Его. Ты знаешь, Библия говорит, что Бог обитает среди хвалы Своего народа. Он был там.

Сарсур кивнул:

— Я знаю. Мне от этого еще хуже стало, и я повернулся, чтобы уйти. Кто-то из родителей заметил меня или услышал, потому что дверь внезапно распахнулась и мама окликнула меня. Она крикнула: «Сарсур, ты когда-нибудь слышал что-то вроде ответа на молитву?» Конечно, нет, и тогда я тоже не слышал, но я вошел в дом. Что еще оставалось делать? Даже отец расплакался, увидев меня. Я спросил их, что происходит. Мама ответила, что весь день они в душе тревожились за меня. Я рассмеялся. И сказал, что ничего не случилось, но она ответила — нет, происходит что-то очень глубокое и необычное, словно я прохожу через какой-то кризис. Откуда они узнали-то?

— И что это был за кризис, Сарсур?

— Да просто все, что случилось вчера, — тот визит, ваше исчезновение, наша попытка сделать вид, что мы не знаем, что тот человек из Израиля действительно заслан к нам.

— Что?

— Ой, да не притворяйтесь, господин Абданех. Вы же друг его семьи. Да, у нас есть свой человек в ЦДС, но это не Кенни Уильямс.

— Тогда кто?

— Касим Марид.

Абдулла еле держал себя в руках. Ему хотелось вскочить, заорать, ему не терпелось очистить имя Кенни.

— Ты понимаешь, что я не могу замалчивать эту информацию, Сарсур. Это будет стоить тебе работы. Почему ты мне это сказал?

— Потому что с меня довольно и со мной говорил Господь. Понимаете, я долго считал, что «Иной Свет» — достойная альтернатива. Поначалу они казались мне честными, достойными уважения людьми. Но обманывать вас, как Мудавар, врать вам в лицо, как нынче утром, да еще то, что случилось вчера вечером... Это не по мне.

— А что с тобой случилось вчера вечером?

— Да просто увидел, как родители молятся, понял, что за меня, а затем еще подтверждение, что... Я мало с ними говорил, но мне не терпелось вернуться к себе и проверить, не продолжает ли Бог пытаться говорить со мной.

— И?..

— Да. Конечно. Он всегда говорит. Просто я слишком долго Его не слушал.

— И что Он говорил тебе?

— Да вы сами знаете. Он хочет, чтобы я пришел к Нему. А когда я подслушал ваш разговор с Мудаваром, это оказалась последней каплей. Я ушам своим не поверил, когда этим утром он велел мне следить за вами. Я все равно хотел идти, но это намекнуло бы ему, что творится что-то не то.

— Нам лучше вернуться прежде, чем он пошлет искать тебя, — сказал Абдулла.

— А мне плевать. Пока не уверую, туда больше ни ногой. Я надеялся, что вы помолитесь со мной.

* * *

Кенни набрасывал кое-какие проекты по рукоделью для детишек, которые помогли бы урокам по временам жизни Давида. Сосредоточиться было трудно. Были моменты. Когда он просто сползал со стула на пол со стоном отчаяния и взывал к Господу об облегчении страданий.

В дверь постучали. Кенни вытер слезы и выпрямился.

В комнату вошла Екатерина.
«Благодарю Тебя, Господи».

* * *

Мудавар с изумлением смотрел на вернувшихся вместе Абдулла и Сарсура. Абдулла подал ему кофе.

— Вот и посылай тебя на слезку, — сказал он. — И как скоро он тебя заметил?

— Пока я не похлопал его по плечу — не замечал.

— Ты что такое говоришь?

— Я хотел помочь ему с составлением послания к членам «ИС».

— Ты? Да ты что несешь?

Сарсур глянул на Абдуллу, который собирал свои вещи.

— Я хочу сказать, что если человек номер два в нашей местной штаб-квартире способен изменить свое мнение по поводу Иисуса, так и любой сможет.

— Ты шутишь?

— Я серьезен, как никогда.

— Я так и знал! — Мудавар указал пальцем на Абдуллу. — Это все ваша вина! Я, как идиот, впустил вас сюда, и вот результат! Полагаю, ты понимаешь, что ты уволен, Сарсур.

— Я подозревал, что вряд ли сгожусь для той работы, которая мне не по вкусу.

— И куда ты пойдешь? Ты больше ничего не умеешь.

— Может, получу работу в ЦДС. Мне кажется, им понадобится кто-то вместо Касима.

* * *

Кенни не испытывал неловкости наедине с Екатериной с того момента, как они познакомились. До сих пор не испытывал. Они сидели друг напротив друга.

— Всего полдня прошло. А я уже соскучилась по тебе, — сказала она.

— Понимаю. Я тоже.

— Я так виновата, Кенни. Если ты при-
мешь меня, то я — вот.

— Ты веришь мне?

— Конечно. Не могу поверить, что я усомнилась в тебе. Ничто в твоей жизни, в тво-
ем характере не согласуется с тем письмом.
Если я не права и ты это написал, ну что же,
значит, я дура. Я люблю тебя.

Она встала и подошла к нему, но прежде,
чем он встал, она упала на колени и уткну-
лась лицом ему в грудь.

— Я просто хотела, чтобы правда вышла
наружу, чтобы все это увидели. Ты знаешь,
остальные тоже страдают.

— Остальные?

— Рэйми, Бахира, Заки.

— Не Касим?

— Не говори мне о Касиме.

— Почему?

— Потому что ты невиновен, а он виноват.

— Я рад, что хоть кто-то понял очевид-
ное. — У Кенни зажужжал телефонный им-
плант. — Дай мне ответить, милая, — сказал
он, шевельнувшись.

Она встала.

— Да, да, привет, мистер Абданех. Я тоже
рад вас слышать...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

— Рехема, мне надо, чтобы вы позвонили моей жене и сказали ей и остальным, что со мной все хорошо. И конечно, мне надо убедиться, что с ними тоже все в порядке.

— И с чего вы взяли, что я это для вас сделаю?

— Потому что я то же самое сделал бы для вас. Вы мать. У вас есть семья. Вы можете считать себя боевиком, но я же вижу. По глазам вижу, что вы знаете правду. Я рассказал вам все, что знаю о Боге, Христе, вере и пророчествах, о мире, каким он был некогда и каков он сейчас, о моей семье. Вы знаете, что Бог реален, и понимаете, что Он освободит меня как раз вовремя, чтобы я успел вернуться к моим людям к моменту нашего задания.

Рехема поджала губы.

— Это убедило бы меня.

— Правда?

— Конечно.

— Но иначе вас никак не убедить?

Ответа не было. Но она спросила номер его жены и отвернулась, чтобы позвонить.

* * *

Ирэн Стил была, разумеется, озадачена подозрительным звонком от молодой женщины, которая назвалась охранницей Рэйфорда.

— Он не понимает, куда мы делись? — медленно проговорила Ирэн, тщательно подбирая слова, чтобы ничего не выдать. Она решила, что не навредит Рэйфорду. — Скажите ему, что он найдет нас там, где оставил. Мы будем ждать на виду.

— Вы хитрые люди, миссис Стил, — сказала Рехема.

— Думайте что хотите. Но меня поражает, что Господь ослепил ваших соратников, поскольку мы не трогались с места с тех пор, как мой муж оставил нас. И будьте любезны, напомните моему мужу, что мы должны отправиться в Сиву не позже часа ночи, если хотим выполнить там свой долг.

— Я передам, мэм, — сказала Рехема, — но если он будет с вами, скорее всего, там буду и я.

— Даже так?

— О да. Моя карьера, мое будущее, самая моя жизнь зависит от того, чтобы он не по-

пал туда вовремя. Так что если ему это удастся, это будет либо с моей помощью, либо он будет меня защищать от моего бывшего начальства.

Ирэн хмыкнула:

— Он убедил вас в ошибочности вашего пути, да?

— Почти.

— Мы с радостью примем вас в Господнюю семью, милая.

— Что?

Ирэн показалось, что Рехема просто ошарашена.

— Вы что, не слышали меня?

— Я слышала вас, миссис Стил. Это... ну... просто прежде никто никогда не говорил со мной так.

* * *

— В чем дело? — сказал Рэйфорд, заметив, что Рехема пытается сдержать слезы.

Молодая женщина просто покачала головой и подняла руку, словно ей нужно было несколько мгновений, прежде чем заговорить. Наконец, она сказала:

— Если я выведу вас отсюда, мы можем заехать за моим сыном?

— В первую очередь — самое важное, — ответил Рэйфорд. — Вы понимаете, что вы говорите?

— Конечно. У меня больше оснований уверовать в вашего Бога, чем когда бы то ни было. Фактов, доказательств — всего куда больше, чем вы видели. Я знаю, кто я и что я.

— И что вы есть?

— Я грешница, и мне нужен Бог.

— Тогда вы знаете, что вам надо делать. Вы понимаете последствия?

Рехема мрачно кивнула.

— «ИС» нелегко расстается со своей собственностью.

— И вы понимаете, что я не могу вам позволить выпустить меня и отправиться искать сына в то время, как остальные верующие останутся здесь?

— Вы о чем? — сказала Рехема.

— Каким же я буду верующим, если я сбегу и оставляю остальных на произвол судьбы? Если мы бежим, то мы берем с собой всех остальных.

— Это потребует Господнего вмешательства. Здесь более тридцати заключенных, и у каждого свой охранник.

Рэйфорд улыбнулся.

— Я рассказал вам все, что сумел запомнить. К какой категории моего списка сверхъестественных событий вы отнесли бы такое чудо?

Рехема огляделась по сторонам.

— Мне кажется, что все на меня смотрят, что на меня направлены все камеры, все микрофоны.

— Очень надеюсь. Я надеюсь, что Ишмаэль и все, кого он еще хотел бы завербовать,

слышали каждое слово. Писание ясно говорит: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»¹.

И словно по знаку, все клерки и охранники подняли взгляд, когда со всех сторон в подземелье ворвались вооруженные люди, быстро построились в центре подземелья и, взяв оружие на изготовку, под руководством Ишмаэля двинулись к камере Рэйфорда.

— Сдай винтовку и портупею, Рехема, — сказал Ишмаэль.

Рехема позволила им обезоружить себя, бросив панический взгляд на Рэйфорда.

— У тебя есть единственный шанс отречься от всего, что ты слышала и сказала здесь, — сказал ей Ишмаэль. — Покаяйся в верности «ИС» и вернись в строй или иди к заключенным, которые так тебе дороги.

— Ты хочешь, чтобы я выбрала сторону?

— Именно так.

— Тогда я выбираю истинного живого Бога и Его Сына Иисуса.

С Рехемы сорвали ботинки и пояс, затолкали в камеру Рэйфорда и приковали к нему и вмурованному в стену стальному кольцу. Она дрожала, но он привлек ее к себе и прошептал:

— Тем лучше — сможем вместе молиться.

Когда солдаты ушли, Рэйфорд с Рехемой помолились, и Рехема стала дочерью Господа.

¹ И. 8:32.

— Мой сын находится в детском дневном центре «ИС» в шести милях отсюда, — сказала она.

— Господь это знает, — успокоил ее Рэйфорд.

* * *

Цион Бен-Иегуда решил утаить известия о захвате Рэйфорда от братьев и сестер в Израиле.

— Им и так сейчас хватает забот, — сказал он. — Кроме того, мы знаем, что это только временная задержка. Вы за окно выглядывали?

Остальные струдились вокруг Циона, и он поднял шторы. По дороге решительно шагнул какой-то крепкий человек.

— Глазам своим не верю, — прошептал Брюс Барнс.

— Придется поверить, — сказал Цион. — И нечего тут удивляться.

— Анис? — удивился Хаим.

— Мой человек, — ответил Цион.

— Он больше чем человек, — сказал Барнс. — И уж ты лучше всех об этом знаешь.

* * *

Рехема неуклюже опустилась на колени рядом с Рэйфордом. Их кандалы не только

связывали их вместе, но также приковывали к стене. Рэйфорд снова возглавил молитву. Когда они закончили, он спросил, который час.

Она сквозь слезы ответила:

— 22:00.

— До полуночи два часа. Скоро будем в пути. Твой сын обычно и ночь там проводит?

Она покачала головой:

— Я забираю его по дороге домой.

— Сколько человек помещается в твоей машине?

— Четыре.

— Нам надо больше машин и водителей.

— Это если у нас ключи будут. И как вообще все это может случиться, сэр?

— Я уже не задаюсь вопросами и даже не удивляюсь. Пути Господни...

— ... неисповедимы. Не смотрите на меня так удивленно. Даже неверующие знают поговорки.

Пожилой мужчина и молодая женщина осторожно повернулись и сели спиной к стене. Их скованные руки остались поднятыми вверх.

— Это лучший момент, чтобы оказаться на верной стороне, — сказал Рэйфорд. — Ждать и наблюдать, что сделает Господь, когда тебе кажется, что выхода нет.

Рехема вздохнула:

— И вы никогда не волнуетесь, никогда не задаетесь вопросом?

— Уже нет. Не волнуйся, не гадай. Просто жди и наблюдай. И повинуйся.

— Повиноваться кому?

— Тому, кого Он пошлет. Тому, что Он сделает. Просто будь готова действовать по вере.

Рэйфорд уронил голову. Близилась полночь, приходилось бороться со сном. Он ощущал, как насторожена и напряжена Рехема. Это можно было понять. Она никогда такого не видела.

— Я боюсь, — сказала она. — Больше всего боюсь за сына. Что с ним будет?

— Иисус любит детей, — улыбнулся Рэйфорд. — Верь Ему. Повинуйся Ему. Давай я научу тебя одной песне?

— Вы шутите?

Рэйфорд сначала напевал про себя, затем вслух:

— Когда Словом Господним идет, осиян
Озаряет Он славой наш путь.
И куда мы с Ним, Он живет среди нас,
Лишь покорен и верен будь...¹

Рехема посмотрела на него с изумлением, но слушала, пока он не замолчал и не задремал.

Когда наступила полночь, Рэйфорд проснулся — Рехема пыталась встать, дернув его за руку.

— Кто это? — говорила Рехема, показывая куда-то свободной рукой. — Как он сюда попал?

¹ Христианский гимн «Верь и повинуйся» Джона Сэммиса и Дэниэла Тоунера.

Посреди несуразного помещения стоял Анис — спокойный, тихий, уверенный, властный. Он воздел обе руки, словно дирижируя церковным хором, и Рэйфорд увидел, что все заключенные поняли это как указание встать. Появился Ишмаэль, который размахивал карабином и звал своих, чтобы схватить злоумышленника. Но когда Аниса окружили и потребовали, чтобы он назвал себя и сдался, посланец Господа даже не обратил на них внимания.

Внезапно экраны на стенах и мониторы компьютеров мигнули и погасли, послышался низкий гул. Вскоре земля задрожала, послышался грохот, вооруженные охранники стали хвататься за все, что под руку подворачивалось, чтобы не упасть. Когда погас свет и включилось аварийное освещение, основание всего строения содрогнулось, одна из дверей камер с грохотом слетела с петель и распахнулась, и со всех заключенных спали цепи.

Ишмаэль завопил, чтобы охранники стреляли во всех, кто посмеет выйти из камер, но Рэйфорд увидел, что все взгляды прикованы к Анису, который стал по одному направлять узников.

— Огонь! Огонь! — истерически кричал Ишмаэль. — Огонь!

Но никто не слушал его, да и сам он не мог поднять оружие.

Вскоре узники уже бежали следом за Анисом мимо парализованных страхом охранников. Они выбежали к паркингу, где стояли

машины, и Анис разделил освобожденных мужчин, женщин и молодежь по тройкам и четверкам, раздавая им ключи и направляя к разным машинам. Некоторые охранники бросали оружие, срывали с себя рубашки и кеппи, присоединяясь к толпе, покидающей укрытие.

Анис отослал Рехему к ее собственной машине и направил к ним пожилую женщину, сказав Рехеме, где ее посадить.

Караван машин медленно выстроился в линию и пополз наверх, где вооруженная охрана беспрепятственно открыла им ворота и выпустила наружу. Они разъехались в разных направлениях. Рехема быстро разогналась до предельной скорости, попросив Рэйфорда еще раз спеть ту песню.

И под его пение «Повинуйся и верь, нет иного пути, чтобы счастья в Иисусе достичь...», Рехема доставила женщину к ее радостной, заплаканной семье, а затем поехала сразу же к детскому центру, где у ворот стоял ее сын с собранным рюкзачком и сонными глазами. Он вежливо поздоровался с Рэйфордом, забрался на свое сиденье и тут же заснул.

Рехема повела машину прямо к жилому автофургону, где Рэйфорд быстро представил ее своим и вкратце рассказал ее историю. Остальные радостно пригласили ее в свою семью, и было решено, что она поедет вместе с ними в Сиву. Не прошло и часа, как они уже были в пути.

На следующий вечер она стала одной из многих недавних заключенных, которые

свидетельствовали о чудесном полуночном спасении из тюрьмы. Сива испытала такое возрождение, как никакой другой город в Осазе.

Рэйфорд и его команда мобилизовали местные силы и, наконец, отправились в Израиль в такой долгожданный отпуск.

* * *

Касим Марид, конечно же, был уволен из ЦДС и умер в сто лет.

Его сменил друг Абдуллы Абданеха Сарсур, в которого просто влюбился весь персонал и разросшаяся за девять сотен последующих лет семья Кэмерона Уильямса.

Игнас и Лотар также умерли в сто лет — как и Мудавар — и стали мучениками «Иного Света», почитаемыми миллиардами приверженцев девятьсот лет спустя.

Кенни и Екатерину Уильямс венчал Брюс Барнс. У этой пары родились восемь сыновей, шесть дочерей и более восьмидесяти внуков в течение последующих двухсот лет. Эта пара распространила работу ЦДС в Греции, осуществив мечту Екатерины. Они работали там, пока не стали слишком слабы, чтобы продолжать свое дело.

Под конец работать в ЦДС стали только преображенные, поскольку стареющие, в конце концов, испытали влияние времени. Когда их возраст достигал семисот лет, они

начинали ходить медленнее и испытывать ослабление своих чувств, особенно зрения и слуха.

На восьмисотый день рождения Мака МакКаллама были приглашены все его бывшие друзья, близкие и сотрудники, чтобы отпраздновать это день в ЦДС в Израиле, и большинство из них приехали к нему. Он попросил микрофон и объявил:

— Мне кажется, что мне пришла в голову блестящая идея. Возможно, это внушено Господом, но пока точно не узнаем, я буду считать, что это моя мысль. Давайте заключим соглашение, все мы, присутствующие, что найдем способ вернуться сюда, чтобы стать свидетелями окончания Тысячелетия. Если все смогут добиться этого в течение последующих двухсот лет, в мой тысячетный юбилей у нас будет тут замечательное собрание, и все вы, преображенные, сможете покормить с ложечки нас, стариков. Как насчет этого?

Это предложение все встретили горячо и с радостным смехом, а затем забыли о нем на несколько лет, пока Рэйфорд не поднял эту тему в разговоре с Хлоей и Кэмероном.

— Ваш центр разросся, — сказал он. — И население Земли резко выросло — мы ведь знали, что так и будет. Давайте освободим одно здание, где вы, молодые, сможете присматривать за нами, стариками, чтобы не складировать нас где-то еще. Кенни и Кэт уже не могут ходить без палочки. Мак и Хаим — в инвалидных колясках, скоро и я

в такую усадусь. Только Абдулла еще ходит бодро, но и это ненадолго. Что скажете?

Кэмерону, похоже, понравилась мысль, поскольку, когда на вечеринку по поводу тысячетного юбилея Мака собралась практически та же толпа, «шестеро стариканов», как они теперь были известны, сели рядом в своих инвалидных креслах лицом к горизонту.

— Это как похороны, на которых нет покойника, — сказал Мак, когда все любимые его люди из прошлого прошли длинной чередой мимо Рэйфорда, Кенни, Екатерины, Хаима, Мака и Абдуллы.

Посетителям пришлось напоминать Рэйфорду о том, как их зовут и что их связывает. Его сердце переполняло счастье, пока с ним здоровались Лоретта, секретарша Брюса Барнса, Флойд Чарлз, Давид Хасид, Ти Диланти, мистер и миссис Миклос из Греции, Кен Ритц, Хэтти Дюрхэм, Энни Кристофер, Стив Планк, его собственные родители, которые выглядели на много сотен лет моложе его, Аманда и ее первый муж, Альби, Хана Пэйлмун, Зики-старший и младший, семейство Себастиан — Джордж, Присцилла и Бет Энн, Бритва. Энох Думас, Ли Роуз, Элеазар Тибериас и его дочь Наоми, Чань Вонг, Отто Везер, Лайонел Уолум, Минь Той и Ри Ву и многие другие.

— Знаешь, чего я хочу? — заявил Рэйфорд.

— Ну, скажи, папа, — сказала Хлоя.

— Я хочу снимок изначального отряда Скорби.

Хлоя подозвала Брюса и Кэмерона, и все трое преображенных встали позади кресла Рэйфорда.

Мгновенная фотография поразила даже Рэйфорда. На ней были трое крепких молодых людей, застывших в расцвете жизни, и долговязый костлявый старик с отвисшей челюстью, мутными глазами, лысый, весящий, дай бог, сотню фунтов, с бутрящимися на руках венами, закутанный в свитер, не смотря на пустынную жару.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Последний день Тысячелетнего Царствия

Землю наводняли миллиарды людей, и конец Тысячелетнего царства был совершенно не похож на его начало. Это не удивляло Рэйфорда, который следил за новостями, часто сидя перед экраном телевизора вместе с Хаимом Розенцвейгом.

— У нас нет ни одного обученного солдата, — сказал он. — Да нам они и не нужны. Это огромное в истории человечества воинство не сможет даже волоска с головы верующего уронить.

Последние три года приходили сообщения о миллионах приверженцев «Иного Света», которые с каждой минутой все смелели. Их листовки и электронные сообщения заполнили мир, они вербовали новобранцев, накапливали оружие и обучали военные силы, тысячекратно превышавшие те, что собрались на битву при Армагеддоне тысячу лет назад.

Рэйфорд изумлялся, почему Господь допускает такие наглые, бессмысленные акты неповиновения со стороны стольких людей, которые буквально показывают нос Иисусу и земным правителям, которых Он избрал из тысячелетий человеческой истории. Даже в Израиле по улицам грохотали танки, маршировали солдаты в униформе и перед глазами верных проезжали ракеты и бомбы.

Телепередачи со всего мира показывали ту же картину, если не худшую, — целые группы людей в черной униформе боевиков «Иного Света». Конечно, все они были моложе ста лет и потому все еще считались детьми — буйными, объединившимися в стаю, горячими, непокорными, злыми детьми. Но они были одаренными детьми, они писали песни, поэмы и речи, предвкушая день, когда их предводитель сам «Иной Свет» воплощенный освободится, по их словам, из заточения «по глупости» Того, Кто его туда заточил.

— Так называемый Всемогущий Бог пожалеет о том дне, когда Он вернет нам нашего предводителя, поскольку это означает величайший поворот, самое решительное поражение, величайшую победу одного противника над другим в человеческой истории!

Боевые корабли, танки, бронемашины, бомбы, ракеты, пусковые установки, всевозможные военные приспособления от палаток до провианта и медицинского оборудования прибывали в порты Святой Земли ежедневно, и вокруг Иерусалима разрастались лагеря.

Рэйфорда поражало, что даже многие из верующих были раздражены и испуганы этим. О, это было ужасно, страшно, невероятно видеть равнины, заполненные войсками и военным снаряжением. Но единственной причиной, по которой правительство это позволяло, было то, что они знали — как Рэйфорд и его друзья, — что все планы мятежников неосуществимы.

— Столько потрачено времени, Рэйфорд, — говорил Хаим слабым голосом, — столько ожидания. Пророчества же говорят ясно, что все завершится очень скудно. Подумай, какая ирония судьбы.

Рэйфорд вспоминал времена, когда все радио- и телеканалы были полны хвалы Господу Христу, который правил Землей со Своего престола. Теперь люди по обе стороны конфликта словно бы забыли о Его присутствии, о том, что Он все еще правит, что Он по-прежнему обречен на успех. Сейчас все каналы были забиты дебатами, речами, обвинениями и контробвинениями.

А враги продолжали прибывать. Каждая нация Земли выставила свои войска. И в то время как многие верные бежали в Святую Землю, остальные поклялись сражаться с «Иным Светом» до конца.

Единственным вопросом последнего дня оставалось конкретное время освобождения Богом своего верховного векового врага.

Это стало очевидно, когда бесчисленные последователи «Иного Света» заявили, что

их многовековой проект по создания невиданного в истории арсенала привел к наглядному для всех результату, изуродовавшему пейзаж Израиля. Бесчисленное войско окружило Град Давида.

Тысячу лет не было ни войны, ни слухов о войне, ни одна нация не выступала против другой. Теперь «ИС» выставил очень организованную, обученную, отлично вооруженную армию из сотен миллионов бойцов. Наконец, стало понятно, что Господь выпустил Сатану, согласно Писанию, когда войска со всего мира собрались на брань и «число их было как песок морской».

И весь мир смотрел — многие по телевидению, другие, как они надеялись, с безопасного расстояния — на то, как колоссальное войско внезапно загудело от предвкушения. Очевидно, Сатана вырвался из плена и сейчас был среди них, готовясь явить себя и возглавить их. Вселенская битва конца времен между силами добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти была готова начаться.

Рэйфорд и его друзья собрались на веранде дома Кэмерона, где можно было увидеть, как это все разворачивается. И Рэйфорд понимал, что только благодаря безмерной милости Господа его тысячелетние глаза могли увидеть все в подробностях. Словно Сам Господь представлял действо на сцене разума Рэйфорда.

Миллионное войско Врага грохотало и вопило тысячами голосов, вздымая клубы пыли, насколько видел глаз. И внезапно из

середины толпы вышел вперед сам Сатана, подобный сиянию света, воздев над головой сверкающий меч.

— Теперь, — вскричал он, и голос его было слышно за много миль, — я пришел потребовать то, что мое по праву с начала времен: престол самого Бога!

Сатана двинулся к Храму, шаг его бесчисленных войск глушил голоса природы. Сам Бог, казалось, сделал Рэйфорда выше, чем он был эти столетия. Он как будто снова стал молодым, жаждущим оказаться в первых рядах воинства Спасителя. Он ощущал, что его друзья тоже стоят рядом с ним, пыльные, полные предвкушения, знающие, что правда победит.

Несмотря на все нападки Врага в течение веков, его усилия были напрасны. И Рэйфорд Стил с товарищами смотрели — все они, грешники, искупленные кровью Агнца, сидевшего ныне на троне, — как Иисус встанет, чтобы встретить Врага лицом к лицу в последний раз.

Альфа и Омега, Царь Царей, Владыка Владык, Лев Иуды, Бог Всемогущий, Вечный Отец, Князь Мира, Опора, Спаситель, Христос стоял во дворе Своего Храма.

Сатана, молчавший тысячу лет, возопил:
— Вперед!

Иисус ответил спокойно:
— Я ТОТ, КТО Я ЕСТЬ.

С этими словами облака разошлись, и небо открылось, и оттуда вырвались оранжевые, желтые, красные, раскаленные добела языки

пламени. И все войско Сатаны — мужчины, женщины, оружие, все — испарилось в единый миг, и вокруг святой горы осталось лишь кольцо пепла, который вскоре развеял ветер.

Сатана огляделся и медленно опустил меч. Казалось, он что-то хочет сказать, даже набрал в грудь воздуха, но так и не сказал ничего.

Заговорил Иисус:

— Ты был печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме, в саду Божием; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего.

Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония.

Внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил. Более того, ты привел бесчисленные народы к неверию. Я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией.

От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор.

Множеством беззаконий твоих ты осквернил святилища твои. Все, знавшие тебя среди

народов, изумятся о тебе; ты сделаешься ужасом, и не будет тебя вовеки¹.

Сатана выронил меч и упал, содрогаясь, на колени.

Из Храма вышел царь Давид и провозгласил громким голосом:

— Се есть Иисус Христос, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца².

Давид ушел, а Иисус просто поднял руку и открыл ладонь. Перед Сатаной разверзлась трещина во вселенной. Пламя и черный дым исходили оттуда, где Зверь и Лжепророк корчились на коленях, вопя:

— Иисус есть Господь!

— Иисус есть Господь! Иисус есть Господь! — завопил Сатана.

Иисус сомкнул пальцы, и Сатана низвергнулся в бездну, трещина закрылась, заглушив вопли троих, которым предстояло страдать бесконечно в озере огня и серы.

¹ Иез. 28:11—19.

² Флп. 2:6—11.

Внезапно Рэйфорд понял, каково было Ирэн и Рэйми, когда они возносились. Его приподняло с веранды, его мускулы, плоть, волосы стали такими, как были в возрасте примерно тридцати лет. Одежда его сменилась ослепительно-белым одеянием, когда он сам и все его друзья и близкие поднялись сквозь потолок и крышу и полетели к святой горе. Рэйфорд понимал в глубине души, что и он, в конце концов, стал преображенным.

Единственное, что теперь имело значение, — это хвала и слава Иисусу, Тому, Кто возлюбил его душу и спас ее. И когда миллиарды переживших Тысячелетнее Царствие возносились, он увидел, как на землю нисходил чудеснейший город из прозрачного золота, столь ослепительно-прекрасный, что прежний ограниченный разум Рэйфорда просто не смог бы осознать его.

И когда избранные и искупленные за всю историю человечества радостно собрались в обновленном Иерусалиме, они в священном трепете взирали на окончательное воскрешение, происходившее под ними. Из всех углов и трещин земли, из морей, из-под земли вставали все мужчины и женщины истории, умершие не во Христе.

С небес спустился Иисус, восседающий на огромном белом престоле, и от лица Его бежало небо и земля. Огонь сошел с неба и поднялся из глубин земли и охватил земной шар, и во мгновение ока тот сгорел дотла и рассыпался в пространстве крошечными пылающими искорками.

Рэйфорд теперь понимал, что Писание предсказывало этот великий суд, поскольку под собой он видел мертвых, великих и малых, стоявших перед Иисусом. Это были те, кто, согласно Откровению 20:5, «не ожили, доколе не окончится тысяча лет». Как и говорила Библия, море отдало своих мертвых, «и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них». Все эти миллиарды грешников теперь, воскресшие, стояли, полные стыда, перед Иисусом. Рэйфорд молился вместе со всеми, кто избежал этого судного часа.

Перед Иисусом лежали три огромные книги: Книга Жизни, в которой были записаны имена всех, кто когда-либо жил, Книга Деяний, в которой были записаны все добрые и злые дела, ими совершенные, и Книга Агнца, в которой были записаны только те, кто уверовал в Христа ради спасения. Преображенный разум Рэйфорда дал ему понять, что он, конечно, был записан в Книге Жизни, но был прощен за все дурные дела, вписанные в Книгу Деяний. И что он и все, находившиеся с ним в этом прекрасном граде Божием, были вписаны в Книгу Агнца, в то время как все злосчастные души, все еще толпящиеся у престола — нет.

Какой контраст! Все, кто был с Рэйфордом, жаждали узреть Иисуса и дожили до дня, когда они войдут вместе с Ним в рай. Те же, кто ждал суда, выглядели так, словно им было страшно даже глянуть на Него, словно они отдали бы все, только бы оказаться подалее отсюда.

В своем новом статусе Рэйфорд также инстинктивно понял Божию экономию времени. Разбираться с каждым из всей толпы, даже если каждому уделить пару минут — по земному времени, — заняло бы миллионы лет. Но для Господа тысяча лет — как один день, а день — как тысяча лет. Каким-то образом Господь судил каждого отдельно, перечисляя его или ее грехи и преступления и назначая наказание — всем озеро огненное. Но одним были суждены муки более тяжкие — циникам, которые сбивали других, особенно детей, с пути истинного. В какие-то мгновения все было кончено. Неверующих судили по их делам, записанным в книге. Затем Иисус поверг Смерть и Ад в озеро огненное, и все, кто не был записан в Книге жизни Агнца, были брошен в озеро огненное.

Рэйфорд понимал, что многие приговоры в прежние времена повергли бы его в ужас, но сейчас, услышав оскорбления тех, кто отвергал, отвергал и отвергал Того, Кто «не желал ничьей гибели», и видя слезы на лице Иисуса, произносившего приговор, Рэйфорд, как никогда, понял, что Иисус никого не отправлял в ад. Они сами выбрали свой путь.

Теперь, когда Земля и ее атмосфера исчезли в огне, а нечестивцы были навеки повергнуты в огненное озеро, остался только новый Иерусалим и Иисус на Своем престоле. В одно мгновение Иисус создал новую Землю, на которую снизошел Святой Град.

Внезапно Рэйфорд увидел то, что видел три с лишним тысячи лет назад Иоанн Богослов: новое небо и новую землю, ибо прежние небо и земля ушли в прошлое. Моря больше не было. И громкий голос с небес воззвал:

— Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло¹.

Затем Иисус сказал со Своего престола:

— Се, творю все новое! Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою.

Иисус встал и, раскинув руки, обратился к миллиардам верных:

— Вы уверовали в Меня и приняли Мою смерть на кресте во искупление ваших грехов. Мое воскрешение из мертвых доказало, что Моя жертва принята Отцом. И потому за веру вашу Я зову вас в вечный град, который Мы с Отцом приготовили для вас!

Рэйфорд едва понимал, куда смотреть. Под ним была новая Земля, величественная, бесконечная, прекрасная — таким, наверное, был сад Эдемский. Все вокруг города было исполнено славы Господней. Свет его был по-

¹ Здесь и далее Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 21.

добен драгоценнейшему камню яспису, чистейшему кристаллу. Он имел большую и высокую стену, двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах были написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых: с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот.

Стена города имела двенадцать оснований, и на них были имена двенадцати Апостолов Агнца. Город был расположен четырехугольником, и длина его была такая же, как и широта. Стена была построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города были украшены драгоценными камнями. А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло.

Храма в городе не было, и Рэйфорд знал почему. Город не имел нужды ни в солнце, ни в луне, ибо больше не будет ночи. Не будет нужды ни в лампе, ни в солнце, ибо слава Божия осветила его и светильник его — Агнец.

Единственными, кто остался на новом небе и новой Земле, были те, кто был вписан в Книгу жизни Агнца. И царству их не будет конца.

ПРИМЕЧАНИЕ ДОКТОРА ТИМА ЛАХЭЯ

Мы с Джерри излагали нашу истину о конце времен в виде вымышленной истории, мы испытывали необыкновенное ощущение руководства Божьего. Мы молились о том, чтобы самые сложные и сбивающие с толку моменты Писания ожили перед нашими глазами.

Как вы, наверное, можете догадаться, это было пугающим, но в то же время самым радостными и благодарным опытом в нашей жизни. Мы старались передать Писание, используя проверенный веками метод — воспринимать все описанные в Библии события в буквальном смысле, где только это возможно. Когда было очевидно, что Писание говорит символично, мы тщательно рассматривали контекст и сравнивали его с аналогичными пассажами, чтобы попытаться определить, что на самом деле имели в виду авторы. Мы никог-

да не пытались изменить Писание, но искренне старались использовать вымысел для того, чтобы пролить свет на пророческую правду.

Сейчас уже не должно оставаться вопросов, но позвольте мне еще раз сказать, что мы действительно верим, что описанное нами в этих книгах когда-нибудь случится. И мы молимся всей душой, чтобы эта шестнадцатитомная эпопея привела вас ближе к Богу и заставила либо принять Его как вашего Спасителя, или еще сильнее посвятить себя Ему, если вы уже веруете. Тысячи читателей говорили нам, что уверовали благодаря этим книгам, отчего все остальное, связанное с этими романами, — освещение в прессе, дискуссии, первые места в списках бестселлеров — просто поблекло. Ничто не может так радовать автора, как услышать, что его роман изменил жизнь читателя. Что ж, когда читатели нам это говорят, они подразумевают это буквально.

Если эти книги таким же образом повлияли на вашу жизнь, мы были бы рады услышать это от вас. Просто напишите нам на адрес нашего издателя.

Один из завершающих стихов Библии говорит: «Жаждающий пусть приходит, и жаляющий пусть берет воду жизни даром». Это говорит нам о том, что спасение зависит от нашего выбора — любой, кто желает, может прийти. Если у вас в душе остался вопрос, принять ли вам живого Христа, то я, согласно Его призыву, прошу вас изменить ваше мнение и принять Его как своего Спасителя прямо сегодня.

Карта на стр. 18

BOUNDARIES FOR THE TWELVE TRIBES
IN THE MILLENNIAL KINGDOM

УДЕЛЫ ДВЕНАДЦАТИ КОЛЕН
ИЗРАИЛЕВЫХ ВО ВРЕМЯ ТЫСЯЧЕЛЕТ
НЕГО ЦАРСТВИЯ.

- Mediterranean Sea* — Средиземное море
Dan — Дан
Asher — Асир
Naphtali — Неффалим
Manasseh — Манассия
Ephraim — Ефрем
Estimated National Boundary — предполагаемая
государственная граница
Reuben — Рувим
Land of Israel — Земля Израиля
Judah — Иуда
Valley of Jehoshaphat? — Долина Иесофат?
Holy Portion — Святой удел
Benjamin — Вениамин
Simeon — Симеон
Issachar — Иссахар
Zebulun — Завулон
Gad — Гад
The Sea — Море
Top view of Temple — план Храма
Inner court wall — внутренние стены
Separating courtyard — отдельный внутренний
двор
Outer wall — внешняя стена
Terrace — Терраса
Wall of side chambers — Стена боковых комнат
Wall of sanctuary — Стена святилища
Sanctuary — Святилище

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.Christian WritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арапата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

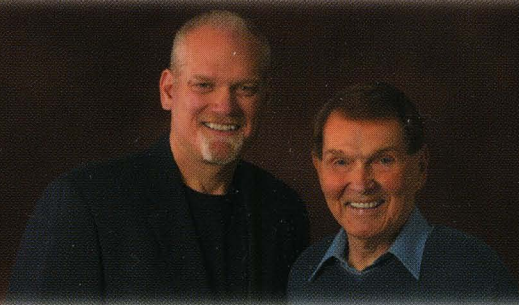
Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коныхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 30.04.13 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 14,7.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО — последний роман саги «LEFT BEHIND®». Ужасные испытания времени Скорби остались позади. На Земле установилось Царствие Христово. И все же зло проникает в сердца людей, и новое поколение неверующих начинает войну за право обладания планетой.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Не просто художественный вымысел. Дженкинс... создал роман, представив конец света захватывающей историей, от которой – страница за страницей – невозможно оторваться до рассвета».

CHICAGO TRIBUNE

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0656-2

9 785422 406562

www.Leftbehind.ru